

Х.-М. И. ХАДЖИЛАЕВ

81 632 93-2
г-14
801055

**ПОСЛЕЛОГИ
И ПОСЛЕЛОЖНО-ИМЕННЫЕ
СЛОВА
В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ
ЯЗЫКЕ**

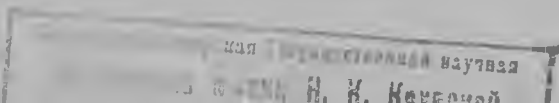
КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЧЕРКЕССК - 1962

Х.-М. И. ХАДЖИЛАЕВ

ПОСЛЕЛОГИ
И ПОСЛЕЛОЖНО-
ИМЕННЫЕ СЛОВА
В КАРАЧАЕВО-
БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

801055

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЧЕРКЕССК—1962

ПРЕДИСЛОВИЕ

Послелог—служебная часть речи, выражающая синтаксические отношения между именами или между именем и глаголом в предложении.

По своей функции выразителя синтаксических отношений послелоги тесно связаны с системой склонения: они уточняют и дополняют значение падежей, а также обозначают синтаксические отношения, не представленные системой склонения.

Между тем, в карачаево-балкарской лингвистической литературе послелоги не получили надлежащего освещения. До последнего времени карачаево-балкарское языкознание в сущности обходилось даже без употребления термина «послелог».

Исходя из потребности улучшения работы по преподаванию родного языка, автор решил дать в распоряжение учителей школ и студентов вузов Карачаево-Черкесской автономной области и Кабардино-Балкарской АССР, по возможности, полное описание значений, грамматических функций, морфологического состава и фонетических особенностей послелогов карачаево-балкарского языка.

Все это и обусловило появление настоящей работы.

Полагаем, что изучение всего многообразия вопросов, связанных с категорией послелогов, на материале карачаево-балкарского языка представит несомненный интерес и для тюркологии.

Сказанное отнюдь не означает, что в тюркологической литературе до сих пор ничего не сказано о категории послелогов. В советской тюркологии, особенно за последнее время, вопросу о послелогах посвящено значительное количество работ и выводы предлагаемой работы опираются как на наблюдения самого автора, так и на опыт, накопленный в тюркологии по послелогам отдельных тюркских языков. При этом в ряде случаев автор сознательно отходил от традиционных объяснений и схем и стремился по-новому осветить некоторые положения, касающиеся как сущности категории послелогов, так и вопроса о месте послелога в грамматическом строе языка с морфологической, синтаксической и семантической точек зрения.

Особое внимание уделено выяснению отличительных особенностей послелогов карачаево-балкарского языка от послелогов других тюркских языков.

Чтобы полнее представить себе степень освещенности исследуемого вопроса в тюркологии, в настоящем исследовании рассмотрены взгляды известных тюркологов как прошлого столетия (И. Гиганов М. Казем-Бек, О. Бётлингк, В. В. Радлов, Н. Ф. Катанов Н. И. Ашмарин и др.), так и советского периода (А. Самойлович, В. А. Гордлевский, Н. К. Дмитриев, А. П. Поцелуевский, Н. А. Баскаков, А. Н. Кононов, С. А. Джафаров, Г. И. Мирзазаде, У. Б. Алиев, Н. П. Дыренкова, А. А. Коклянова, В. А. Исенгалиева и др.) на послелоги.

Для полноты обрисовки исходного теоретического фона по предмету исследования, автор работы привлекает и мнения крупнейших исследователей русского языка (М. В. Ломоносов, А. Х. Востоков, Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня, А. А. Шахматов, Ф. Ф. Фортунатов, А. М. Пешковский, И. И. Мещанинов, В. В. Виноградов и др.) по отдельным вопросам исторического развития и функционирования предлогов русского языка, отличающиеся глубиной и меткостью наблюдений.

В качестве иллюстративного материала использованы:

- 1) карачаево-балкарский фольклор;
- 2) произведения карачаево-балкарской художественной литературы;
- 3) язык современной карачаево-балкарской печати;
- 4) живой разговорный карачаево-балкарский язык.

Как дополнительный материал, использованы примеры из различных современных тюркских и древнетюркских языков.

Балкарский материал дается на основе балкарского написания карачаевский—на основе карачаевского. Арабица и латиница карачаевских и балкарских текстов транслитированы современной графикой.

В работе учтены и те незначительные диалектные особенности в употреблении отдельных послелогов как карачаевцами, так и балкарцами.

Работа над исследованием велась под руководством доктора филологических наук профессора С. А. Джафарова, которому автор выражает свою глубокую признательность

В заключение автор приносит также искреннюю благодарность доктору филологических наук У. Б. Алиеву, советы и отдельные замечания которого способствовали улучшению этой работы.

А В Т О Р.

СПИСОК СОКРАЩЕНИИ

- АН** — Академия Наук
БСЭ — Большая советская энциклопедия
ВЯ — Вопросы языкознания (Москва)
ИСГТЯ — Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков М., 1956.
НИИ — Научно-исследовательский институт
Кн. — Книга
Сб. — Сборник
Жур. — Журнал
Л. — Ленинград
М. — Москва

Бир. атл. — Биринчи атламла. Черкесск, 1958.

Малкъ. жом. — Малкъар жомакъла. Нарт сёзле, элберле. Нальчик, 1959.

Малкъ. поэз. ант. — Малкъар поэзияны антологиясы. Нальчик, 1959.

Къарач. фольк. — Къарачай фольклор. Микоян-Шахар, 1940.

ПОМЕТЫ К СЛОВАМ И ФОРМАМ

азерб. — азербайджанский язык
А. к. д. — автореферат кандидатской диссертации
алт. — алтайский язык
башк. — башкирский язык
букв. — буквально
вм. — вместо
досл. — дословно

древнетюрк. — древнетюркский язык
ед. ч. — единственное число
изб. соч. — избранные сочинения
каракалп. — каракалпакский язык
каз. — казахский язык

кирг.—киргизский язык
кумык.—кумыкский язык
лат.—латинский язык
мн. ч.—множественное число
ног.—ногайский язык
сравни.—сравните
тат.—татарский язык
тур.—турецкий язык

турк.—туркменский язык
узб.—узбекский язык
уйг.—уйгурский язык
ук. соч.—указанное сочинение
хак.—хакасский язык
чув.—чувацкий язык
як.—якутский язык

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- || параллельно употребляющаяся форма, сочетание и т. п.
~ чередование
— превратилось в —, перешло в ...
/ развилось из —, возникло из ...
| при перечислении аффиксов заменяет запятую
= равняется, полностью соответствует

ГЛАВА I

ВВЕДЕНИЕ

Взгляды дореволюционных тюркологов на послелогии

В обширной дореволюционной русской и западно-европейской тюркологической литературе категория послелогов не была предметом специального исследования и рассматривалась, главным образом, в отдельных главах грамматик тюркских языков.

Наш краткий обзор ограничивается разбором тех работ, в которых в той или иной мере уделено значительное внимание трактовке исследуемого вопроса.

Одной из первых и самых значительных тюркских грамматик первой половины XIX века является изданная на русском языке *„Общая грамматика турецко-татарского языка“* проф. М. А. Казем-Бека.¹

Грамматика эта, построенная на учете особенностей ряда тюркских и монгольского языков, в свое время послужила базой дальнейших работ в области тюркологии для Казанской тюркологической школы.

В классификации частей речи, данной в этой книге, послелогии выделены как служебно-вспомогательная часть речи. Однако М. А. Казем-Бек под термином

---

¹М. Казем-Бек. *Общая грамматика турецко-татарского языка*. Казань, 1846.

„послелог“ ошибочно подразумевал почти все средства эквивалентной передачи функции русских предлогов (*надежные аффиксы, послелого, послеложно-именные слова, некоторые другие аффиксы: -сиз, -ча и т. д.*). Автор совсем не дает никакого определения послелога как лексико-грамматической категории и ничего не сообщает об этимологии последних, а ограничивается указанием на то, что в „тюркском языке совершенно нет предлогов, этот род слов, означающий отношение между предметами, тюрками полагается позади слова: поэтому мы его называем послелогоми (*postposition*)“¹

Говоря о классификации послелогов, М. Казем-Бек подразделяет их по морфологическому признаку на две большие группы.

О послелогах первой группы у М. Казем-Бека читаем: „Буквы или слоги, характеризующие надежи в склонении имен или местоимений, суть падежные послелогои“.²

О послелогах второй группы автор пишет: „Другие послелогои суть или слова несклоняемые, или имена, которые могут принимать характеристические частицы падежей и местоимений притяжательных“.³

Профессор М. Казем-Бек, как и его предшественники, „служебные имена“⁴ в современном понимании рассматривал как составную часть категории послелогов, называя их „именными послелогоми“ и указывая, что они „суть некоторые имена склоняемые, которые, принимая сокращенные притяжательные местоимения, употребляются в смысле послелогоа“.⁵

Таким образом, в „Общей грамматике турецко-татарского языка“ профессора М. Казем-Бека весьма слабо разработан вопрос о послелогах. Полного охвата послелогов и „служебных имен“ в грамматике нет, перечисляются лишь некоторые, отсутствует анализ послелогов по функциям.

Оригинальной работой среди тюркских грамматик

---

¹ М. Казем-Бек. Ук. соч., стр. 312.

² Там же.

³ Там же.

⁴ П. Гольдерман. *Grammaire turque*. Константинополь, 1730; И. Гиганов. Грамматика татарского языка. Спб., 1801.

⁵ М. Казем-Бек. Учебные пособия для временного курса турецкого языка, Спб., 1854, стр. 77.

прошлого столетия следует считать „Грамматику алтайского языка“, составленную членами Алтайской миссии.¹

В предисловии к „Ойротской грамматике“ Н. П. Дыренковой, проф. С. Е. Малов указывал, что „Грамматика алтайского языка“, составленная крупными знатоками (теоретиками и практиками) алтайского и других тюркских языков, имело большое значение не только в свое время, но не утратила такового и теперь.²

В этой работе также дифференцируется категория послелогов как особая служебная часть речи. Здесь впервые группа послеложно-именных слов (в работе они названы „особыми именами“) связывается с пространственными падежами (дательный, местный, исходный). Совершенно справедливо отмечается, что пространственные падежи показывают общее направление действия, а для конкретизации, для точного обозначения положения предмета „между названием этого предмета и падежным послелогом вставляется особое имя, например, *ич*—внутренность, *тыш*—внешность, *юст*—верх, *алт*—низ, *алын*—перед, *кийин*—зад, *йан*—бок, сторона и др.“³

В работе уделено значительное внимание описанию этимологии отдельных послелогов. Приводятся и анализируются восемь послелогов (остальные рассматриваются попутно с переводом русских предлогов на алтайский язык). При характеристике послелогов отмечается, с какими падежами они сочетаются и даются примеры.

В „Грамматике“ встречается и ряд неточностей. Так, понятие послелог включает в себя (как и в грамматиках И. Гиганова и М. Казем-Бека) падежный аффикс. Кроме того, оно охватывает аффикс сравнения *-ча*, *-че*, основным значением которого является „образец, мера, степень“ и аффикс уподобления *-дый*, *-тый*.

Несмотря на отмеченные недостатки, „Грамматика алтайского языка“ более полно и подробно освещает

¹ Грамматика алтайского языка. Казань, 1869.

² М. П. Дыренкова. Грамматика ойротского языка. М.-Л., 1940, см. предисловие проф. С. Е. Малова.

³ Грамматика алтайского языка. Казань, 1869, стр. 105.

категорию послелогов по сравнению с работами, предшествовавшими ей.

Освещение некоторых вопросов, связанных с категорией послелогов, можно найти в отдельных главах следующих грамматик:

1) в работе И. Гиганова „Грамматика татарского языка“, СПб, 1801, стр. 178—187;

2) в работе О. Бётлингга „О языке якутов“¹ имеется небольшой раздел: „Von den postpositionen“;

3) в „Грамматике турецкой, персидской, киргизской и узбекской“ М. Терентьева, (кн. I, СПб., 1875), стр. 36;

4) в „Краткой грамматике казах-киргизского языка“ П. М. Мелиоранского (ч. I, Фонетика и этимология. СПб., 1894, ч. II, СПб. 1897);

5) в работе Н. Ф. Катанова „Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня“. Казань, 1903;

6) в работе Т. Макарова. „Татарская грамматика (кавказского наречия)“. Тифлис, 1848, стр. 112—114;

7) в „Грамматике киргизского языка“. Оренбург, 1897, стр. 113—114;

8) в работе И. А. Беляева. „Грамматика туркменского языка“. Асхабад, 1915 и др.

Зарубежные тюркологи трактуют проблему послелогов примерно так же, как и русские тюркологи. В грамматике османско-турецкого языка Готтхольда Вейля² высказывается ряд интересных замечаний по вопросу употребления послелогов в современном турецком языке.

Анализируя послелогов турецкого языка в сравнительном плане с предлогами немецкого языка, автор отмечает, что сфера грамматических отношений (конкретных и абстрактных), выражаемых послелогов турецкого языка, уже, чем сфера грамматических отношений, выражаемых предлогами немецкого языка. Приводятся примеры с предлогами *nach*, *vor*, *über* (стр. 73).

¹ O. Böhlingk. *Über die Sprache der Jakuten*. SPb, 1851, стр. 294.

² *Grammatik der osmanisch — turkischen Sprache* von Dr. Gotthold Weil, Berlin, 1917.

Из изложенного видно, что в работах, посвященных изучению тюркских языков дооктябрьского периода, вопрос о послелогах освещается слабо; отсутствует четкое определение послелога, как лексико-грамматической категории. Не были установлены критерии определения послелога как служебной части речи. В лучшем случае определение послелогов сводилось к отождествлению с предлогами индоевропейских языков с той лишь разницей, что „послелоги ставятся после имен“. Чтобы не быть голословным, приведем определение послелогов из двух работ: „Предлоги у турков непосредственно после имен поставляются. Одни из них именительным, другие дательным, а прочие творительным падежом управляют“¹ или же: „Частицы, соответствующие русским предлогам, в киргизском языке ставятся после имен, к которым относятся, и потому удобно называть их послелогами“.²

Отсюда и выходило то, что авторы рассмотренных работ, в большинстве своем, в понятие „послелог“ включали почти все постпозитивные элементы тюркских языков: послелоги, послеложно-именные слова, надежные и некоторые другие аффиксы. А профессор М. Казем-Бек под понятие „послелог“ подводил и вопросительную частицу *-ми (-му)*.³

Анализ грамматических функций послелогов в работах тюркологов прошлого столетия отсутствует.

Вопрос о послелогах в работах советских тюркологов

„Не сочинять, не выдумывать законы языка, а выводить из реально существующего языка“, — писал В. Белинский еще в прошлом столетии в своем учебнике „Основание русской грамматики“, изданном в 1837 году, имея в виду тех, кто, игнорируя живую форму и самобытность русского язы-

¹ Турецкая грамматика. СПб, 1776, стр. 84 (переведена с французского).

² Грамматика киргизского языка. Оренбург, 1897, стр. 113.

³ М. Казем-Бек. Общая грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1846, стр. 314.

ка, подгонял его под рамки средневековой грамматики, построенной на схоластическом принципе.

На неправомочность навязывания изучаемому языку чуждых ему категорий указывал и крупнейший лингвист И. А. Бодуэн де Куртенэ—основатель Казанской лингвистической школы: „Видеть в известном языке без всяких дальнейших околичностей категории другого языка не научно; наука не должна навязывать объекту чуждые ему категории и должна отыскивать в нем только то, что в нем живет, обуславливая его строй и состав“.¹ (*Разрядка наша—Х.-М. Х.*).

И в самом деле, только несоблюдением этого принципа можно объяснить соответствующие неточности в трактовке вопроса о послелогах в работах большинства тюркологов прошлого столетия.

Принципиально иными являются в этом отношении исследования советских тюркологов. Критически переработав все успехи и достижения науки о тюркских языках и развив ее дальше, они создали стройную науку—тюркологию.

Освещению разрешенности проблемы послелогов в современную эпоху, мы решили начать с работы одного из самых замечательных представителей советских тюркологов старшего поколения—академика В. А. Гордлевского.²

В. А. Гордлевский все послеложные слова турецкого языка подразделял на **послелоги-имена** и **послелоги-частицы**. Под **послелогими-именами** он понимал „имена существительные, выполняющие служебную роль „предлогов“ (в дательном, местном и исходном надежах)“.³

О „послелогах-частицах“ автор пишет: „Есть еще другая категория послелогов—послелоги-частицы (энклитики), отличающиеся от послелогов-имен“.⁴ В. А. Гордлевский отмечает их „внутреннее“ и „внешнее“ отличие от послелогов-имен.

¹ И. А. Бодуэн де Куртенэ. Некоторые общие замечания о языковедении и языке. СПб., 1871, стр. 26.

² В. А. Гордлевский. Избранные сочинения, т. II. Грамматика турецкого языка. М., 1961, стр. 11—121.

³ В. А. Гордлевский. Ук. соч., стр. 67.

⁴ Там же, стр. 69.

„Внутреннее“ отличие, по словам автора, заключается в том, что „последлоги-имена в значительной степени сохраняют (в своем значении и в своей изменяемости по падежам) характер существительных, последлоги-частицы (турецкого происхождения) утратили характер имен; только некоторые из них, и то лишь весьма слабо, отражают первоначальное именное происхождение“.¹

„Внешнее“ отличие состоит в том, что „последлоги-имена, сочетаясь с существительным-определением, принимают местоименную приставку 3-го лица и изменяются по падежам, последлоги-частицы (сочетаясь с неопределенным, дательным или исходным падежами) не изменяются (т. е. не принимают приставок и не склоняются)“.²

Из трех грамматик, написанных Н. П. Дыренковой³, наиболее полное определение категории последлогов находим в *„Грамматике хакасского языка“*.

В этой работе последлоги автором характеризуются как „служебные слова, показывающие отношения имени (существительного, местоимения, числительного, причастия), стоящего в косвенном падеже, к тем словам, к которым они относятся“.⁴

Здесь же отмечено, что в качестве последлогов могут употребляться служебные имена, ряд наречий, деепричастий⁵ и т. д.

Несмотря на то, что приводится множество примеров с последлогами, в работах Н. П. Дыренковой нет классификации последлогов ни по падежам, с которыми они употребляются, ни по их функциям в предложении.

Своеобразно подошел к рассмотрению категории последлогов Л. Н. Харитонов в своей работе *„Неизменяемые слова в якутском языке“*.

В ней последлоги не дифференцируются как отдельная служебная часть речи, а отнесены к разделу час-

---

¹ В. А. Гордлевский. Ук. соч., стр. 69.

² Там же, стр. 69—70.

³ Н. П. Дыренкова. Грамматика ойротского языка. М., 1940, стр. 215; Грамматика шорского языка. М., 1941, стр. 232; Грамматика хакасского языка. Абакан, 1948, стр. 117.

⁴ Н. П. Дыренкова. Грамматика хакасского языка. Абакан, 1948, стр. 117.

Там же, стр. 117—120.

тиц вместе с модальными словами. „К частицам мы присоединяем так называемые послелогои, а также модальные слова, выделяемые в настоящее время некоторыми русскими грамматиками в особую группу слов“. И далее там же читаем: „Эти слова (послелогои) обычно трактуются как особая часть речи, однако в грамматиках тюркских языков до сих пор не удается достаточно, четко и убедительно реализовать такое понимание этих слов“.¹

Послелогои якутского языка были отнесены к категории неизменяемых слов (частиц) еще О. Бётлингком. Он также не находил нужным выделить послелогои в особую грамматическую категорию. По этому вопросу О. Бётлингк писал следующее: „Собственно послелогов, т. е. слов, которые по своему значению были бы равны предлогам индоевропейских языков и которые составили бы одновременно самостоятельную часть речи, якутский язык не знает“.²

Академик И. И. Мещанинов в своей работе „*Члены предложения и части речи*“ подобное смешивание различных грамматических категорий некоторыми лингвистами назвал просто „недоразумением“: „Когда в отдельных грамматиках, например, северных языков, хотя бы хантыйского (остяцкого), частями речи выделяются имя, глагол и неизменяемые частицы, с отнесением к числу последних так же и таких лексически и синтаксически совершенно различных категорий, как наречия и послелогои, глагольные приставки, союзы, отрицательные частицы и междометия, то это можно считать лишь недоразумением. Такая классификация построена на односторонне взятом внешнем признаке без всякого учета лексической значимости и синтаксической функции“.³

Несколько иную позицию в вопросе о послелогогах занимал проф. Н. К. Дмитриев. Послеложные слова он подразделял на две особые категории: „*послелогои*“ и „*служебные имена*“. Послелог им характеризуется

---

¹ Л. Н. Харитонов. Неизменяемые слова в якутском языке. Якутск, 1943, стр. 73.

² O. Vohtlingk. *Über die Sprache der Jakuten*. СПб, 1951, стр. 294.

³ И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. М.—Л., 1945, стр. 296.

как „неизменяемая часть речи, которая выражает отношение между предметами и управляет каким-либо падежом имен (существительных, прилагательных, числительных, местоимений и тех из глагольных форм которые представляют известный переход к именам)“.¹

Служебными именами Н. К. Дмитриев считал „такие имена, которые имеют двоякую функцию: первую, прямую, т. е. употребляются по своему основному материальному значению, и вторую, служебную, т. е. употребляются в ином, более абстрактном значении, передавая оттенки разного рода пространственных соотношений“.²

Определение категории послелогов, как неизменяемой части речи, данное проф. Н. К. Дмитриевым, не применимо без оговорки к послелогам ряда тюркских языков: карачаево-балкарского, кумыкского, турецкого. Дело в том, что некоторые послелогии названных языков могут принимать самые различные аффиксы, свидетельствующие об их изменяемости.³

Классифицируя послелогии по падежам, с которыми они употребляются, Н. К. Дмитриев все послелогии башкирского языка разделил на три группы: послелогии с неопределенным падежом, послелогии с дательным падежом, послелогии с исходным падежом, хотя в башкирском языке существуют послелогии, употребляющиеся и с другими падежами.

Излагая категорию служебных имен, Н. К. Дмитриев делит их на две группы: „имена вертикального плана“ и „имена горизонтального плана“. В этих рамках служебные имена получили достаточно полное освещение.

---

¹ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 120.

² Н. К. Дмитриев. Ук. соч., стр. 229.

³ Сказанное подтверждено нами на материале карачаево-балкарского языка в третьей главе настоящей работы. Что же касается кумыкского и турецкого языков, отсылаем на специальные исследования: Г. П. Александров. Послелогии в современном турецком языке (рукопись диссертации). М., 1956, стр. 17—20; Ю. П. Долинина. Падежи в современном кумыкском языке (рукопись диссертации). М., 1954, стр. 104, раздел „Послеложное управление“.

Подробное описание послелогов каракалпакского языка мы находим у проф. Н. А. Баскакова.

Категория послелогов определяется им как служебная часть речи, „выражающая определительные и главным образом объектно-предикатные синтаксические отношения членов предложения“.¹

Проф. Н. А. Баскаков (так же, как и акад. В. А. Гордлевский) не разграничивает послеложные слова на „послелог“ и „служебное имя“, а рассматривает как единую категорию. В этом отношении заслуживает пристального внимания его следующее высказывание о том, что разделение этих слов на послелог и служебное имя „вызвано только формальными соображениями, так как и те, и другие формы послелогов семантически и синтаксически имеют одинаковое значение и функцию. Следовательно, различие их заключается только в оформлении, особенности которого достаточно учесть при формальной классификации послелогов внутри данной части речи“.

С этой точки зрения все послелогии Н. А. Баскаковым разделены на две большие группы: а) собственно послелогии; б) послелогии—изолированные формы знаменательных частей речи.

О послелогах первой группы читаем, что они „выделились из общего фонда лексики в специальном значении послелогов, как особой служебной части речи“.³

О послелогах второй группы автор пишет, что они являются „изолированными формами чаще всего имен существительных, наречий и именных форм глагола, которые представляют собой либо окончательно выделившиеся из состава соответствующей части речи слова, примкнувшие по своей функции в предложении к системе послелогов, либо также выделившиеся в служебном значении слова, являющиеся в то же время омонимами по отношению к соответствующему слову со знаменательным значением, ср., напр., послелог *къарай*—в служебном значении „по направлению к, к“ и в значении деепричастия на *-й* от глагола *къара*—

---

¹ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, ч. II. М., 1952, стр. 482.

² Н. А. Баскаков. Ук. соч., стр. 482—483.

³ Там же, стр. 482.

„смотреть“ или послелог *ишинде* в служебном значении „в“ и в значении имени существительного с аффиксом принадлежности третьего лица в местном падеже букв: „в его нутре“.¹

Вторая группа послелогов, в свою очередь, делится на три подгруппы: а) послелогги—изолированные формы имен существительных; б) послелогги—изолированные формы имен прилагательных, наречий, числительных и местоимений; в) послелогги—изолированные формы глагола.

Проф. Н. А. Баскаков дал классификацию послелогов главным образом по выражаемым ими объектно-предикатным отношениям между дополнением и обстоятельством, с одной стороны, и сказуемым—с другой, с подробным анализом последних в рамках названной классификации.

Достаточно полное освещение послелогги азербайджанского языка получили в работе проф. С. А. Джафарова.²

Послелогги в названной работе характеризуются как служебная часть речи, уточняющая мысль и выражающая, в основном, объектно-предикатные синтаксические отношения между членами предложения.³

Совершенно справедливо отмечается, что послелогги являются, с одной стороны, лексической, а с другой—грамматической категорией.

В работе оттенено и то положение, что послелогги исторически образовались от слов, имеющих самостоятельное понятие, и в процессе дальнейшего развития переходят в категорию аффиксов.⁴

С этой точки зрения все послелогги автором разделены на три группы: а) неустойчивые послелогги; б) устойчивые послелогги; в) послелогги-аффиксы.

¹ Н. А. Баскаков. Ук. соч., стр. 482.

² С. А. Джафаров. О послелогох в азербайджанском языке. Изв АН. Азерб. ССР, № 4. Баку, 1956, стр. 75—100.

³ С. А. Джафаров. Ук. соч., стр. 98.

⁴ Там же, стр. 99.

Кроме отмеченной классификации, С. А. Джафаровым приведены классификации послелогов как по грамматическим отношениям, выражаемым ими, так и по падежам, с которыми они сочетаются (родительный, дательный, исходный).

Интересный материал о категории послелогов азербайджанского языка имеется и в кандидатской диссертации доц. Дж. Эфендиева,¹ посвященной служебным частям речи.

Немалое внимание уделено этому вопросу и проф. Г. Мирзазаде в его *„Исторической грамматике азербайджанского языка“*.²

Широко освещаются послелогои казахского языка в работе В. А. Исенгалиевой *„Служебные имена и послелогои в казахском языке“*. Алма-Ата, 1957 г.

Вслед за проф. Н. К. Дмитриевым, В. А. Исенгалиева считает правомерным разделение послеложных слов на две особые категории: **послелог** и **служебное имя** и старается обосновать необходимость подобного членения.

В отличие от предыдущих работ, автор утверждает, что послелогои казахского языка употребляются с именами шести падежей: именительным, родительным, дательно-направительным, винительным, исходным и творительно-соединительным.³

В работе уделено значительное внимание вопросу многозначности так называемых собственно послелогов казахского языка.⁴

Ни в одном из тюркских языков категория послелогов не была предметом столь обширного обсуждения, как в современном узбекском языке. Достаточно сказать, что только за советский период разработке проблемы послелогов узбекского языка посвящены

---

¹ Дж. Эфендиев. Послелогои и союзы в азербайджанском языке (рукопись диссертации). Баку, 1946 (на азерб. языке).

² Г. Мирзазаде. Историческая грамматика азерб. языка (служебные части речи). Баку, 1959, стр. 7—33.

³ В. А. Исенгалиева. Служебные имена и послелогои в казахском языке. Алма-Ата, 1957, стр. 4.

⁴ В. А. Исенгалиева. Ук. соч., стр. 135.

пять специальных работ.¹ Здесь мы приведем взгляды проф. А. Н. Кононова на послелогои из *„Грамматики современного узбекского литературного языка“*.

Послелог проф. А. Н. Кононовым характеризуется как „часть речи, выражающая синтаксические отношения между именем и глаголом, между именем и именем“.²

Совершенно справедливо отмечается, что роль послелогов состоит не только в выражении синтаксических отношений между членами предложения; как лексико-грамматическая категория послелогои уточняют и дополняют значение падежей, а также обозначают синтаксические отношения, не выражаемые падежами.

А. Н. Кононов, как и акад. В. А. Гордлевский, проф. Н. А. Баскаков, пользуется термином „послелог“ в широком смысле этого слова, включая в него понятие „служебных имен“, которые в книге названы „послелогами-именами“.

Автором, на обширном материале узбекского языка, проиллюстрирована правомерность положения о том, что послелогои, в процессе их исторического развития, имеют тенденцию превращаться в абстрактно-грамматический элемент объекта, т. е. по своим формально-грамматическим функциям становятся адекватны падежным аффиксам.

Интересные данные о категории послелогов можно найти в работах проф. М. Н. Хыдырова, Дж. Мураталиевой, Г. И. Донидзе,³ в которых приводится боль-

---

¹ У. Турсунов. Послелогои в узбекском языке. Сб. „Двадцатилетний юбилей Узбек. гос. ун-та“. Самарканд, 1947, стр. 101—121; Х. Бердияров. Послелогои в современном узбекском литературном языке, А. к. д. Узбек. гос. ун-т. им. А. Навои (без даты и места издания); А. Н. Кононов. Послелогои в современном узбекском литературном языке. Ташкент, 1951; Ш. Шоабдурахманов. Служебные слова в узб. языке. Ташкент, 1953; А. А. Коколянова. Служебн. имена и послелогои в узб. языке. Труды института языкознания АН СССР, т. III, 1954, стр. 188—211.

² А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 296.

³ М. Н. Хыдыров. Туркмен дилинде кемекчи сезлер меселеси. Ашхабад, 1947; Он же. Послелоглар ве олары уланышлары. Ашхабад, 1947; Дж. Мураталиева. Послелогои в киргиз. языке. Фрунзе, 1958; Г. И. Донидзе. Послелогои в хакасском языке. Записки Хакасского НИИ языка, литературы и истории, выпуск IV, Абакан, 1956, стр. 3—32.

шой иллюстрированный материал, дается этимология многих послелогов, сравнения из других языков тюркской системы.

Из западноевропейских тюркологов значительное внимание послелогам уделил проф. Ж. Дени¹ в своей грамматике турецкого языка. В разделе „Postpositions“ (стр. 584—666) автор высказал ряд интересных замечаний по вопросу употребления, этимологии и синонимии послелогов современного турецкого языка.

Следует, однако, заметить, что проф. Ж. Дени определение послелогов сводит к отождествлению с предлогами французского языка. Так, он пишет: „Частицы, которые в турецком языке играют ту же роль, что предлоги во французском языке, называются послелогам. Они, в самом деле, помещаются не впереди, а позади слова, которым управляют“.² Аналогичные определения послелогов мы уже приводили из работ тюркологов прошлого столетия и отмечали, что они неполностью охватывают сущности этой категории и нами не могут быть приняты. По грамматической роли послелогов действительно имеют аналогию с предлогами, но не тождественны им. К выяснению этой разницы мы вернемся несколько ниже.

Мы вкратце проследили взгляды современных отечественных и зарубежных тюркологов на категорию послелогов, на их классификацию и на выражаемые ими грамматические отношения.

Рассмотренное позволяет сделать следующие выводы:

1) В трактовке определения и термина предмета исследования в работах тюркологов отсутствует единое мнение.

Некоторыми лингвистами, вслед за проф. Н. К. Дмитриевым (В. А. Исенгалиева, Дж. Мураталиева, А. А. Коклянова, Э. Н. Наджип и др.), категория послеложных слов разделена на „послелог“ и „служебное имя“ и рассматривается как две особые лексико-грамматические категории.

---

¹ J. Denu. *Grammaire de la langue turque (Dialecte osmanli)*. Paris, 1921.

² J. Denu. Ук. соч., стр. 584.

Часть же языковедов (В. В. Гордлевский, Н. А. Баскаков, А. Н. Кононов, М. Н. Хыдыров и др.), пользуясь термином „последлог“ в широком его смысле, включают в него и понятие „служебных имен“.

В настоящем исследовании мы так называемым „служебным именам“ карачаево-балкарского языка отвели специальную главу под названием „Последложноименные слова в карачаево-балкарском языке“ и рассмотрели их отдельно от последлогов.¹

2) Спорным является и вопрос о том, с какими падежами тюркского склонения сочетаются последлоги.

Так, выше отмечалось, что проф. Н. К. Дмитриев все последлоги башкирского языка делил по признаку управления на три группы (последлоги с неопределенным падежом, последлоги с дательным падежом, последлоги с исходным падежом). Аналогичную точку зрения разделяют проф. А. Н. Кононов и А. А. Коклянова (на материале узбекского языка).

Проф. Н. А. Баскаков последлоги каракалпакского языка по признаку управления делит на четыре группы: последлоги с основным падежом, последлоги с направительно-дательным падежом, последлоги с винительным падежом и последлоги с исходным падежом.

Существует и другое мнение. Так, проф. С. А. Джафаров на материале азербайджанского языка пришел к выводу, что последлоги употребляются только с тремя косвенными падежами: родительным, дательным и исходным. Форму имени в конструкциях типа: именная основа беспадежного аффиксального оформления + последлог, проф. С. А. Джафаров считает „неопределенным родительным падежом“.

По данному вопросу у С. А. Джафарова сказано: „До сих пор тюркологи, например, проф. Н. К. Дмитриев, Н. А. Баскаков, доц. Д. Эфендиев, подходя к вопросу с чисто формальной точки зрения, считали, что с именами существительными эти последлоги управляются неопределенным или именительным падежом. Такое утверждение, на наш взгляд, является неверным. Эти имена, как и местоимения, управляются родительным падежом, но этот родительный падеж является

---

¹ Подробно об этом см главу IV настоящей работы.

неопределенным и потому не имеет формального признака так же, как неопределенный винительный падеж¹.

Подобную точку зрения разделяет и доц. Х. И. Джаббарзаде на материале азербайджанского языка.²

Касаясь вопроса об управлении в современном азербайджанском языке, Х. И. Джаббарзаде пишет: „Послелого также управляют существительными, но в разной степени. С этой точки зрения падежи делятся на две группы: управляемые и неуправляемые послелогом. В первую группу входят родительный, дательный и исходный падежи, а во вторую—именительный, винительный и местный падежи“.³

Предположение о том, что послелого управляют неопределенным родительным падежом имен, остатки которого находим при употреблении этих послелогов с личными и указательными местоимениями, было высказано и проф. Н. И. Ашмариним, который писал: „Убедился, что послелого не могут сочиняться с именительным падежом. Такие случаи, **сак таран** „до этого места“, **сак тери** „до такой степени“, должно отнести к окаменелым формулам, в которых первая часть должна быть рассматриваема, как простое определение к субстантивировавшейся второй части.“

Все остальные послелого, требующие родительного падежа личных и указательных местоимений, требуют того же падежа, когда они стоят при имени существительном, но только с тою разницею, что в этом случае родительный падеж теряет свой аффикс“.⁴

По вопросу о послеложном управлении в современном азербайджанском языке обстоятельно высказывался Р. Ю. Халилов, который, в отличие от проф. С. А. Джафарова и доц. Х. И. Джаббарзаде, считает, что послелого в азербайджанском языке „могут употребляться со всеми падежами (именительным, родительным, дательным и исходным), кроме винительного и местного“.⁵

¹ С. А. Джафаров. О послелогах в азерб. языке. Известия АН Аз. ССР, № 4, Баку, 1956, стр. 100.

² Х. И. Джаббарзаде. Падежи имен существительных в современном азерб. языке. А. к.-д., Баку, 1959, стр. 9—10.

³ Х. И. Джаббарзаде. Ук. соч., стр. 9—10.

⁴ Н. И. Ашмарин. Опыт исследования чувашского синтаксиса, ч. II, Симбирск, 1923, стр. 268.

⁵ Р. Ю. Халилов. Способы синтаксической связи слов в современном азербайджанском языке. А. к. д., Баку, 1960, стр. 14.

Можно указать еще на мнение В. А. Исенгалиевой, которая считает, что послелогои казахского языка употребляются с именами шести падежей: именительного, родительного, дательно-направительного, винительного, исходного и творительно-соединительного.¹

Итак, хотя упомянутые труды тюркологов содержат много интересных фактов и теоретических обобщений по вопросу о послеложном управлении, наличие подобного количества столь различных точек зрения среди них убедительно доказывает, что многие аспекты этого вопроса все еще ожидают своего научного освещения.

Вопрос о послелогах у исследователей карачаево-балкарского языка

Понятие „современный карачаево-балкарский язык“ включает в себя язык карачаевцев, населяющих большую часть территории Карачаево-Черкесской автономной области, и язык балкарцев, населяющих нагорную часть Кабардино-Балкарской АССР.

Общее число населения, говорящего на карачаево-балкарском языке, по переписи 1959 года, составляет 123 тысячи человек (из них карачаевцев—81 тыс., балкарцев—42 тыс.).

Карачаево-балкарский язык был весьма слабо изучен дореволюционными исследователями и в настоящее время пока что продолжает оставаться в ряду недостаточно исследованных языков.

Ввиду того, что автору настоящей работы уже приходилось выступить со специальной статьей под названием „К вопросу исследования и истории карачаево-балкарского языка“,² он решил, не повторяясь широко, сослаться на упомянутую статью.

Здесь отметим только то, что дореволюционное научное наследство в области специальных исследований карачаево-балкарского языка ограничивается несколь-

---

¹ В. А. Исенгалиева. Ук. соч., стр. 17.

² Х. И. Хаджилаев. К вопросу исследования и истории карачаево-балкарского языка. Ученые записки Азерб. госуниверситета, № 1. Баку, 1961, стр. 83—94.

кими отдельными работами венгерского ориенталиста В. Прёле и работой Н. А. Караулова.¹

Наиболее значительным и в научном отношении ценным является вклад, внесенный В. Прёле в изучение карачаево-балкарского языка. Однако В. Прёле основное внимание уделил описанию самостоятельных частей речи и вопросам лексикографии, почти не затронув вопроса о служебных частях речи.

Упоминание, в полном смысле этого слова, о карачаево-балкарских послелогах можно найти в работе Н. Караулова.

Хотя в работе и имеется специальный раздел: „О союзе, послелоге и междометии“, вопрос освещен крайне слабо, а местами противоречиво. В работе отсутствует не только определение категории послелогов, анализ грамматических функций или их классификация по какому-либо признаку, но фактически отсутствует даже простой перечень наиболее употребительных из них (приведены только три послелога *была, сонъра, ючюн*).

В „Карачаево-балкарской грамматике“ У. Д. Алиева, вышедшей в 1930 году приведено незначительное количество послелогов и даны примеры с ними.²

Ничего нового в рассматриваемый вопрос не внес и автор „Грамматики балкарского языка“ проф. В. И. Филоненко,³ посвятивший сведениям о категории послелогов балкарского языка одну страницу. В работе повторяются ошибки тюркологов прошлого столетия. Так, В. И. Филоненко продолжает подводить под понятие „послелог“ различные аффиксы: *-да, -ча, (-че'), -сиз*.

---

¹ W. Pröhle. 1) Karatschaische Studien Keleti Szemle, t. X, Budapest, 1909; 2) Bal arische Studien. I. Keleti Szemle, t. XV, Budapest, 1914—1915; 3) Balkarische Studien, II. Keleti Szemle, t. XVI Budapest, 1915—1916.

Н. А. Караулов. Краткий очерк грамматики горского языка „болкар“. Сб.: „Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа“, вып. 42, Тифлис, 1912, раздел III, стр. 1—60.

² У. Д. Алиев. Карачаево-балкарская грамматика (горско-тюркский язык). Кисловодск, 1930, стр. 62—65.

³ В. И. Филоненко. Грамматика балкарского языка. Нальчик, 1940, стр. 79.

Например, аффикс именного отрицания **-сиз** в слове **сенсиз** „без тебя“ автор считает послелогом, так как в русском языке этот же процесс происходит с помощью предлога „без“. Разумеется, с подобным утверждением нельзя согласиться, ибо перевод не может служить критерием для определения части речи.

Попутно заметим, что аффикс **-сиз** ошибочно был отнесен к послелогам еще О. Сенковским.¹

В ныне существующих школьных грамматиках по карачаево-балкарскому языку вопрос о послелогах не получил своего надлежащего освещения.

У. Б. Алиев в своей „Грамматике балкарского языка“ послелоги отводит в разряд частиц (к е с е к ч и к л е). Так, он пишет: „Частицами балкарского языка являются: *юсю, таба, таб, чынг, эм, ма, угъай, хоу, терк, тез, ючюн, бла*“.²

В более поздней же своей работе под названием „Вопросы сложного предложения карачаево-балкарского языка“ У. Б. Алиев уделил значительное внимание частным вопросам употребления послелогов в современном карачаево-балкарском языке в связи с исследованием словосочетаний типа: причастие + послелог.³

А. М. Байрамкулов послелоги считает вспомогательными словами (болушлукъчу сёзле). Он приводит список наиболее употребительных послелогов и по признаку управления подразделяет их на четыре группы: послелоги, управляющие основным падежом; послелоги, управляющие дательным падежом; послелоги, управляющие винительным падежом; послелоги, управляющие исходным падежом.⁴

Мы считаем, что послелоги являются особой служебной частью речи и включение их в состав частиц

---

¹ О. Сенковский. Карманная книга для русских воинов в турецких походах. СПб., 1829, стр. 74—75.

² У. Б. Алиев. Малкъар тилни грамматикасы, ч. I, Нальчик, 1958, стр. 180.

³ У. Б. Алиев. Вопросы сложного предложения карачаево-балкарского языка (рукопись диссертации), ч. I. Баку, 1961, стр. 256.

⁴ А. М. Байрамкулов. Къарачай тилни грамматикасы, ч. I, Черкесск, 1958, стр. 158—159.

неправомерно. Следует также отметить, что в карачаево-балкарском языке послелог не употребляется с винительным падежом.

Резюмируя рассмотренное, автор полагает, что исследуемая тема является актуальной для карачаево-балкарского языкознания.

ГЛАВА II

К вопросу о развитии категории послелога в тюркских языках

Общеизвестно, что грамматический строй языка является наиболее устойчивой его частью. Однако это обстоятельство не означает, что он не изменяется, не совершенствуется. Как раз образование послелогов (как и вообще служебных слов), постоянно наблюдаемое в языке явление, служит одним из ярких примеров развития грамматического строя языка и является результатом диалектического разрешения противоречия между растущими потребностями взаимопонимания и грамматическими средствами языка, выражающими эти потребности.

Напомним, что язык в трудах классиков марксизма-ленинизма определяется как „непосредственная действительность мысли“,¹ т. е. связывается с возникновением человеческого мышления.

Но первичные формы мышления были отличны от форм мышления высоко развитого человека и в языке того периода не было такой сложной дифференциации грамматических форм, какую мы наблюдаем в современных языках.

Однако мышление человека недолго оставалось на этом низком уровне. Развитие познавательной деятельности людей, усложнение общественных отношений и

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV. 1937, стр. 434.

общественной практики приводят к развитию более совершенных, более адекватных средств обмена между людьми, являясь, по выражению Ф. Энгельса, мощным толчком дальнейшего развития языка.¹

Иными словами, непосредственно отражая нужды человеческого общества в процессе общения, язык совершенствуется свой грамматический строй.

По образному выражению Т. П. Ломтева, „потребность точно понять вызывает необходимость точно сказать“.² Способы же образования тех или иных служебных слов определяются внутренними закономерностями развития языка.

В тюркских языках потребность в пользовании послелогами для выражения конкретного смысла появилась на очень ранней ступени развития языка. Большое количество послелогов мы встречаем в памятниках древнетюркской письменности V-VIII веков³ с довольно сложной системой грамматических отношений, выражаемых послелогами.

В языке письменности древнетюркских памятников особенно часто встречаются послелоги: **ючюн**, **бирле**, **тапа**, **саю**, **тег**. Так, в работе С. Е. Малова „Енисейская письменность тюрков“ из шестидесяти шести предложений (из 17 памятников) в 31 предложении встречается послелог **ючюн**.

Этимологическое исследование послелогов позволило установить, что они образовались от самостоятельных слов употребляющихся ранее в словосочетаниях для выражения грамматических отношений, теряя при этом возможность выступать в качестве самостоятельного члена предложения. Так, например, послелог **бла** — „с, вместе с“ карачаево-балкарского языка и его фонетические варианты: в кумыкском — **булан** (**мулан**), в туркменском — **билен**, в узбекском — **билан**, в киргизском, каракалпакском — **менен**, в башкирском — **менэн**,

---

¹ Ф. Энгельс. Дialeктика природы. Л., 1950, стр. 136.

² Т. П. Ломтев. О соответствии грамматики потребностям взаимопонимания. Журн. „Вопросы философии“, № 5, 1953.

³ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951; его же: Енисейская письменность тюрков. М.-Л., 1952; Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959.

в азербайджанском, турецком—**иле**, в чувашском—**перле**, в шорском—**пыла**, и др.), по общему мнению большинства исследователей тюркских языков,¹ через ряд промежуточных форм возводятся к собирательной форме числительного **бирлен**, со значением „воедино“, „совместно“, „заодно“. При этом исходная форма послелого **бирлен** может быть разложена на

бир + ле + н, где

бир— „один“ **ле**—аффикс, образующий глагол от имен, **н**—аффикс имени.

Послелог **кибик** „подобно“, „как“ (фонетические разновидности в современных тюркских языках: в азербайджанском—**кими**, в узбекском—**каби**, в туркменском—**киби**, в турецком—**гиби**, в кумыкском—**йимик** || **гимик**, в татарском—**кебек** и др.) в тюркологической литературе этимологически связывается с именем **каб** || **кеб** || **киб**— „форма“, „модель“ † и — аффикс принадлежности третьего лица².

Иными словами, история развития отдельных тюркских языков (в том числе и карачаево-балкарского) показывает, что их „служебные“ ресурсы (в данном случае категория послелогов) развивались на базе определенных форм самостоятельных имен, наречий и в меньшей степени—глагольных форм, путем постепенной лексической „десемантизации“.³ При этом, в целом ряде случаев, происходит тускнение первоначальной морфологической формы слова. Отсюда и проистекают затруднения в истолковании этимологии последних. Так, этимологию только что рассмотренного

---

¹ П. Н. Мелиоранский. Краткая грамматика казах-киргиз. языка. СПб., 1884, стр. 69; Н. В. Катапов. Опыт исследования урянхайского языка..., Казань, 1903, стр. 750; Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка, стр. 221. Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, стр. 507; А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка, М.-Л., 1960, стр. 297.

² А. Н. Кононов. Ук. соч., стр. 304.

³ О сущности процесса „лексической десемантизации“ см. Л. С. Бархударов. Семантика связочных глаголов в современном английском языке. Рукопись диссертации. М., 1951, стр. 12—21; его же: Служебные слова и их функции. „Труды Военного института иностран. языков“, № 1. М., 1952, стр. 6—11.

послелога **бирлен** часть тюркологов, как указывает А. Н. Кононов,¹ возводят к разным словам:

Г. Вамбери **биле, била, иле**, сопоставляет с существительным **бел** „поясница“.

В. Банг разновидность послелога **бирлен**, рассматривает как производную форму от глагола **ил** „связывать“

Вл. Котвич аффикс **-ла, -лан** в **бирлан** рассматривает как аффикс совместности, а корень, по его мнению, совпадает с указательным местоимением и т. д.

Образование послелогов от самостоятельных слов, характерное для тюркских языков, имеет аналогию с образованием предлогов из имен существительных, наречий и глагольных форм в русском языке.

Так, А. А. Потebня пишет: „На наших глазах некоторые наречия теряют способность употребляться без следующего за ним падежа, например: **межь, между**. Это всегда служит признаком совершившегося в них внутреннего изменения, именно, потери вещественного значения, того, что они стали чистыми связками объекта, предлогами. Перенос в древность стремление языка, замечаемое в относительно близкие к нам времена, можно думать, что и древнейшие предлоги, известные нам только в формальном значении объективных связей, произошли не иначе, как от древнейших же, т. е. местоименных наречий“.²

Говоря о происхождении предлогов, акад. А. А. Шахматов выводит их из наречий, которые в результате сочетания с падежом существительного потеряли свое значение и тем самым объединились в одно общее значение. Вот что он пишет по этому вопросу:

„Предлог по своему происхождению является потерявшим свое самостоятельное значение наречием, но передавшим его сочетанию, в состав которого вошло оно и падежная форма существительного“.³

Совершенно иначе трактуется вопрос о происхождении служебных слов у Н. Я. Марра, хотя он также

---

¹ А. Н. Кононов. Послелоги в современном узбекском языке. Ташкент, 1951, стр. 9.

² А. А. Потebня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, 1958, стр. 128.

³ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. 1941, стр. 357.

признает тот факт, что они этимологически восходят к самостоятельным словам. По мнению Н. Я. Марра, послелого и предлоги возводятся к названиям частей человеческого тела. Вот что он пишет по этому вопросу:

„Морфология речи, как выяснилось, отразила морфологию общественного строя...

Служебные слова синтаксического периода оказались анатомическими терминами, названиями членов тела. В тот период язык рассматривался как тело, состоящее из частей, повторяющих в своих взаимоотношениях отношения членов тела друг к другу или ко всему телу. Впоследствии эти служебные слова, означавшие „лицо“, „глаз“, „лоб“, „нос“, „рука“, „бок“ и т. д., обратившись в предлоги или послелого, стали означать „вперед“, „в присутствии“, „через“, и т. п.“.¹

Объясняя происхождение служебных слов, на основе своего учения о стадильном развитии языков, Н. Я. Марр утверждает, что слова типа (рот, глаз, рука, небо и т. п.) наряду с материальным значением имели одновременно „надстроечно-добавочное“ значение увязывая слова. Таким образом, анатомические термины тела оказались предлогами или послелогоми, многие наречиями со значениями: „рука“—„через“ (первично в роли „орудия“), равно „около“, „близ“, „глаз“—„на виду“, „перед“, „рот“—„на краю“, „у“, „небо“ („голова“)—„вверху“, „земля“—„низ“ и т. д., и т. д.

Впоследствии слова эти истерлись, обратились в пережитки—звуки, точно символически означающие тот или иной предлог, послелог, наречие; эти же имена образуют падежные окончания, множественное число, целые части речи, как, напр., глагол. Функциональное значение слов пережило их основное значение, как самостоятельных слов, каковое сейчас приходится откапывать путем палеонтологических изысканий“.²

Разумеется, что подобное объяснение этимологии предлогов и послелогов не может быть принято всерьез.

Установление факта о том, что появление служебных слов-послелогов в языке в конечном счете связано

---

¹ Н. Я. Марр. Соч., т. I. Л., 1933, стр. 98—99.

² Н. Я. Марр. Соч., т. V. М.—Л., 1935, стр. 414—415.

с удовлетворением потребностей общения и что они, согласно внутренним закономерностям развития языка, развились на базе уже имевшегося языкового материала—одна сторона интересующего нас явления. Нельзя забывать о том, что и в настоящее время вся система послелогов современных тюркских языков находится в состоянии непрерывного пополнения. Например, к таким словам, которые находятся на грани перехода в число послелогов в современных тюркских языках можно отнести послеложно-именные слова, которые в известных случаях могут выступать в качестве послелога, дополняя и уточняя синтаксические функции надежей.

Заметим, что не все части речи и даже не все слова внутри одной части речи в одинаковой степени участвуют в образовании послелогов. Непосредственный переход слова, конкретного, узкого значения, в служебное слово немислим. В послелогии могут превратиться только такие слова, в природной семантике которых заложена потенциальная возможность выражать релятивность и у которых эта возможность при определенных условиях развивается. Причем весь процесс образования того или иного послелога всегда является длительным, историческим процессом.

„Чрезвычайно любопытен механизм перехода от конкретного значения к обобщенному и затем к служебной функции,—пишет А. М. Щербак.—Его можно представить так: выделяется слово, смыкающееся одной стороной своего значения с группой слов, семантические связи которых образуют своего рода доминанту, давящую над его конкретным смыслом, ср., напр., **баш** „голова“ (≈разряд высоких предметов) >**баш** „вершина“. Ясно, что второе значение более абстрактно, чем первое. Отсюда уже возможно употребление **баш** не только по отношению к живому существу или организму, но и к любому предмету. Наконец, „вершина“ имеет побочный оттенок—„начало“, который в свою очередь становится господствующим значением и вытесняет более конкретное содержание“¹.

---

¹ А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII веков из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961, стр. 184.

Укажем, что общий закон движения мысли от конкретного к абстрактному действует и в области грамматических отношений, выражаемых послелогоми, и заключается в том, что в процессе исторического развития послеложно-именные слова, напр., приобретают одну устойчивую форму и постепенно переходят в ряд послелогов.

Эту особенность развития послелогов можно проследить на примере послелога **сари (сары)**, встречающегося в современном узбекском, азербайджанском и туркменском языках, со значением направленности действия в сторону объекта, названного в предшествующем ему слове.

В языке тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана, как утверждает А. М. Шербак,¹ слово „**сары**“ встречается только в качестве послеложно-именного слова, например, **тёрт сарыды** „в четыре стороны“, **тёрт сарыга** „по четырем направлениям“.²

Иное положение наблюдается в языке тюркоязычных среднеазиатских поэтов первой половины XV в., в особенности в языке газелей Лютфи, где слово „**сары**“ встречается уже в качестве послелога, и форма его при этом почти всегда неизменна. Примеры из газелей Лютфи:

Куфр сары зулм іла ол намусулман тартадур „Неверная насильно влечет к вероотступничеству“.

Лютфи сары коз учы біла кылды нігакі „В сторону Лютфи (на Лютфи) она взглянула краешком глаза“.³

Послелогои же в свою очередь имеют тенденцию к превращению в абстрактно-грамматический элемент, функционально совпадающий со словоизменительным аффиксом. При этом процесс полной грамматизации послелога идет рука об руку с процессом слияния его (в морфологическом смысле) со знаменательным словом, к которому данный послелог относится в предложении.

Так, например, подобный процесс перехода послелога **билен** через ступень **иле** в аффикс **-ла (-ле)**, подчиняющийся закону гармонии гласных, отмечен в ту-

¹ А. М. Шербак. Ук. соч., стр. 183.

² Там же.

³ Там же, стр. 184.

рецком¹ и азербайджанском языках". В казахском же языке послелог **менен** в ходе ассимилятивного процесса сократился и выступает в виде **мен (ен, бен, пен)**³ в зависимости от окончания предшествующего слова, благодаря чему авторами казахских грамматик творительно-соединительный падеж рассматривается как сложившаяся падежная категория и включен в систему склонения имен. Аналогично обстоит дело с названным послелогом и в хакасском языке, где он превратился в аффикс **-нанъ (-ненъ)**.⁴

С некоторыми оговорками в перечне падежных категорий ойротского и шорского языков Н. П. Дыренковой также выделен творительно-инструментальный или совместно-орудный падеж. В примечании к § II „Грамматики шорского языка“ Н. П. Дыренковой по этому вопросу сказано следующее:

„Послелог **па-пыла** сливается в отношении сингармонизма как гласных, так и согласных с изменяемым словом и, таким образом, приближается к аффиксам. Вот почему сочетание имени с послелогом-аффиксом **пыла-па** в шорском языке можно до некоторой степени считать условно совместно-инструментальным или орудным падежом“.⁵

В некоторых тюркских языках на пути к превращению в аффикс стоит и послелог **сонъ**⁶ (=карачаево-балкарскому **сонъра**).

Еще в 1937 году проф. Н. К. Дмитриев в своей работе „Служебные имена в турецком языке“ отметил интересный случай перехода послеложной формы слова **юст** „поверхность, верх“ в аффикс **-се** в языке тюр-

---

¹ В. А. Гордлевский. Избран. сочинения, т. II. М., стр. 70, 1960 г.

² Грамматика азербайджанского языка, ч. I. Баку, 1950, стр. 253 (на азерб. языке).

³ В. А. Исенгалиева. Служебные имена и послелогии в казахском языке. Алма-Ата, 1957, стр. 91.

⁴ Г. И. Донидзе. Ук. соч., стр. 7.

⁵ Н. П. Дыренкова. Грамматика шорского языка. М.—Л., 1941.

⁶ А. П. Поцелуевский. Основы синтаксиса туркменского языка. Ашхабад, 1943, стр. 84; А. С. Искаков. Наречие в современном казахском языке. Алма-Ата, 1947, стр. 80.

коязычного населения Южного Крыма. Например, вместо **таш юстюне** „на камень“ говорят „**таш-се**“¹.

На эту особенность развития послелогов в свое время обратил внимание и проф. Ж. Дени, у которого читаем, что „аффикс **-ден**, например, мог быть по происхождению особым послелогом, но теперь это не более чем признак аблятива“.²

Явление перехода послелогов в падежные аффиксы не является специфической особенностью тюркских языков. Аналогичное явление в венгерском языке отмечает К. Е. Майтинская. Вот что она пишет: „Несомненно, многие из падежных аффиксов использовались в качестве послелогов, прежде чем они прочно присоединились к существительному и „приспособились“ к нему в фонетическом отношении (по гармонии гласных)“.³ Такую же мысль высказал С. Х. Келлог еще в 1938 году на материале языка хинди: „Можно считать доказанным, что частицы хинди, указывающие падежные отношения, являются, несомненно, санскритскими словами, сильно испорченными, которые понимались не как агглютинированные существительным, но как образующие с ним грамматическую конструкцию“.⁴

Переход послелогов в аффиксы в тюркских языках облегчается следующими тремя условиями:

а) во-первых, послелоготы служат для выражения отношений, тех же или аналогичных тем, которые выражаются падежными аффиксами (объектно-предикатные отношения в предложении);

б) во-вторых, послелоготы являются уже словами с ослабленным ударением, и поэтому им нетрудно присоединиться к предыдущему слову;

в) в третьих, в конструкции **имя+послелог** носителем реальной семантики является конкретное слово (препозиционный компонент), а послелог (постпозиционный компонент) становится носителем формальных эле-

---

¹ Н. К. Дмитриев. Служебные имена в турецком языке, Журн. „Советское языкознание“, т. III, Л., 1937, стр. 133.

² J. Deny. *Grammaire de la langue turque*. Paris, 1921, стр. 633, § 917.

³ К. Е. Майтинская. Неопределенный падеж и абсолютная форма в венгерском языке. Ученые записки Военного института иностранных языков. 1948, № 6, стр. 68.

⁴ S. H. Kellogg. *A Grammar of Hindi language*. London, 1938, p. 37.

ментов, привнося в конструкцию то или иное добавочное значение.

Если процесс грамматикализации ряда послелогов уже наступил в некоторых современных тюркских языках, что дает некоторое известное основание рассматривать сочетание имени с этими послелогом как своего рода эквивалент некоторого воображаемого падежа, то в современном карачаево-балкарском языке этот процесс еще не наступил.

В заключение всего сказанного отметим, что изложенный подход к изучению послелогов соответствует тем требованиям, которые предъявляются научным исследованием диалектическим и историческим материализмом, а именно: "... не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь".¹

К вопросу о месте послелога в грамматическом строе языка

Грамматическая функция послелога, как служебной части речи, заключается в том, что он, позиционно следуя за управляемым словом, выражает различные синтаксические отношения между грамматически равноправными элементами в предложении (объектно-предикатные синтаксические отношения членов предложения).

Известно, что аналогичные отношения выражаются и аффиксами падежей. Однако грамматические отношения, выражаемые послелогом, отличаются от тех отношений, которые выражаются падежами (кроме единичных случаев типа: **Окьургъа келдим | окьур ючюн келдим** „Я пришел, чтобы учиться“, т. е. когда послелог становится дублетом падежа). Дело в том, что послелог, в противоположность падежным аффиксам, обладают еще известной лексической выделяемостью, представляющей минимум формальной самостоятельности слова.

---

¹ В. И. Ленин. О государстве (Сочинения, т. 29, изд. 4), стр. 436.

Наличие у послелого (а в ряде языков у предлога) и падежного аффикса общих черт послужило для ряда языковедов поводом к утверждению того, что послелоги, как служебные слова, лишены какого бы то ни было лексического значения и им присуще лишь одно — грамматическое значение.

Так, акад. И. И. Мещанинов полагал, что служебные слова (предлоги, послелоги) являются „одним из падежных форматов имени“. ¹ Проф. И. А. Батманов послелоги рассматривает не как особую служебную часть речи, а лишь как грамматическое средство. ²

Как „слова, не обладающие реальной семантикой, т. е. не имеющие значения конкретных или абстрактных лексических понятий, а выражающие только грамматическую форму других слов, которая указывает на различного рода оттенки, относящиеся как к отдельному слову в предложении так и к целому предложению, а также на синтаксические отношения слов между собой в предложении“ охарактеризованы послелоги и проф. Н. А. Баскаковым. ³

„Служебное слово (это явствует, впрочем, из самого его названия) и есть слово носитель грамматического значения“, — утверждает и проф. М. И. Стеблин-Каменский. ⁴

„Словами служебными называются слова, имеющие только грамматические значения“, читаем в учебнике „Современный русский язык“. ⁵

„Предлоги, союзы, частицы, послелоги и т. д. нельзя называть словами, потому что они не выражают единства лексического и грамматического, — они лишь помогают выражать такое единство другим словам,“ — пишет и У. Б. Алиев в своей монографии „Слово и части речи“. ⁶

---

¹ И. И. Мещанинов. Ук. соч., стр. 296.

² И. А. Батманов. Части речи в киргиз. языке. ВЯ, 1955, № 2 стр., 73 74.

³ Н. А. Баскаков. Ук. соч., стр. 474.

⁴ М. И. Стеблин-Каменский. Об основных признаках грамматического значения. Вестник ЛГУ, № 6, 1954, стр. 167.

⁵ Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский. Современный русский язык, изд. 2-е. М., 1958, стр. 198.

⁶ У. Б. Алиев. Слово и части речи. (Сокращенное изложение содержания монографической работы). Ученые записки КБГУ, вып. 7. 1960, стр. 17.

По справедливому замечанию проф. О. Ахмановой получается так, что в составном термине „служебное слово“ только первая часть его, т. е. „служебное“, выступает как облеченная определенным смыслом. Вторая же его часть, „слово“, воспринимается как утратившая свое реальное значение.¹

В языкознании высказывалось даже мнение о том, что служебные слова вообще не имеют никакого значения и, по выражению А. М. Пешковского, „представляют собой чистую форму, одну сплошную форму без содержания“.² Эта точка зрения не получила поддержки у лингвистов и мы ее рассматривать не будем. Приведем только справедливое высказывание акад. Л. В. Щербы по этому вопросу, который писал, что „форма и значение неразрывно связаны друг с другом: нельзя говорить о знаке, не констатируя, что он что-то значит“.³

С другой стороны, все большее распространение получает точка зрения, согласно которой служебные слова имеют не только грамматическое, но также и лексическое значение.

Так, проф. А. И. Смирницкий подчеркивает, что в значении служебного слова необходимо разграничивать два момента:

„1) грамматическое значение, связанное с грамматической функцией, выполняемой тем или иным словом, и свойственное всем представителям данной группы слов (например, всем предлогам, союзам и т. д.), 2) собственно лексическое значение, специфическое для каждого слова и отличающее его как именно данное конкретное слово от всех прочих служебных слов“.⁴

Проф. Б. А. Ильиш также считает необходимым различать в служебных словах грамматическое значение общее для всех слов, принадлежащих к одной части речи, и лексическое значение, которое

---

¹ О. С. Ахманова. О роли служебных слов в словосочетании. Доклады и сообщения института языкознания АН СССР, № 2, 1952, стр. 117.

² А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 7-е. М., 1956. стр. 40.

³ Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М., 1957, стр. 77.

⁴ А. И. Смирницкий. Морфология английского языка. М., 1959, стр. 367.

отличает одно слово от других (в пределах одной части речи).¹

Аналогичную точку зрения разделяет и проф. Е. В. Кротевич по рассматриваемому вопросу. Так, в его статье „Слово, часть речи, член предложения“ читаем следующее:

„До последнего времени, как известно, преобладающее большинство лингвистов считало, что ряд категорий слов (имена существительные собственные, местоимения, служебные слова и междометия) понятий не выражает. Однако это неверно.

Слова обладают различным по степени отвлеченности понятийным содержанием. Одни из них выступают с общим предметным (реальным) значением, выполняя номинативную функцию, напр.: *лес, город, езда, большой, маленький, ходить, думать* и т. п.; другие с общим функциональным, релятивным значением, которое конкретизируется только в речи, в определенном контексте.“² „Поэтому,—подчеркивает автор,—следует признать, что и предлоги, послелогои, союзы и т. п., как выразители отношений, обладают также и своим относительно самостоятельным смыслом, понятийным содержанием, а следовательно обладают и лексическим значением“.³

Акад. В. В. Виноградов также признает наличие у служебных слов как лексических, так и грамматических значений, однако считает, что лексическое значение служебного слова совпадает с его грамматическим значением.⁴

Из тюркологов этой же точки зрения придерживается А. А. Коклянова.⁵

Материалы карачаево-балкарского языка убедительно доказывают, что послелог имеет своеобразную, лек-

---

¹ См. журн. „Научные доклады высшей школы. Филологические науки“, 1960, № 2, стр. 159. См. также: Б. А. Ильиш. Значения предлогов в современном английском языке. „Ученые записки Ленинградск. пединститута им. А. И. Герцена“, том 157. Л., 1958, стр. 3—13.

² Е. В. Кротевич. Слово, часть речи, член предложения. „Вопросы русского языкознания“, кн. IV. Изд. Львовского университета, 1960, стр. 13.

³ Там же, стр. 14.

⁴ В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 30.

⁵ А. А. Коклянова. Ук. соч., стр. 188.

сическую выделяемость. Отрицать у послелогов лексическую выделяемость—это значит, если быть последовательным, отрицать, что они являются словами и, следовательно, выводить их за пределы частей речи (как это в свое время предложил Ж. Вандриес).¹ В действительности же есть все основания и послелоги признать словами, а не аффиксальными морфемами. Следует отметить, что проф. А. И. Смирницкий на основе называемой им „косвенной“, „остаточной“ или „отрицательной“ выделяемости слов доказывает, что вполне правомерно называть словами не только слова самостоятельные, но и служебные слова.² Такого же мнения придерживаются проф. О. С. Ахманова³ и проф. Е. В. Кротевич.⁴

Таким образом, хотя послелоги несут в предложении несамостоятельную функцию, указывая лишь на различные отношения (пространственные, временные, причинные, инструментальные, совместности, соучастия и т. д.) между самостоятельными словами, все же они обладают выделяемостью.

Таким образом, наличие у слова функционального значения еще не означает, что такое слово не выражает никакого понятия, а следовательно, лишено лексического значения. „Содержание понятия,—как указывает проф. Е. В. Кротевич,—может складываться из признаков, имеющих не предметный, а функциональный характер. Это понятия об отношениях принадлежности, зависимости, отнесенности и т. п. Но так как всякие отношения есть отношения каких-то предметов, то, естественно, конкретизация функционального понятия всегда предполагает установление его связи с понятием „предметным“. Предметами же понятий, в широком смысле, могут быть любые формы отношений,

---

¹ Ж. Вандриес. Язык. Лингвистическое введение в историю. Соцэкгиз, М., 1937, стр. 114.

² А. И. Смирницкий. К вопросу о слове (проблема „отдельности слова“). „Вопросы теории и истории языка“. Изд. АН СССР, М., 1952, стр. 192.

³ О. С. Ахманова. О роли служебных слов в словосочетании. Доклады и сообщения института языкознания АН СССР, № 2, 1952, стр. 117.

⁴ Е. В. Кротевич. Ук. соч., стр. 15.

в том числе самые абстрактные, как это наблюдается, например, в математике и грамматике¹.

Если мы сравним такие примеры как:

Сени къатыш келдим „Я пришел с тобой“; *сени амалтын келдим* „я пришел из-за тебя“; *Ахмат столну джанына олтурду* „Ахмат сел около стола“; *Ахмат столну юсюне олтурду* „Ахмат сел на стол“, то увидим, что различие в значении целиком лежит на послелого.

В самом деле, в первых двух предложениях словесное окружение послелогов **къатыш**, с одной стороны, и **амалтын** — с другой, абсолютно одинаковое. Тем не менее в этих предложениях обозначаются различные отношения: в первом предложении указывается на совместно-сопроводительное отношение, во втором — причинно-целевое. Аналогично обстоит дело и с послеложно-именными словами **джанына** и **юсюне**. В этих предложениях также обозначаются различные отношения между предметами реальной действительности, указывается на различный характер соположения их, хотя словесное окружение и в данном случае одинаковое.

Резюмируя рассмотренное, можно заключить, что послелог, как и любому другому слову, свойственно лексическое значение, заключающееся в обозначении конкретного, объективно существующего отношения. Лексическое значение послелога мыслится лишь в плане отображения определенного реального отношения между предметами или явлениями действительности. Выделяя это значение в семантике послелога, мы отвлекаемся от того, какую грамматическую роль он выполняет в предложении. Это значение индивидуализирует послелог с семантической стороны, отличает один послелог от другого. Например, в семантическом отношении послелог **дери**, хотя и не употребляется самостоятельно, без имени, обладает тем не менее, помимо своей грамматической функции, известным минимумом лексического значения: он означает „до чего нибудь“ — в отличие, скажем, от послелога **бла**, означающего „вместе с чем-нибудь“ или „с кем-нибудь“. Напротив, морфемы, например, падежные аффиксы **-ны**,

¹ Е. В. Кротевич. Ук. соч., стр. 13.

-*да*, -*гъа* или глагольные -*ма*, -*са*, -*ды*, не имеют никакого значения вне того слова, часть которого они составляют. И, наконец, с точки зрения формальной послелог, в противоположность аффиксам падежей, представляет собой фонетически самостоятельное слово, хотя П. С. Кузнецов в своей работе „*Морфологическая классификация языков*“ утверждает обратное. Он пишет, что в агглютинативных языках (следовательно и в карачаево-балкарском языке!) отделить послелог от самостоятельного слова, к которому он относится, невозможно, так как прилагательное, при помощи которого это можно было бы сделать, стоит по нормам порядка слов соответствующих языков не после существительного, а перед ним.¹ Но вряд ли такое утверждение может быть принято всерьез.

Чтобы убедиться в формальной самостоятельности послелога, в карачаево-балкарском языке можно вставлять любое знаменательное слово между именем и послелогом. Мы можем сказать, например, *сени амалтын, сени къарнашынь амалтын, сени гитче къарнашынь амалтын* и т. д., или же *шахаргъа дери, шахаргъа джетгинчинъе дери, шахаргъа джетиб къайтхынчыннъа дери* и т. д.

Таким образом, послелог является лексико-грамматической категорией. Как самостоятельная лексическая единица, он имеет свой удельный вес, выражающийся в отображении в сознании того или иного отношения между предметами или явлениями как реального факта действительности. Поскольку послелог обозначают объективно существующие отношения, постольку они имеют и предметное отнесение, следовательно, обладают лексическим значением. Как грамматическая категория, послелог служит средством детализации, конкретизации и дифференциации значения, заключенного в падежном аффиксе, например: *къарнашым юй таба кетди* „брат (мой) ушел в сторону дома“, или же оформляет новое значение, например: *Москва кибик уллу шахарла* „такие большие города, как Москва“.

---

¹ П. С. Кузнецов. Морфологическая классификация языков. М., 1954, стр. 22.

Что же касается трудности определения лексического значения послелога, то это обстоятельство еще не является доказательством отсутствия этого значения как такового.

Из всего изложенного видно, что послелоги в карачаево-балкарском языке являются особыми служебными словами, участвующими в грамматическом оформлении речи и играющими важную роль в грамматическом строе языка, занимая в нем определенное место.

ГЛАВА III

Послелогии в современном карачаево-балкарском языке

До последнего времени вопрос о частях речи во многих языках все еще остается спорным. Не нашел вопрос этот своего окончательного разрешения и в тюркском языкознании, хотя данной проблеме посвящено достаточное количество специальных статей и отдельных работ.¹ Очень показательна в этом отношении

---

¹ Литература о частях речи в тюркских языках очень велика и разнообразна. См.: А. К. Боровков. О частях речи в языках тюркской системы. Журн. „Революция и письменность“ № 2, 1936, стр. 90—97; И. А. Батманов. Части речи в киргизском языке. В. Я., 1955, № 2, стр. 6—78; Н. А. Баскаков. Морфологическая структура слова и части речи в тюркских языках. СВ, 1957, № 1, стр. 72—85; В. А. Богородицкий, О частях речи (Введение в татарское языкознание). Изд. 2-е, Казань, 1953, стр. 137—142; Ф. Р. Зейналов Традиционная классификация частей речи в тюркских языках. Баку, 1957; его же: Принципы классификации именных частей речи. Баку, 1959; А. О. Искаков. О классификации частей речи в казах. языке. Сб., „Вопросы изучения языков народов Средн. Азии и Казахстана“, Ташкент, 1952, стр. 117—133; Ф. Г. Исхаков. Лексико-грамматическая классификация слов или части речи в тюркских языках. ИСГТЯ, II, стр. 72; Э. В. Севортян. К проблеме частей речи в тюркских языках. Сб. „Вопросы грамматическ. строя“, М., 1955, стр. 188—225; П. И. Кузнецов. О принципах выделения частей речи. (На материале турецкого и русского языков). Сб. трудов по языкознанию, № 1; 1957, стр. 66—83; Г. Б. Санижеев. К проблеме частей речи в алтайских языках. ВЯ, 1952, № 6, стр. 84—102; У. Б. Алиев. Слово и части речи. Учен. записки Каб.-Балк. унив-та, вып. 7. Нальчик, 1960, стр. 3—31; М. А. Хабичев. Местоимение в карач.-балкарск. языке. Черкесск, 1961. *Sinanoglu Samim. Kelimelerin bölüklere ayrılması üzerine deneme. Turk Dili*, № 88, 1959, стр. 197—201.

дискуссия о проблеме частей речи в языках разных типов, проведенная в Институте языкознания АН СССР в июне 1954 года. „Докладчики и ораторы этого широкого собрания настолько разошлись в характеристике принципов классификации слов как частей речи, что не смогли придти ни к каким согласованным положениям. Выявились четыре разных подхода к решению вопроса о том, что такое часть речи; одни клали в основу лексическое содержание слова с наложением морфологических форм; другие исходили из роли слова в предложении, из его синтаксической функции; третьи считали, что части речи — это лексико-грамматические категории (точнее: лексико-морфологические); четвертые энергично отстаивали морфологию как незыблемую основу классификации слов по частям речи, вне их лексического содержания. И никто, к сожалению, не упомянул об общепринятой в средней и высшей школе традиции выделять части речи по совокупности разных признаков (лексических, морфологических, синтаксических), которые проявляются с разной силой в отношении отдельных разделов слов“.¹

Следовательно, вопрос о частях речи до сих пор остается в центре внимания всех лингвистов.

В тюркских языках предельно широко разработаны, по сравнению с служебными частями речи, такие части речи, как глагол, существительное, прилагательное и т. д. Причем в последнее время многие высказываются за выделение частей речи в тюркских языках на основе триединого принципа: семантического, синтаксического и морфологического.

Совершенно очевидно, что при выделении частей речи необходимо учитывать совокупность всех признаков, присущих им, — лексико-семантических, морфологических и синтаксических. Иными словами, чтобы правильно понять специфику частей речи и правильно определить эту языковую категорию, нужно, как говорит О. Есперсен, „учитывать всё: и форму, и функцию, и значение“.²

---

¹ Вопросы русского языкознания, кн. 4. Изд. Львовского университета. им. И. Франко, 1960, стр. 16.

² Отто Есперсен. Философия грамматики. Изд. иностран. литературы. М., 1958, стр. 65.

В любом языке все слова (словарный фонд) по семантике и морфолого-синтаксическим свойствам распределяются на категории слов знаменательных и служебных.¹ „Первые отражают действительность в ее предметах, действиях, качествах или свойствах... Вторые отражают отношения между явлениями действительности“.²

Послелого, как известно, относятся к служебным словам. При выделении послелого в особую часть речи (внутри служебных частей речи) в карачаево-балкарском языке мы также исходили из трех критериев: лексико-семантического, морфологического и синтаксического.

Однако, по справедливому замечанию проф. Э. В. Севортяна, „классификационные критерии не являются равноправными в применении к конкретной части речи; каждая часть речи имеет свои ведущие классификационные критерии, по отношению к которым остальные критерии являются дополнительными“.³

Основным критерием, отграничивающим послелог как особую служебную часть речи, по нашему мнению, является синтаксический признак, при учете лексико-семантических и морфологических особенностей.

Выставляя на первый план синтаксическую сторону, мы исходили из основного назначения послелого как служебного слова, —выразителя различных синтаксических отношений между грамматически неравноправными элементами предложения.

С другой стороны, как мы убедимся ниже, большинство послелогов, союзов, наречий, деепричастий и т. п. различаются как разные разряды слов, имеющие разную грамматическую характеристику именно в плане синтаксическом.

Переходя к непосредственному описанию грамматической сущности категории послелогов современного

---

¹ Здесь заслуживает внимания высказывание Р. А. Будагова о том, что правильное было бы делить все слова не на „знаменательные“ и „служебные“, как принято, а на „самостоятельные“ и „служебные“, потому что все слова по-своему знаменательны и вопрос заключается лишь в том, какая это знаменательность. (См.: Р.А. Будагов, Введение в науку о языке. М., 1958, стр. 250).

² Грамматика русского языка, т. I, АН СССР, стр. 20.

³ Э. В. Севортян. К проблеме частей речи в тюркских языках. Сб.: „Вопросы грамматического строя“. М., 1955, стр. 224.

карачаево-балкарского языка, мы решили дальнейшую трактовку вопроса вести с определения самого понятия „послелог“. При этом отправным своим принципом считаем положение о том, что во всех тюркских языках (при учете всех их различий) под термином „послелог“ будем понимать качественно однородную величину, исходя из того положения общего языкознания, что содержание всех частей речи (в том числе и категории послелогов) в тюркских языках является общетюркским достоянием. В противном случае, по образному выражению проф. Н. К. Дмитриева, „рухнет не только концепция сравнительной грамматики, но и всякой грамматики вообще“.¹

Более того, без такого единства понимания языковых явлений невозможны ни типологическая классификация языков, ни их изучение в сравнительно-историческом плане.

Отвечая на вопрос, что же представляет собой послелог, считаем целесообразным остановиться на определении послелога, приведенном в БСЭ, а именно: „Послелог (лат. *postposition*), служебная часть речи, которая ставится после имени для выражения отношений, тех же или аналогичных тем, которые выражаются падежами“.²

Являясь одной из служебных частей речи, послелог как бы конкретизирует, дифференцирует, детализирует общую грамматическую идею, заключенную в падежной форме или же оформляет новое значение, не представленное в системе падежей.³

Например, большинство послелогов служат для выражения таких предельно-пространственных отношений, которые соответствующими падежами сами по себе не выражаются. Так, чтобы выразить, допустим, предел пути одного предмета до другого, нужно употребить послелог *дери*—„до, вплоть до“. Например: *шахаргъа дери* „до города“.

В данном примере послелог *дери* носит яркий от-

¹ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 111.

² См. БСЭ, 1940, т. 46, стр. 518.

³ См.: Н. А. Баскаков. Ук. соч., стр. 4^с8, а также С. А. Джафаров. Ук. соч., стр. 98; А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекск. литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 296.

печаток определенной ограниченности движения, обозначая вместе с именем, стоящим в дательном падеже, предел этого движения.

Возьмем другой пример. Чтобы выразить местонахождение одного предмета около другого, необходимо употребить послеложно-именное слово *къатында* или *джанында* „около“, ибо подобные отношения тоже не выражаются сами по себе местным падежом. Например: *юйню джанында „около дома“; школну къатында „около (у) школы“.*

В данном случае послеложно-именные слова *джанында, къатында* уточняют падежную форму. Указание на эту особенность послеложно-именных слов находим в „Грамматике башкирского языка“ проф. Н. К. Дмитриева, который отмечает, что „в выражении, например, *урам башында* (= карачаево-балкарскому: *орам башында*—Х. Х.-М.) башкирский язык различает два момента: 1) статику, или отсутствие движения, т. е. „где“, а не „куда“, или „откуда“ и 2) пространственную локализацию, или конкретное обозначение той части пространства, на которой проявляется эта статика, именно: „начало, край, передняя полса улицы,“ а не „центр улицы“ и т. д. Если при этом первый момент можно было выразить также средствами падежа (*урам-да* на улице, т. е. местный падеж на вопрос „где?“), то второй момент может быть передан только при помощи так называемого служебного слова. Таким образом, второй момент придает всему выражению большую конкретность, большую точность, чего нет, например, в русском обороте „на улице“: ведь он выражает только статику и не передает никакой пространственной локализации.“¹

Послелогии в современном карачаево-балкарском языке характеризуются следующими признаками:

1) обладают некоторой самостоятельностью отдельного слова—раздельным произношением и написанием, т. е. остаются за пределами сингармонической связи предшествующего имени, даже в тех случаях, когда по своему абстрактно-грамматическому значению приближаются к тому, что в других языках было бы падежной формой;

¹ Н. К. Дмитриев. Ук. соч., стр. 228.

2) выражают различные синтаксические отношения (пространственные, временные, причинные, целевые, инструментальные и т. п.) между грамматическими неравноправными членами предложения;

3) самостоятельно не выступают как члены предложения, а вместе с управляемыми словами входят в состав члена предложения;

4) связь между послелогом и сопровождаемыми им словами основана на способе управления;

5) всегда управляют именными частями речи или субстантивированными словами из других частей речи;

6) всегда становятся после управляемых ими слов;

7) являются словами с ослабленным ударением (иногда имеет место и явление энклизы; например, односложный послелог **бла**—„с, вместе с“ с инструментальным или комитативным значением в смысле акцентуации примыкает к предшествующему слову, превращаясь в энклитику).

После всего изложенного, мы сочли целесообразным здесь привести определение послелога и на карачаево-балкарском языке:

Атны неда тилни башха кесеклеринден субстантивленъен сёзлени болушланы биринде джюрютюб, болуш аффикслени магъаналарын толтуруб эм джанъы синтаксислик къарамла кёргюзтюнуу кючю бла муратны толу (терен) анъылатыргъа болушхан тилни къуллакъчу кесегине послелог дейдиле.

Классификация послелогов современного карачаево-балкарского языка

Классификация послелогов современного карачаево-балкарского языка производится на основе семантического, морфологического и синтаксического признаков. Послелогии подразделяются на следующие две основные группы:

собственно послелогии и соотносительные послелогии.

Собственно послелогии—это такие слова, которые утратили семантическую связь с источником происхождения и выполняют служебную функцию, указывая на различные синтаксические отношения между самостоятельными словами.

Послелого данной группы в коллективном сознании говорящих воспринимаются как непроеизводные ни от каких других слов, как первообразные, что в свою очередь свидетельствует об относительной древности последних.

В морфологическом отношении собственно послелого представляют собой нечленимые звуковые комплексы и их связи с первоисточниками устанавливаются при помощи методов научного лингвистического анализа (этимологических изысканий).

К **собственно послелогам** карачаево-балкарского языка относятся следующие послелого: **амалтын, бла (была), дери (деричи, деричин), кибик, къатыш, къыллы, сайын, сартын, ючюн.**

Соотносительные послелого—это такие слова, которые наряду с функциями послелогов, сохраняют возможность самостоятельного употребления.

В отличие от послелогов первой группы, эти послелого, взятые изолированно, выражают конкретное понятие и отвечают на тот или иной вопрос.

Морфологический состав послелогов данной группы раскрывается легче, нежели собственно послелогов, вследствие того, что они в другом грамматическом контексте выступают еще и в собственном знаменательном значении, являясь членом предложения.

Послелого рассматриваемой группы, в свою очередь, по морфологическому составу подразделяются на следующие три подгруппы, если в основу классификации положить ту часть речи, к которой восходит послелог:

а) послелого образованные от имен существительных при помощи словообразовательного аффикса **-ли** (-лы, -лу, -лю). К ним относятся: **джапылы, къарамлы, къылыкълы, маталлы, сыфатлы, тюрсюню, халили, шекелли, чакълы, тенъли, себебли;**

б) послелого—изолированные формы имен прилагательных, наречий и местоимений. К ним относятся: **алгъа, аллын, алда, ары, артха, бери, башха, бурун, джууукъ, ёзге, ёнъе, къадар, къаршчы, къаджау, кем, кере, сора, (сонъра, сонъура) ушаш;**

в) послелого, по своему образованию являющиеся глагольными формами. К ним относятся: **ала, башлаб, кёре, къараб, къарамай, таба.**

Наряду с послелогам в карачаево-балкарском язы-

ке имеется обширная категория послеложных слов более позднего происхождения так называемые послеложно-именные слова, которые в известных случаях, могут выступать в качестве суррогата послелога, дополняя и уточняя синтаксическую поэзию падежей.

Послеложно-именные слова в тюркских языках по единому мнению большинства тюркологов образовались и выделились в качестве особой группы служебных слов относительно недавно, так что время их отрыва от соответствующих самостоятельных слов легко прослеживаются. „Более того,—замечает А. М. Щербак,—иногда вообще трудно говорить об отрыве, так как использование того или иного слова в служебной функции происходит факультативно и это же слово в другом грамматическом контексте полностью проявляет свое знаменательное значение“.¹

К послеложно-именным словам в карачаево-балкарском языке относятся словоизменяемые формы имен существительных (по линии трех пространственных падежей: дательного, местного, исходного) типа: **ал**—передняя часть чего-либо, перед; **арт**—задняя часть чего-либо, зад; **тюб(ю)**—нижняя часть чего-либо, низ; **юс(ю)**—верхняя часть чего-либо, верх; **ич(и)**—внутренняя часть чего-либо, внутренность; **джан(ы)**—боковая часть чего-либо, бок.

При этом следует иметь ввиду следующее: если имя употребляется в послеложной функции, то оно прежде всего принимает аффикс принадлежности единственного или множественного числа одного из трех лиц, затем формант какого-либо пространственного падежа и сочетается с предшествующим ему именем посредством конструкции изафета. Таким образом, каждое послеложно-именное слово может иметь 18 форм, а служебное имя **юсю** имеет даже 24 формы, например:

Единственное число

(мени) юсюм	— е—	на меня	(на вопрос: <i>куда?</i>)
	— де—	на мне	(на вопрос: <i>где?</i>)
	— ден—	с меня	(на вопрос: <i>откуда?</i>)
	—	обо мне	(на вопрос: <i>о ком?</i>)

¹ А. М. Щербак. Ук. соч., стр. 183.

(сени) юсюнь	— е —	на тебя	(на вопрос: куда?)
	— де —	на тебе	(на вопрос: где?)
	— ден —	с тебя	(на вопрос: откуда?)
		о тебе	(на вопрос: о ком?)

(аны) юсюн	— е —	на него	(на вопрос: куда?)
	— де —	на нем	(на вопрос: где?)
	— ден —	с него	(на вопрос: откуда?)
		о нем	(на вопрос: о ком?)

Множественное число

(бизни) юсюбюз	— ге —	на нас	(на вопрос: куда?)
	— де —	на нас	(на вопрос: где?)
	— ден —	с нас	(на вопрос: откуда?)
		о нас	(на вопрос: о ком?)

(сизни) юсюгюз	— ге —	на вас	(на вопрос: куда?)
	— де —	на вас	(на вопрос: где?)
	— ден —	с вас	(на вопрос: откуда?)
		о вас	(на вопрос: о ком?)

(аланы) юслерин	— е —	на них	(на вопрос: куда?)
	— де —	на них	(на вопрос: где?)
	— ден —	с них	(на вопрос: откуда?)
		о них	(на вопрос: о ком?)

Без этих грамматических показателей послеложно-именные слова перестают быть таковыми и выступают в своих основных именных значениях.

Кроме генетической классификации, в тюркологических работах, например, у Н. А. Баскакова,¹ С. А. Джафарова,² мы находим классификацию послелогов по выражаемому ими объектно-предикатным отношениям между дополнением и обстоятельством—с одной стороны, и сказуемым—с другой.

Подобное деление послелогов хотя и правомерно, но, как принцип классификации, оно представляет известные неудобства. Во-первых, большинству послелогов карачаево-балкарского языка (в особенности собственно послелогам) присущи многозначность, многоплановость выражаемых отношений, конкретный характер

¹ Н. А. Баскаков. Ук. соч., стр. 488.

² С. А. Джафаров. Ук. соч., стр. 90.

которого в каждом отдельном случае определяется спецификой индивидуальной лексической семантики (скрытой или явной) послелого, так и характером словесного окружения.¹ Это послелогии, возникшие в карачаево-балкарском языке в более раннюю эпоху. Послелогии же более позднего происхождения не обладают подобной многозначностью из-за своей этимологической определенности. Во-вторых, при такой классификации в один и тот же раздел попадают послелогии совершенно различные по своему происхождению и грамматическим особенностям.

Что же касается вопроса о классификации послелогов карачаево-балкарского языка по признаку управления, то послеложному управлению подвергаются все падежи: основной, родительный, дательный, местный, исходный, кроме винительного. Подробно об этом сказано в разделе „Послеложное управление“ настоящей работы.

Собственно послелогии карачаево-балкарского языка

Послелог *бла*

Послелог *бла* широко распространен почти во всех тюркских языках.² В истории развития карачаево-балкарского литературного языка данный послелог встречается в двух разновидностях: *была* > *бла* и сохранился как фонетически самостоятельное слово, тогда как в ряде тюркских языков он или утратил первоначальный облик (как, например, в азербайджанском и турецком — *бирле* > *биле* > *иле* и находится на пути к превращению в аффикс-*ла*, *-ле*, или же сократился и превратился в аффикс (как, например, в хакасском *нанъ*, *-ненъ*; или в казахском, где в зависимости от окончания предшествующего слова выступает в виде: *-мен*, *-бен*, *-пен*).

¹ Проф. С. А. Джафаров подобные случаи, когда ряд отношений формально выражаются одним и тем же послелогом, рассматривает как явление послеложной омонимии (см. С. А. Джафаров. О послелогах в азербайдж. языке. Изв. АН Аз. ССР, № 4. Баку, 1956, стр. 90—98; его же: Словообразование в азербайдж. языке. Баку, 1960, стр. 17 (на азерб. языке).

² Этимологию послелогов *бла* и его фонетические разновидности в тюркских языках см. стр. 31—32.

Любопытно отметить, что рассматриваемый послелог в форме *бла* употреблялся в языке „*Диван лугат ат-тюрк*“ Махмуда Кашгари (XI в.) пионера сравнительно-сопоставительного изучения тюркских языков и „*Хибату-л-Хакаи*к“ Ахмада Адиба Югнаки (XII в.). Например:

Кыш яй бла тукушты (— карачаево-балкарскому: *кыш джай бла туюшдю*) (М. Кашгари). „Зима и лето заспорили“.¹

Айтмыш эдиб диккэти тил бла (А. Югнаки) „Высказал (это все) поэт со всем изяществом языка“.²

Из современных тюркских языков рассматриваемый послелог в форме „*была*“ употребляется и в западнокараимском языке (=язык тюркоязычного населения г. Трок, Литовской ССР), например, *колу была ювду* „он помыл своей рукой“.³

Послелог *бла* встречается в языке часто и по своему значению в целом ряде случаев соответствует русским предлогам: **с, вместе с, по, на, посредством, через, и союзам и, или.**

Частота употребления послелога *бла* обусловлена разнообразным содержанием словосочетаний, образованных при его помощи.

Послелог *бла* сочетается с именами существительными и указательными местоимениями (мн. числа) в основном падеже, с личными (кроме третьего лица мн. числа) и указательными—в родительном падеже.

Рассмотрим значения послелога *бла*

1. Комитативное значение, т. е. значение совместности, сопровождения, соучастия:

Бюгюн кыушла бла эришебиз (К. Мечиев) „Нынче спорим мы с орлами“.

Кызычкы нёгерлери бла Ростовгъа таулу кызылагъа кзуралгъан курслагъа кетди (Х. Лайпанов) „Девушка с подругами поехала в Ростов на курсы, открытые для девушек-горянок“.

¹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 309.

² С. Е. Малов. Ук. соч., стр. 319.

³ Н. Я. Нейман. Подчинительная связь между членами простого предложения в современном русском языке сравнительно с тюркскими (узбекским, западнокараимским и турецким). А. к. д., Ташкент, 1950, стр. 9.

Ауур джаралыла кьалгъанла **бла** тень баралмай эдиле (О. Хубиев) „Тяжело раненные не могли идти наравне с остальными“.

Мен теньлерим **бла** кьонакь юйге кирдим (О. Лайшанов) „Я с друзьями вошел в гостиную“.

Хасан, мен сизни **бла** тойгъа баралмайма деб, атына миниб кетди (У. Б. Алиев) „Хасан уехал, сев на коня и сказав, что он с нами на танцы не пойдет.“

Для более отчетливого выражения комитативного значения иногда употребляются слова **бирге** „вместе“, „совместно“ или **тень** „наравне“, которые, следуя непосредственно за послелогом **бла**, усиливают значение совместности, внося определенные семантические оттенки:

Биз таудан акъгъан Бакъсан сууундан ичгенбиз сени **бла бирге** (И. Боташев) „Мы воду Баксана, бегущую с гор, пили **вместе с тобой**“.

Бюгюн мен да кьалгъанла **бла тень** ишледим „Сегодня и я работал **наравне с** остальными“.

Айтылгъан уучубуз Къылычгерий **бла бирге** уугъа чыкьдым „Я вышел на охоту **вместе с** известным охотником Кылычгерием“.

Мени окъ жыкьса уа, сени атынъ да
Жыгъылыр мени назмум **бла бирге**,
Жюрегими окъ тешсе, атынъыда
Тешер мени жюрегим **бла бирге**

(К. Кулиев)

„Если меня свалит пуля, то и твое имя упадет **вместе с** моим стихом; если же пуля пробьет мое сердце, то она пробьет и твое имя **вместе с** моим сердцем“ (Перевод подстрочный).

Жыр да, мен да киребиз босагъадан:—Салам, танъ **бла бирге** туугъан адам! (К. Кулиев) „Песня и я входим с порога: Привет человеку, рожденному **вместе с** рассветом!“

Пслелог **бла (бирге)**, сочетаясь с причастием прошедшего времени, выражает сопровождение одного действия другим действием, логически связанным, соответствуя при этом русскому выражению „вместе с тем, как“:

Биз бери келгенибиз **бла бирге** ары да барыргъа

керек эдик (У. Б. Алнев) „Мы вместе с нашим приездом сюда должны были идти и туда“.

Послелог *бла* (=древнетюркскому *бирле*) в значении соучастия, совместности встречается и в памятниках древнетюркских языков. Например: *Иним Кюль-Тегин бирле, эки шад бирле ёлю йитю казгантым* „С моим братом Кюль-Тегином и с двумя шадями я приобрел (т. е. предпринимал завоевания) до полного изнеможения (букв.: слабяя-погибая).“¹

2. Инструментальное значение

В прямом и переносном смысле этого слова рассматриваемый послелог сочетается с именами, которые могут выражать значение орудий, инструментов, средств, с помощью или при посредстве которых что-то делается, осуществляется и указывает:

а) на конкретное орудийное значение:

Бююн Сюююнш улу, джарлы Ахматны, муджура бла уруб, башын джаргъанды (К. Мечнев) „Сегодня Суюншев расколол бедному Ахмату череп штыком (посредством штыка)“.

Кёк къалам бла Минъи-Тауну тюбюнде Къарачайны белги этиб къойгъанды (А. Суюнчев) „Синим карандашом он обозначил „Карачай“, находящийся у подножья Эльбруса“.

Джан тамырын тишинъ бла чайнаб юздюнь (А. Уртенев) „Сердцевину его перегрыз ты зубами“.

Мен джатханымда, кёкде булут джожъ эди, кёкге булут къайдан чыкъды деб кёлюне келе ёрге къарагъанында, бир мазаллы сары къуш къозучукъну тырнакълары бла кёлтюрюб мийикден-мийикге чыгъыб бара эди (Х. Аппаев) „Когда он посмотрел вверх, думая о том, что когда он ложился, на небе не было туч, откуда эти тучи взялись, то увидел как один большой орел, вцепившись когтями в ягненка и подняв в воздух, поднимался все выше и выше“.

Кеси кёлубуз бла кесибизге джашау ишлерикбиз (А. К. Батчаев) „Своими руками мы сами себе построим светлую жизнь“.

б) на орудийность в переносном смысле:

¹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 31.

Мен жилай, жазама жүрек кзаным бла (К. Кулиев) „Я пишу, проливая слезы, кровью сердца“.

Хорлауларын солдат кзызыл кзаны бла жазганды (К. Кулиев) „Свои победы солдат вписал (в историю) кровью“.

в) на средства передвижения, при помощи которых совершается действие:

Кзарнашым ат бла келди „Мой брат приехал на коне“.

Бюгюн Мустафа самолет бла Бакугъа учду (М. Хабичев). „Сегодня Мустафа вылетел в Баку на самолете“.

Учкуландан арба бла келдим. „Я приехал из Учкулана на подводе“.

Бакудан Красноводскеге кеме, аэроплан, поезд бла да барыгъа боллукъду „Из Баку до Красноводска можно добраться пароходом, самолетом и поездом“.

В приведенном примере обратим внимание на возможную неповторяемость послелого *бла* с каждым из однородных членов в отдельности и употребление его за последним из них.

Таким образом, если послелог *бла* управляет словами, обозначающими предметы и названия животных, то он имеет инструментальное значение. Вот почему предложение, допустим, *„Ибрагим ат бла келди“* мы должны понимать не как сообщение о том, что „Ибрагим прибыл, и вместе с ним прибыл его конь“, а как сообщение о том, что „Ибрагим прибыл на коне, который для него был средством прибытия“.

3. Послелог *бла* во временном значении

Сочетаясь с причастными формами на *-гзан, -ген, -хан* и т. д., послелог *бла* может указать на действие, одновременно с которым произошло другое действие или на безынтервальное следование одного действия за другим.

Эшик ачылгзаны бла ол уянды „Как только открылась дверь, он проснулся“.

Аналогичное явление имеет место и во многих других тюркских языках. Например, в узбекском языке послелог *билан* в сочетании с именем действия на *-иш:*

Уруш бошланиши билан санитарлик курсини битириб, урушга кетаверипти— „Как только началась война, (она) окончила санитарные курсы и ушла на фронт.“¹

Подобное употребление имеет и послелог *менен* в киргизском языке:

Жаз келиши менен соко чыгарылды „С приходом весны плуг выехал на поле“...²

На действие, одновременно с которым произошло другое действие, указывает в некоторых случаях и конструкция послелога *бла* со словом *бирге*:

Тань джарыгы бла бирге: кьобугуз!— „деген ачы таууш аскерчиле джатхан юйлени ичин зынгырдаты (О. Хубиев) „С наступлением рассвета в казармах раздался резкий возглас: „Вставайте!“

Послелог *бла*, сочетаясь со словами, обозначающими понятия времени (типа: *ай* „месяц“, *кюн* „день“, *сагъат*, „час“, *заман* „время“), указывает на то, что действие происходит систематически в известное время:

Джашау таурухда айтылгъаанча сагъатла бла ёсюб барады (Х. Байрамукова). „Жизнь, как в сказке, растет по часам (т. е. ежечасно).“

Къуршаланъан шахарны айла бла сен сакълатханса, бермей жаулагъа (К. Кулиев) „Осажденный город месяцами ты удерживал не отдавая неприятелю“.

4. Послелог *бла* в пространственном значении

В этом случае послелог *бла* сочетается с именами пространственного значения, в основном при глаголах движения, и указывает, что действие происходит по всей протяженности пространства:

Биз Теберди ауууш бла аууб Согъумгъа чыкьдыкь „Мы вышли в Сухуми через Тебердинский перевал“.

Барады арбачы

Къургъакъ жол бла (К. Кулиев) „Едет возчик по просохшей дороге“.

Уучу къан ыз бла барыб, джаралы джугьутурну

¹ А. А. Коклянова. „Послелог и служебные имена в узбекском языке“. Труды института языкознания АН СССР, т. III, 1954, стр. 192.

² Дж. Мураталиева. Послелог в киргизском языке. Фрунзе, 1958, стр. 18.

табды „Охотник нашел раненого тура по кровавому следу.“

В языке художественной литературы (прозы и поэзии) пространственное значение иногда переносится и в область образного выражения отвлеченного понятия:

Сени джолунъ бла джюрюйдю тау халкъым (А. Суюнчев) „По твоему пути идет мой горский народ“.

Жигитлени жолу бла барабыз (К. Кулиев) „Мы идем дорогой смелых“.

Послелог *бла* при сочетании с именами существительными типа: *тюбю* „под“, *юсю* „верх“, *арасы* „между“, „промежуток“ и т. д. тоже выражает пространственное значение с указанием на место или же указывает на трансрегрессивность действия, т. е. направление действия через что-нибудь, сквозь чего-нибудь:

Бу къайкъ тенъизни тюбю бла джюзеди „Эта лодка ходит под водой“.

Кенъ ёзенни ортасы бла иги уллу суу барады, сууну бу джанында эл, ол джанында тала (У. Б. Алиев) „По середине широкого ущелья протекает довольно большая река, по ту сторону реки поляна, по эту сторону аул“.

Ат хунаны башы бла секириб кетди „Конь перепрыгнул через забор“.

Уруш боранларыны ичи бла

Мени тенъим жеталмады хорлаугъа (К. Кулиев). „Сквозь метели войны мой друг не дошел до победы“ (Перевод подстрочный).

На направление действия через что-нибудь, сквозь чего-нибудь указывает послелог *бла* и при сочетании с именами существительными типа „терезе“—окно, „эшик“—двери и т. п.

Чыбчыкъчыкъ, терезе бла кириб эшик бла чыкъды (А. М. Байрамкулов) „Птичка влетела через окно и вылетела через двери“.

5. Послелог *бла*, сочетаясь с отвлеченными именами, в предложении может выражать обстоятельство образа действия, а иногда и цели:

Тёрт орта танк толу джюлюшлери бла уллу джолну озуб кетдиле (О. Хубиев) „Четыре средних танка на полном ходу пошли по главной дороге“.

Жасы ауузлу кьама дерт бла биленъенди
(К. Кулиев) „Плоский кинжал отточен для мести“.

Рассмотренное позволяет заключить, что роль послелога *бла* в синтаксисе карачаево-балкарского языка весьма значительна. Сочетаясь со словами, обозначающими предметы и названия животных, он имеет инструментальное значение, со словами, обозначающими лицо,—значение комитативное, с причастными формами на *-гъан, (-ген)*—временное значение, с именами существительными, носящими отвлеченное значение—значение характеристики действия или цели. Сочетаясь же с именами пространственного значения, при глаголах движения, послелог *бла* передает пространственное значение.

Завершая обзор послелога *бла* заметим, что в карачаево-балкарском языке нет падежа, соответствующего русскому творительному падежу. Инструментальное значение и значение соучастия в действии русского творительного падежа, как мы убедились выше, в карачаево-балкарском языке передаются аналитически при помощи послелога *бла*, например:

Мен балта бла отун джарам „Я топором рублю дрова“.

Мусса атасы бла уугъа чыкъды „Мусса вместе с отцом вышел на охоту“.

Послелог и союз *бла*

Не следует смешивать послелог *бла* с союзом того же звукового состава *бла* и также запомнить следующее: если при употреблении *бла* в значении послелога подчеркивается соучастник действия, то в значении союза он связывает между собою однородные имена.

Бла в значении соединительного союза и:

Атам бла анам шахаргъа кетдиле „Отец и мать уехали в город“.

В приведенном предложении *бла* связывает однородные члены предложения (т. е. стоит между ними) и сказуемое предложения в данном случае употребляется во множественном числе. Если мы изменим место *бла*, поставив его за последним из однородных членов, то *бла* приобретет послеложное значение:

Атам анам бла шахаргъа кетди. „Отец вместе с матерью уехал в город“.

Иногда **бла** выступает и в значении разделительного союза **или (или... или)**:

*Мен къатын алмам бир муратыма жетмейин,
Омар бийден бла менден бирибиз бу Холам элден кетмейин* (Из песни „Бек-Болат“).

„Я не женюсь, пока не исполню свое желание:
Пока **или** я, **или** князь не покинем Хулама“ (Перевод подстрочный).

Синонимы послелого **бла**

Для передачи отдельных значений, выражаемых послелогом **бла**, могут использоваться и некоторые его синонимы:

а) послелог **къатыш** — „с, вместе с“:¹

Уруналла орус къатыш къарачайлы, черкес, латыш (А. Суюнчев) „Трудятся вместе с русским карачаевец, черкес, латыш“

Атам къатыш Ташчыдан Семен деб бир да бир иги адам келгенди (Х. Аппаев) „Вместе с моим отцом с рудника „Ташчы“ приехал один исключительно хороший человек по имени Семен“.

б) аффикс **-тин (-тын, -тун, -тюн)**:

Биз элде бир орамтын экиси келе эдиле (А. Уртенев) „По одной из улиц нашего села они шли вдвоем“.

В приведенном примере сравн.: **орамтын** вместо **орам бла**; или же сравн.: **кёктюн** учду вместо **кёк бла учду** „Полетел по небу“.

К послелогу **бла** могут присоединяться вопросительная частица **-мы** и аффикс сказуемости **-ды**.

Ол суймёклигим энтда мени блады,

Энтда жюрегими жарытыб турады

„Прежняя любовь до сих пор со мной.

До сих пор она радует сердце мое“.

(К. Кулиев).

¹ Послелог **къатыш** наиболее употребителен среди карачаевцев.

Аны бламы келдинъ?— „Ты с ним приехал?“

Интересно отметить, что в современном кумыкском языке, наиболее родственном карачаево-балкарскому языку, послелог **булан** может принимать аффикс прилагательного **-гъы**.¹ Например: *Юзюм бавлар булангъы колхоз* „Колхоз, имеющий виноградники“. По типу **булангъы** в кумыкском языке построены **сонгъу**, **учунгъу**.

Эта форма интересна не только с морфологической, но и с синтаксической стороны.

Образования типа: **булангъы**, **сонгъу**, **учунгъу** Ю. П. Долинина считает „особыми прилагательными послеложного типа“, так как они по отношению к предшествующему слову сохраняют управление и значение послелога, а по отношению к последующим словам все выражение (которое как бы оформляется аффиксом **-гъы**) играет роль прилагательного.²

Послелог *дери*

Послелог **дери** „до, вплоть до“ в карачаево-балкарском языке выражает пространственные и временные отношения (последнее—при словах, обозначающих понятие времени), указывая на предел в пространстве и во времени. Кроме того, посредством послелога **дери** могут быть выражены количественно-определятельные и терминологические (т. е. определяющие степень, предел) отношения.

Исторически этимологию данного послелога мы склонны связывать с этимологией послелога **теере** „до“, встречающейся в современном хакасском языке, которая восходит к деепричастию на **-а**, **-е** от **теере** „задевать“, „касаться“.³

теере > **тери** > **дери**⁴

¹ Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М., 1940, стр. 88.

² Ю. П. Долинина. Падежи в современном кумыкском языке. М., 1954, (рукопись диссертации), стр. 115 и далее.

³ Г. И. Донидзе. Ук. соч., стр. 24.

⁴ В виде **тери** рассматриваемый послелог употребляется в современном чувашском языке.

В истории развития карачаево-балкарского языка рассматриваемый послелог встречается в следующих трех разновидностях: *дери* || *дерици* || *дерицин*.

Что значит *-чин (-чи)* в составе послелога *дерицин* || *дерици* сказать трудно,¹ но можно предположить, что это измененный послелог *чэн* „до“, встречающийся в памятниках азербайджанского языка и в некоторых современных его диалектах.² Например: *О китаб инишилгачэн мэндеджи* „Эта (та) книга до прошлого года была у меня“ (М. А. Ширалиев. „Баки диалекти“).

Таким образом, по только что высказанному предположению, послелог *дерицин* является составным послелогом, образованным повторением двух абсолютно идентичных послелогов: *деричэн* > *дерицин*.

В современном туркменском языке в функции карачаево-балкарского послелога *дери* выступают послелог *ченли* и его грамматический синоним—аффикс *-ча (-че)*.³ Например:

Агшамача || *агшамача ченли* „до вечера“.

Шэхерече || *шэхерече ченли* „до города“.

Отсюда возникает второе предположение, согласно которому *-чин (-чи)* в составе послелога *дерицин* есть ни что иное как сильно трансформировавшаяся послелог *ченли*.

дериценли > *деричинли* > *дерицин*

Аналогичным образом можно представить себе и образование формы *дерици*, путем повторения послелога *дери* и аффикса *-ча (-че)* в одном и том же значении:

дери + че > *дери + чи*

Одно и другое предположение поддерживаются еще и тем, что в современном карачаево-балкарском языке возможно повторное употребление фонетических разновидностей послелога *дери* в одном и том же значении. Например: *келгинчиннъе дери* || *келгинчиннъе*

¹ У. Б. Алиев *-чин, -чи* в составе *дерицин* || *дерици* склонен связывать с именем „*ичи*“. (См. его: „Вопросы сложного предположения в карачаево-балкарском языке“. Рукопись диссертации, ч. I, Баку, 1960, стр. 245.)

² Х. Мирзазаде. Историческая грамматика азербайджанского языка. Баку, 1959, стр. 15 (на азерб. языке).

³ М. Н. Хыдыров. Послелоглар ве олары, уланышлары. Ашхабад, 1947, стр. 39—40.

дерици дери || **келгинчиннѣ деричин дери** „до того, как приехал“ и т. д.

Наконец, **-чин** в составе **деричин** имеет и другое толкование. Так, М. А. Хабичев склонен возводить **-чин** к послелогу киргизского языка **чѣйин** „до“.

В ряде современных тюркских языков послелог **дери** имеет следующие фонетические варианты: в якутском—**диэри**, в чувашском—**тери**, в киргизском—**дейре** || **дейин** || **чейин**, в каракалпакском—**дейин** || **шейин**, в хакасском—**теере** и т. д.

В некоторых тюркских языках в функции этого послелога употребляются другие послелоги различного происхождения: в кумыкском—**ерли**, в азербайджанском—**кими** || **гэдэр**, в узбекском—**кадар**, **довур**, в турецком—**кадар**, в башкирском—**кэзэр** (**кэзэрэ**), **тикләм**, **саклы** и т. д.

Заметим, что в памятниках азербайджанского языка встречается архаичный послелог **декин** || **текин**,¹ который выполнял такую же функцию, что и послелог **дери** в современном карачаево-балкарском языке. Можно предполагать, что названный послелог имеет общее происхождение с послогом **дери**.

Примеры из современных тюркских языков.

В башкир.: **Офогэ кэзэр пароход менэн барзык** „До Уфы мы плыли на пароходе“.

В кумык.: **Бириси-Донну бойлап Азовгъа ерли ва толкъунлар болуп аргъый узакъгъа** (Ю. Хаппаллаев) „А другая—вдоль по Дону до Азова и волною исчезает в дали“.

В узбек.: **Соат учга кадар** „До трех часов“.

В турецк.: **Socuklar ormana kadar arabayla gittiler** „Дети доехали до леса на подводе“.

Как видно из примеров, эти послелоги во всех тюркских языках сочетаются с именами в дательном падеже и указывают на предел, до которого распространяется действие в пространстве или во времени.

В языке памятников древнетюркских языков V—VIII вв. некоторые функции послелога **дери** выполнял послелог **тэги** „вплоть до“.

¹ Х. Мирзазаде. Ук. соч., стр. 13--14.

Темир капыгга тэги иритимиз „Мы преследовали вплоть до Темир-Капыга“. ¹

Со значением „до“, „вплоть до“ в языке поэтов среднеазиатского средневековья—А. Навои и Захир эд-Дина Бабура выступал послелог *тегру* || *дегру* || *дегин*. ²

Рассмотрим значения послелога *дери* в карачаево-балкарском языке.

I. В значении предела во времени

Послелог *дери*, сочетаясь с именами существительными, обозначающими понятие времени (*заман*—„время“, *кюн*—„день“, *ай*—„месяц“ и т. д.) в дательном падеже, указывает на предел действия или явления во времени.

Инъирге дери пионерле бла комсомолчула къабыргъа газетлерин джарашдырдыла (А. М. Байрамкулов) „Пионеры и комсомольцы до вечера готовили к выпуску свои стенные газеты“.

Мартдан августха дери „С марта до августа“.

Бу сигъатха деричи шум тутуб тургъан джамагъат (Х. Аппаев) „Народ (общество), молчавший до сего часа“.

Кёзю къысылмагъанлай, Исса танънъа дери сакълады (У. Б. Алиев) „Не смыкая глаз, Исса ждал до утра“.

Предельно-временное значение могут передать и сочетания послелога *дери* с отвлеченными именами существительными или же с отглагольными именами в дательном падеже:

Мен алайгъа келгинчиннъе деричин, ала ишлерин бошаб, солуй тура эдиле (М. Хабичев) „До моего прихода туда они отдыхали, завершив свою работу“.

Ишлеген эди Алик арыгъынчыннъа дери (К. Отаров) „Алик проработал до тех пор, пока не устал“.

Революциягъа дери бизни къралда метро болма-

¹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности М.—Л., 1951, стр. 64.

- См.: Г. Ф. Благова. О характере так называемого „чагагайского“ языка конца XV в. Кн. „Тюрко-монгольское языкознание, и фольклористика“. М., 1960, стр. 38.

ганды (У. Б. Алнев) „До революции в нашей стране не было метро“.

Асхат школгъа киргинчиинъе дери, анъа детсада харифлени танытхан эдиле (У. Б. Алнев) „Асхата в детсаде ознакомили с азбукой еще до поступления его в школу“.

2. Примеры на употребление послелого **дери** в предельно-пространственном значении

Элни къыйырына деричи ашырыб, межямларына джыйылдыла (Х. Аппаев) „Проводив до конца села, они отправились по домам“.

Биз базаргъа дери джаяулай бардыкъ (А. М. Байрамкулов) „Мы до базара шли пешком“.

Волгадан Одерге деричин биз къазауатны джоллары бла келгенбиз „От Волги до Одера мы шли дорогами войны“.

Эки таякъ бла кесим сюелиб, юнъю ичинде орундукъдан эшикке дери барама (О. Хубиев) „Я передвигаюсь в комнате от кровати до дверей на костылях“.

Послелог **дери**, наряду со значением предела во времени и пространстве, может указывать на количественный предел или на меру совершения действия. Например:

Бир, эки деб онъа дери (А. Уртенев) „Считая до десяти (букв.: говоря один, два и дальше до десяти)“.

Сууукъ суугъа боюнларына дери ташайыб, бери чыггарлары келмейди (О. Хубиев) „Погрузились в холодную воду по горло и не желают выходить оттуда“.

Машинамы тюз къулакъларына дери окъладан джюкледиле (Бир. атл.) „Мою машину нагрузили снарядами доверху“.

В языке художественной литературы, в фразеологических сочетаниях значение предела переносится и в область образного выражения отвлеченного понятия. При этом послелогом **дери** выражаются пределы охватываемых предметов. Например:

Чегет тереклерине дери мыдах, чапракла заман-

сыз агъа эдиле (А. Уртенев) „Лес и все его деревья были печальны, листья падали раньше времени“.

Атадан балагъа деричи (Х. Аппаев) „Начиная от отцов до детей“.

Эришиб уллудан гитчеге дери ишлейдиле (Д. Байкулов) „Соревнуясь работают и старшие и младшие.“

Юсюмде к'елегим халысына дери джибигенди (А. Байрамкулов) „Рубашка на мне промокла до каждой ниточки“.

Биригиб къартха, джашха, къызгъа дери (Д. Байкулов) „Сплотившись все от стариков до юношей и девушек“.

Послелог *дери* в карачаево-балкарском языке имеет следующие особенности:

1. Может сочетаться с вопросительной частицей *-ми*:

Танънъа деричими турлукъбуз былайда? „До рассвета что ли будем здесь?“

2. Может сочетаться с аффиксом сказуемости *-ди*:

Барлыгъыбыз шахаргъа дериди || деричиди || деричинди „Мы поедем только до города“

3. Может принимать аффиксы принадлежности единственного и множественного числа всех трех лиц:

(мени) белиме дери м (бизни) белибизге дери биз (сени) белинъе дери нъ (сизни) белигизге дери гиз (аны) белине дери | си (аланы) беллерине дери | лери

4. Сочетаясь с причастием прошедшего времени с аффиксами *-чы (-чи, -чу, -чю), -чыннъа (-чинъе, чуннъа, -чюннъе)* может принимать аффикс дательного падежа *-нъе*. При этом наблюдается интересное явление, а именно: причастие прошедшего времени с одним из перечисленных аффиксов (как в основной форме, так и в форме дательного падежа) означает абсолютно то же самое, что и в сочетании с послелогом *дери || деричи деричин* или *дери || деричи || деричин* аффикс дательного падежа *-ге, -нъе*. Например: *келгинчи || келгинчин || келгинчиннъе || келгинчи дери || келгинчи деричи || келгинчи деричин || келгинчиннъе дери || келгинчиннъе деричи || келгинчиннъе деричин || келгинчи дериге || келгинчин дериге || келгинчин-*

нъе дериге || *келгинчи деричиге* || *келгинчин деричиге* || *келгинчиннъе деричиге* || *келгинчи деричиннъе* || *келгинчин деричиннъе* || *келгинчиннъе деричиннъе* и т. д. в одном значении „до того, как приходил“.

Послелог *дери* может повторяться: *келгинчи дери-чи дери* || *келгинчин деричин дери-чи дери* || *келгинчин дериге деричин дери* и т. д. (букв.: „до, до того, как приходил“).

Послелог *кибик*

Послелог *кибик* в карачаево-балкарском языке выражает в основном компаративные отношения, т. е. обозначает отношения соответствия, соразмерности, сопоставления; иногда указывает на образ действия.

Происхождение данного послелога в тюркологической литературе связывается с именем *каб* || *кеб* || *киб* — форма, модель *-и* аффикс принадлежности 3-го лица¹ и в большинстве тюркских языков имеет следующие фонетические варианты: в азерб. — *кими*, узб. — *каби*, кумык. — *йимик* || *гимик*, турк. — *киби* || *кимин*, тур. — *гиби* и т. д.

Спецификой данного послелога в карачаево-балкарском языке является возможность сочетания его всеми надежами (основным, родительным, дательным, местным и исходным), кроме винительного.

На русский язык данный послелог в большинстве случаев переводится словами: „подобно“, „вроде“, „как“, „словно“.

Рассмотрим примеры:

Аслан кибик тёрт джанына аиланаракъ...
(А. Уртенев) „Подобно льву (=как лев), оглядываясь во все четыре стороны...“

Гараларынъ, шампан кибик, къайнайдыла (А. Суюнчев) „Нарзаны (твой) бурлят как шампанское“.

Джомакъда кибик кёрюнесе сен ай тау артын-

---

¹ А. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М., 1960, стр. 304, § 392.

дан чыкьгъанда (А. Кулиев) „Как в сказке представляешься ты, когда луна выходит из-за гор“.

Сизни *кибик тамадала бла оноулашыргъа келгенме* (О. Хубиев) „Я пришел посоветоваться со старшими, как вы“.

Джау да джата эди бир джанында, окъ тийген кзабан кибик сойланыб (Д. Байкулов) „И враг лежал в стороне распластавшись, как убитый пулей кабан.“

Джерни юсюнде Москва кибик уллу шахарла азыдыла „Таких больших городов, как Москва, мало на земле“.

Энтда, сабийлигимде кибик, кюзарты садха киреме, терек башында бугзунуб кзалган алмаларымы излейме (К. Кулиев) „И снова, как в детстве, я вхожу в осенний сад и ищу яблоки, оставшиеся на макушках деревьев“.

Кюн иги боллукъ болур: Минъи-Тауну башы ачылыб, ёмюрлюк бузлагъа кюн таякъла тийиб, биленъен къама джылтыраган кибик джылтырайды (Х. Аппаев) „Вершина Эльбруса открыта, на вечные льды падают лучи солнца и он блестит словно натовченый кипжал: очевидно установится погода“.

Рассматриваемый послелог в карачаево-балкарском языке имеет следующие особенности:

1. Может, принимая аффикс множественного числа *-ле*, субстантивироваться:

Ол Мурат кибиклени себебинден (Д. Байкулов) „Из-за подобных Мурату“.

Онъсуз джалчы сени кибикледен тартыб
Хакъын толу алган заманды бу заман (А. Урте-нов).

„Это такое время, когда беспомощный (в прошлом) слуга силой берет плату за свой труд от таких, как ты“ (*Перевод подстрочный*).

2. Может принимать падежные аффиксы:

Ед. число	Мн. число
О. <i>Ахмат кибик</i>	<i>Ахмат кибик-ле</i>
Р. <i>Ахмат кибик-ни</i>	<i>Ахмат кибик-ле-ни</i>
Дат. <i>Ахмат кибик-ге</i>	<i>Ахмат кибик-ле-ге</i>

В. *Ахмат кибик+ни*   *Ахмат кибик-ле-ни*
 Мест. *Ахмат кибик-де*   *Ахмат кибик-ле-де*
 Исх. *Ахмат кибик-ден*   *Ахмат кибик-ле-ден*

3. Может принимать уменьшительно-ласкательный аффикс *-чик*

Сени кибик+чик — „такой же (маленький), как ты“.

Мусса кибик+чик — „такой же (маленький), как Мусса“.

✓4. Может принимать аффиксы принадлежности:

Ед. число	Мн. число
<i>Ат кибиг-им</i>	<i>Ат кибик-лер-ибиз</i>
<i>Ат кибиг-инъ</i>	<i>Ат кибик-лер-игиз</i>
<i>Ат кибиг-и</i>	<i>Ат кибик-лер и</i>

В карачаево-балкарском языке множественное число обычно передается аффиксами *-ла*, *-ле* (усеченная форма). Полная форма множественного числа (как это видно из приведенных примеров) восстанавливается только перед аффиксами принадлежности. Последнее, в свою очередь, служит доказательством того, что аффиксы *-ла*, *-ле* карачаево-балкарского языка восходят к *-лар*, *-лер* других тюркских языков.

Следует отметить, что в приведенных выше примерах послелогом *кибик* выражаются отношения пренебрежительного (с оттенком насмешки) уподобления, сравнения.

И, наконец, в этих примерах обратим внимание на регрессивную ассимиляцию конечного глухого согласного „к“ в позиции перед гласным: *кибик+им* → *кибигим* (к ~ г).

5. Может принимать аффиксы сказуемости:

Ед. число	Мн. число
<i>кибик-ме</i>	<i>кибик-биз</i>
<i>кибик-се</i>	<i>кибик-сиз</i>
<i>кибик-ди</i>	<i>кибик-диле</i>

Мен да сени киби́кме (Д. Байкулов) „Я такой же, как и ты“.

Жаз эртденлиги киби́ксе сен (К. Кулиев) „Ты прекрасна, как весеннее утро“.

Жырчы бла жигит—бир киби́кдиле (К. Кулиев) „Поэт и джигит подобны друг другу (одинаковы)“.

Сёз игиси жарыкь жулдуз киби́кди (К. Кулиев) „Хорошее слово подобно ясной звезде“.

6. Может сочетаться с вопросительной частицей **-ми**:

Кесинь киби́кми кёресе? „Считаешь подобным себе?“ (Сравн. русское: *судишь по себе?*)

7. Послелог **кибик**, субстантивируясь, может принимать после себя послелогги: *амалтын, бла, дери, кьатыш, кьыллы, себебли, сайын, ючюн* и др.

Примеры:

Сени киби́кле амалтын планыбызны толтуралмадыкь „Из-за таких, как ты (подобных тебе) мы не смогли выполнить план“.

Тюнене Мусса бизге ол ат киби́ги бла келген эди „Мусса вчера приезжал к нам на своем коне“.

Аны ол юй киби́гине деричин бир ашырыгьыз „Проводите его до дома“.

Уллу таш юнню хар терезе киби́ги сайын бирер гокка ханс бар эди „На каждом окне большого каменного здания стояло по одному цветку“.

8. Словосочетание **аны кибик** может выступать в роли одного союзного предложения, соответствующего русским союзам **и, а также**:

Шахарчыла аны кибик элиле,

Кьозгьалышьб бир кьазауат ачдыла (Д. Байкулов).

„Жители городов **и** сел (или: жители городов, **а также** сел), возмущившись, начали войну“ (*Перевод подстрочный*).

Разумеется, **аны кибик** в значении союза не следует смешивать с сочетанием послелога **кибик** с личным местоимением третьего лица един. числа **аны кибик** „такой, как он“, „так, как он“.

При послелоге **кибик** может быть несколько управляемых однородных слов. Например:

Бу ишни башлардан алгъа, Аскер, Умар, Ахмат, Ибрагим кибик тамадала бла, оноулашгъан эдим „Прежде чем приступить к этой работе, (я) посоветовался с такими старшими, как Аскер, Умар, Ахмат, Ибрагим“.

Аналогичное явление имеет место и тогда, когда послелогу *кибик* предшествуют два или более имен существительных, обозначающих видовое понятие по отношению к родовому, выражаемому именем существительным, которое ставится за послелогом,

Уучула бёрю, тюлкую, джаз кишдик эмда шакал кибик кийик джаньуарланы кзурутургъа (ёлтюрюрге) эркиндиле. „Охотники имеют право на истребление таких хищников, как волки, лисицы, лесные кошки и шакалы“.

В сочетании с причастными формами на *-гъан, -ген* послелог *кибик* может выражать обстоятельство образа действия со сравнительным оттенком или обстоятельство меры или степени.

Отда къызгъан кибик къызарды „(Он) покраснел так, как краснеют от огня“.

Бир анадан туугъан кибик бир-бирлерин суйерле (К. Кулиев) „Они полюбят друг друга так, как родные братья“.

Къолубуздан келген кибик бир болушдукъ „Помогли в меру своих сил (т. е. столько, сколько смогли)“.

Сочетаясь с причастием будущего времени на *-ар*, послелог *кибик* выступает выразителем целевых отношений. Например:

Окъур кибик мадар джокъ, бизни кибик джарлыгъа (И. Каракетов) „Не было возможности (чтобы) учиться таким беднякам, как мы“.

Ёнъе мадар табылмай багъар кибик джаранъы (И. Каракетов) „Не нашли другого способа (чтобы) вылечить (твою) рану“.

Синонимы послелога *кибик*

Отдельные значения, выражаемые послелогом *кибик* могут быть переданы:

а) сравнительным аффиксом **-ча**:

Сенича бир джигит (вместо *сени кибик бир джигит*)— „такой же джигит, как и ты“.

Аны джюреги меникича болса, сакъларыкъды (О. Хубиев) „Если ее сердце будет таким, как мое, то будет ждать“.

(Сравн.: *меникича* вместо *меники кибик*)

Аналогичное явление имеет место и в современном туркменском языке.¹ Например:

Ораз Мыратча окаяр (Н. Хыдыров) „Ораз учится также, как и Мурат“.

(Сравн.: *Мыратча* вместо *Мырат кибик* || *кимин*).

б) уподобительным аффиксом **-лай**
(**-лей**):

Менлей насыбсыз болгъанъа кишини жаны нек аурумайды? (Аз. Будаев) „Почему ни у кого не болит душа за несчастных подобных мне?“ (Сравн.: *менлей насыбсыз* вместо *мени кибик насыбсыз*).

Сенлей жарлы бу къар кюн къайда жылыныр, тояр? (К. Мечиев).

„Где согреется и наестся в эту снежную пургу такой бедняк, как ты?“ (Сравн.: *сенлей жарлы* вместо *сени кибик жарлы*).

в) аффиксами: **-сылдым**, **-сюлдюм**, **-сыман**, **-дым**, **-дюм** в сочетании с прилагательными, обозначающими цвет предмета. Например:

сарысыман || *сары кибик*— „желтообразный, желтоватый“

акъсылдым || *акъ кибик*— „беловатый“

кёксюлдюм || *кёк кибик*— „синеватый“

къызылдым || *къызыл кибик*— „красноватый“ и т. д.

Интересно отметить, что в современном киргизском языке для выражения отношений сравнения, уподобления употребляется послелог *сымал*. Например: *сары сымал*— „желтообразный, как желтый“.²

Карачаево-балкарское слово *сыман*, выполнявшее

¹ См.: Н. М. Хыдыров. Послелоглар ве оларын уланышлары. Ашгабад, 1947, стр. 44—45.

² Дж. Мураталиева. Ук. соч., стр. 55.

в прошлом* аналогичную функцию, что и киргизский послелог *сымал*, ныне почти грамматикализовалось. В настоящее время в киргизском языке, как указывает Дж. Мураталиева,¹ иногда наблюдается слитное написание послелога *сымал* с предшествующим ему именем. Последнее обстоятельство служит доказательством того, что и киргизский послелог *сымал* находится на стадии грамматикализации.

г) послелогам *шекелли*, *маталлы*, *тюрсюню*, *халили*. Например:

Сени шекелли || *сени маталлы* || *сени тюрсюню* || *сени кибик бир адам* переводятся одинаково: „Такой же человек, как ты“.

д) послелогом *чакълы* (*бир*) в сочетании с причастием на *-гъан* (*-ген*). Например:

Къолубуздан келген чакълы бир болушдукъ „Помогли в меру своих сил“. Значение предложения не изменяется, если вм. *чакълы* вставим *кибик*:

Къолубуздан келген кибик бир болушдукъ.

П о с л е л о г *къыллы*

Послелог *къыллы* „из-за“, „из-за отсутствия“, „в надежде на“ в карачаево-балкарском языке выражает отношения причинной обусловленности явлений.

В других тюркских языках рассматриваемый послелог не встречается.

В языке карачаево-балкарской художественной литературы и поэзии послелог *къыллы* мало употребителен. В разговорной же речи (в особенности карачаевцами), наоборот, употребляется очень часто.

Примеры, на употребление послелога *къыллы*, в основном приведены нами из живого разговорного языка.

Отун къыллы ач къалдыкъ „Из-за (отсутствия) дров мы остались голодными“.

Рамазан къыллы къалсакъ, поездге билетле табарыкъ тюлбюз. „Если будем надеяться на Рамазана, мы не достанем билетов на поезд“.

Сени къыллы къалдым „Я остался из-за тебя“.

¹ Дж. Мураталиева. Ук. соч., стр. 55.

Белеюд
Ариулуькь
Гинджиге
Ауана,

Ол кзыллы
Кьалгьан джыр
Кетмезми
Хауагьа!...

(А. Уртенов)

Из примеров видно, что послелог **кзыллы** управляет основным падежом имен существительных и родительным падежом местоимений (в зависимости от их разряда).

Сочетаясь с причастной формой на-гьан (-ген), послелог **кзыллы** может внести условно-уступительный оттенок в предложение и иметь значение слова **только**.

Тюненеги джарамангьан ишинь ючюн урушулгьан **кзыллы** кьалсань, табу да эт „За вчерашнюю поделку (твою), если отделаешься тем, что **только** поругают, радуйся“.

Этимологию послелога **кзыллы** мы склонны связывать с глаголом **кзылыргьа** — „сделать“, встречающегося во многих современных тюркских языках в виде инфинитива на -макь (-мек). Например, в уйгурском — **-килмак**; в узбекском — **-килмок** и т. д. В карачаево-балкарском языке глагол **кзылыргьа** сохранился только в выражении:

Намаз кзылыргьа (= намаз этерге) „Чтобы сделать намаз, т. е. помолиться“.

Таким образом, **кзыллы** может быть разложен на **кзыл** + аффикс-**лы**, где **кзыл** „сделать“ глагол повелительного наклонения от **кзылыргьа** „сделать“.

Как и все послелоги карачаево-балкарского языка, послелог **кзыллы** может принимать вопросительную частицу **-мы** и аффикс сказуемости **-ды**:

— **Аны кзыллымы кьалдынъ?** „Из-за него (что) ли остался?“

— **Хоу, кьалгьаным аны кзыллыды** „Да, я остался из-за него“.

Послелог **сайын**

Послелог **сайын** „еже...“, „каждо...“, „каждый“ в карачаево-балкарском языке указывает на регулярную повторяемость действия в определенные промежутки времени, т. е. выражает временные отношения или же выражает количественно-определенные отношения.

Согласно традиционной точке зрения, рассматривае-

мый послелог исторически восходит к деепричастию от глагола „сай“ „считать“: *сайын* < *сай* + *ин* — аффикс деепричастия.¹

В современном карачаево-балкарском языке глагол „считать“ представлен целевым инфинитивом *санаргъа* (от именной основы *сан* „число“, „количество“).

Послелог *сайын* в большинстве тюркских языков имеет следующие фонетические параллели и варианты: в кирг., каз., каракалп., кумык., турк., ног. языках *сайын*, узб. — *сайин*, башк. — *Кайын*, алт. — *сайын* || *зайын*, хак — *сай*, чув. — *серен*, як. — *аайы*, выражая те же отношения, что и в карачаево-балкарском языке. Более того, послелог этот во всех перечисленных языках с именами существительными и причастием на *-гъан* (*-ген*) сочетается в форме основного падежа, кроме хакасского языка, где послелог *сай*, наряду с основным, может управлять иногда и родительным падежом. Например: *кун сай* „каждый день“, „ежедневно“, „изо дня в день“ и в том же значении *кўнниъ сай*.²

Рассмотрим примеры на употребление послелога *сайын* в карачаево-балкарском языке:

1. Сочетаясь с именами, которые сами выражают понятие времени (*джыл* — год, *ай* — месяц, *кюн* — день, *эртден* — утро, *инъир* — вечер, и т. д.), послелог *сайын* соответствует русской приставке *еже...*

Хар кюн сайын бир джанъы зат юренеде (А. Уртенев) „Ежедневно (каждый день) узнаю что-нибудь новое“.

Хар джыл сайын джараша эди джалгъа (Д. Байкулов) „Он ежегодно нанимался в батраки“.

Кюн сайын аны кёрюб,

Мен амалсыз болама (К. Мечиев)

„Я вижу ее ежедневно, и это усиливает мои страдания.“

Полную аналогию мы находим и в других тюркских языках.

Алт.: *Кижу кызы кун сайын ле, малларыны суга-*

¹ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 306.

² Г. П. Донидаэ. Послелог в хакасском языке. Записки Хакасск. НИИ языка, литературы и истории, вып., IV. Абакан, 1956, стр. 17.

рып тьортон полтыр „А младшая его дочь каждый день ходила поить скот.“¹

Кирг.: *Жума сайын болбосо да, аи сайын бирдеме жиберип тур балам* „Если не каждую неделю, то ежемесячно (каждый месяц) присылай что-нибудь, сынок“.²

Башк.: *Морат укызу эр йыл пайын отличногъа тамамлай* „Морат учебу (свою) ежегодно завершает на отлично“.³

2. Сочетаясь с причастием прошедшего времени, послелог *сайын* выражает периодическую повторяемость действия, выраженного сказуемым главного предложения. Например:

Мен былайгъа келгеним сайын, сен эсима тюше-се (У. Б. Алиев) „**Всякий раз**, когда я прихожу сюда, ты вспоминаешься мне“.

Ол кьолун силгени сайын, афенди башын кьалтырата эди (Х. Алпаев) „**Каждый раз**, когда он взмахивал рукой, афенди покачивал головой“.

Алий Муссаны кьргени сайын, Хасандан хапар сорады (У. Б. Алпиев) „**Каждый раз**, когда Али встречает Муссу, спрашивает о Хасане“.

Кёзюне тюрлю-тюрлю ачы затла кёрюнъени сайын, кьызыудан—кьызыу атлаб, эм артында, уятны—хаятны ташлаб, Тауджанны юйюне, чабыб киб, юйюне тёрт кьабыргъасын сымарлаб кьарай кьычырды (Х. Алпаев) „**Каждый раз**, когда ему в глаза казались различные горькие дела, он шел все быстрее и быстрее, а под конец, отбросив стыд и угрызения гордости, подбежал к дому Тауджан, вошел туда, рассматривая дом, крикнул“.

Относительно природы только что приведенных предложений существуют различные мнения не только в карачаево-балкарском языкознании, но и в тюркологии в целом.⁴

Один из самых крупных исследователей карачаево-балкарского языка доктор филологических наук

¹ Н. А. Баскаков. Алтайский язык. М., 1958, стр. 93.

² Дж. Мураталиева. Послелог в киргизском языке. Фрунзе, 1958, стр. 59.

³ Б. С. Саяргалиев. Служебные слова в башкирском языке. Уфа, 1960, стр. 44 (на башк. языке).

⁴ См. сб.: „Вопросы грамматики тюркских языков“, Алма-Ата, 1958.

У. Б. Алиев эти предложения считает „Сложноподчиненными предложениями с придаточными времени со сказуемыми, выраженными причастиями с притяжательными аффиксами и послелогом *сайын*“. Вот что он пишет по этому вопросу: „В карачаево-балкарском языке имеется особый вид придаточных предложений времени, которые встречаются и в русском и чеченском, и ряде других языков. Это—придаточные предложения, которые образуются со сказуемым, выраженным причастием с притяжательными аффиксами и без них, но с послелогом *сайын*“¹ Согласно приведенной точки зрения в предложении:

„*Мен былайгъа келгеним сайын, сен эсима тюзюшесе*“ сказуемым придаточного предложения является *келгеним сайын*.

Таким образом, послелог *сайын*, сочетаясь с отглагольными именами на *-гъан* как с притяжательными аффиксами, так и без них выступает в составе сложного сказуемого придаточного предложения и в то же время служит связующим звеном придаточного предложения с главным.

Существует и другое мнение. Так, доцент А. М. Байрамкулов придерживается точки зрения тех тюркологов, которые подобные предложения считают простыми, и сочетания *причастие—послелог* со своим подлежащим рассматривают как развернутые второстепенные члены простого предложения.

А. М. Байрамкулов категорически утверждает, что „Поскольку послелог выражает отношение между дополнением и обстоятельством, с одной стороны, и сказуемым—с другой, то само сочетание послелога с именем не может быть сказуемым в придаточном предложении“.²

В предложении типа:

„*Биз ишге чыккъгъаныбыз сайын бригадир бизге тюзюбейди*“ (Каждый раз, когда мы выходим на работу,

¹ У. Б. Алиев. Вопросы сложного предложения карачаево-балкарского языка. Автореферат доктор. диссертации. Нальчик, 1960, стр. 68.

² См. тезисы докладов и развернутых выступлений на объединенной научной сессии, посвященной проблемам частей речи и сложного предложения в кабардино-черкесском, карачаево-балкарском и других языках народов Северного Кавказа и Дагестана 20—23 июня 1962 г. в Нальчике, стр. 53.

нас встречает бригадир) А. М. Байрамкулов **биз ишге чыкыгъаныбыз сайын** считает развернутым обстоятельством времени.¹

3. Иногда послелог **сайын** в карачаево-балкарском языке может выражать отношения дательного или местного падежей, становясь своеобразным дублетом последних. То, что этот послелог в некоторых случаях выражает отношения дательного падежа, отмечалось еще Э. К. Пекарским.²

Рассмотрим несколько примеров

Сабийлерин арбазла сайын кычырыб излей эдиле (Х. Аппаев).

„Они разыскивали своих детей в каждом дворе и звали их“.

(Сравни.: *арбазла сайын* вместо *арбазлада*).

Мустафа аскерге кетерини аллы бла, хар юй сайын айланыб, элни къартлары бла саламлашды
„Мустафа перед отъездом в армию заходил в каждый дом и прощался со стариками села“.

(Сравни.: *хар юй сайын айланыб* вместо *хар юйге айланыб*).

Хар орам сайын бирер мыртазакъны суйедиле (Х. Аппаев).

„На каждой улице выставили по одному стражнику“.

Сравни.: *хар орам сайын суйедиле* вместо *хар орамгъа суйедиле*).

Интересно то, что последнее предложение может быть выражено и так: „*Хар орамда бирер мыртазакъны суйедиле*“ в прежнем значении. Таким образом, здесь наблюдается исключительное по редкости явление для норм литературного карачаево-балкарского языка, а именно, совпадение значений дательного и местного падежей.

Аналогичное совпадение значений местного и дательного падежей имело место в языке памятников древнетюркской письменности V—VIII вв. В языке древних памятников тюркской письменности значение и функция местного падежа были гораздо шире и разно-

¹ См.: А. М. Байрамкѳулланы. Къарачай-малкъар тилни синтаксиси. Черкесск, 1962 г., стр. 39.

² Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка, т. I, 1917, стр. 49.

стороннее, чем в современных тюркских языках. Он выражал не только местное значение, но и значение времени, направления, косвенного объекта. Помимо всего этого, местный падеж выполнял по существу и функцию современного исходного падежа.¹

Такое же совпадение значений дательного-направительного и местного падежей имеет место, например, в языке „*Мухаббат-Наме*“ Хорезми (XIV).²

Несомненно, в этом отношении мы имеем дело с рудиментарными фактами, неисчезнувшими еще из живого карачаево-балкарского языка.

Говоря о возможности смысловой замены в отдельных случаях формой дательного падежа конструкцию имени с послелогом *сайын*, нельзя не отметить и то, что иногда и форма дательного падежа, и послелог *сайын* могут быть заменены именем существительным „*баш ы-на* (с аффиксом принадлежности третьего лица в дательном падеже). Например, предложение типа:

Хар юй сайын айландым || хар юйге айландым
„Я обошел каждый дом (отдельно, врозь)“ можно выразить и иначе:

„*Хар юй башына айландым*“ в том же значении.

Проф. Е. И. Убрятова в своей работе „*Исследования по синтаксису якутского языка*“ указывает, что послелог *аайы* в якутском языке сочетается с именем, имеющим при себе аффикс принадлежности³. Такое же явление может иметь место и в карачаево-балкарском языке:

Терезем сайын „к каждому моему окну, в каждом моем окне, у каждого моего окна“;

Терезең сайын „к каждому твоему окну, в каждом твоём окне, у каждого твоего окна“;

Терезеси сайын „к его каждому окну, в каждом его окне, у каждого его окна“.

Любопытно отметить то, что в якутском языке пос-

¹ По этому вопросу см.: А. Исламов. Употребление падежей в языке древнетюркских памятников. Уч. записки Семипалатинского пединститута, вып. II. 1957, стр. 240—297.

Хорезми. *Мухаббат-Наме*. Издание текста, транскрипция, перевод и исследование Э. Н. Наджиба. М., 1960, стр. 113.

³ Е. И. Убрятова. *Исследования по синтаксису якутского языка*. М.—Л., 1950, стр. 153.

делог *айы* в сочетании с именами может принять на себя падежные аффиксы (исходный, творительный, винительный). Например:

Киси айыттан балык берисиннердим (О. Бётлингк) „Я заставил каждого поделиться со мной рыбой (я получил от каждого рыбу)“.

А в киргизском и каракалпакском языках послелог *сайын*, сочетаясь с именем существительным, обозначающим понятие отрезка времени, может принимать аффикс прилагательного-*гъы (-ги), (-кы) (-ки)*, т. е. наблюдается атрибутивная функция послелога *сайын*. Например:

Каракалп.: *Ай сайынгъы мийнет* (Н. А. Баскаков) „Помесячная зарплата“.

Киргиз.: *Ай сайынкы милдет* (Дж. Мураталиева) „Ежемесячные обязанности“.

Кроме того, в киргизском языке послелог *сайын* может, принимая префикс *ан-*, употребляться в значении усиления действия, например:

Бу созго ансайын тырчый тушту „На эти слова он еще больше рассердился“.¹

Послелог *ючюн*

Послелог *ючюн* в карачаево-балкарском языке в основном выражает причинно-следственные и целевые отношения. Употребляется широко как в разговорной речи, так и в литературном языке, соответствуя предлогам „для“, „ради“, „за“, „из-за“, „вследствие“ и т. п. русского языка.

Послелог этот встречается почти во всех тюркских языках и выступает в следующих фонетических вариантах: в древнетюркском, азербайджанском, киргизском, хакасском, шорском — *-учун*; турецком — *-ичин*, туркменском — *-учун*, татарском — *-очен*, башкирском — *-ӧсен*, казахском — *-юшӧн*, каракалпакском — *-ушын*, якутском — *-иһин* и т. д.

О происхождении послелога *ючюн* существуют различные мнения. Одни (О. Бётлингк) возводят к

¹ Дж. Мураталиева. Послелогии в киргизском языке. Фрунзе, 1958, стр. 61.

слову *ич* „нутро“, другие (А. Кастрен, К. Г. Зелеман, Л. З. Будагов, Ж. Дени)—к слову *уч* „конец“, „острие“, „вершина“. Последнюю точку зрения относительно этимологии послелога *ючюн* разделяют и современные тюркологи (А. Н. Кононов, Н. А. Баскаков, Х. И. Мирзазаде). В значениях **конец, острие, верхушка** слово *уч* встречается и в карачаево-балкарском языке.

Из зарубежных тюркологов А. Габен *учун* склонен рассматривать как форму герундия *учун* ~ *учун*+н.¹

Из изложенного видно, что во всех суждениях, высказанных относительно структуры *учун* в нем устанавливается наличие двух элементов *-уч* или *-ич* и *-ун* || *-ин* (*уч*+*ун*, *ич*+*ин*), из которых первый, в зависимости от восприятия первоначального качества гласного, возводится к различным словам (*уч* „конец“, „острие“; *ич* „нутро“), а второй элемент остается пока не исследованным. Правда, составители „*Алтайской грамматики*“ (Казань, 1869) аффикс *-ун*, (*-ин*) в составе *учун* || *ичин* связывали с аффиксом винительного падежа притяжательного склонения для третьего лица. Но пока эта точка зрения еще недостаточно подтверждена. Аффикс *-ун* (*-ин*) в составе *учун* (*-ичин*) имеет и другое толкование. Так, К. Грёнбег склонен отождествить его с формой орудного (инструментального) падежа.²

Послелог *ючюн* в тюркских языках оформился еще в древности. Он часто встречается в самых ранних памятниках древнетюркской письменности.

Приведем несколько примеров из них:

Турк будун учун тун удымадым, кунтуз олшурмадым (Памятник в честь Кюль-Тегина) „Я ради тюркского народа не спал ночей и не сидел (без дела) днем“.³

Tai biġa tutuk jablakyn ūčun, bir aki atlyg jablakyn učun kara budunym oltin jatdın, jana irik, ölmari jatmari

¹ А. Gabain *Alttürkische grammatik*, Leipzig, 1950, стр. 140

² К. Grönbech. *Der türkische Sprachbau*, Kopenhagen, 1936, стр. 35.

³ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 31.

сән, — тiдiм (Памятник Моюн-Чуру) „Из-за низости Тай-Бильгя-Тутука, из-за низости одного-двух знаменитых (именитых) ты, мой простой народ, получил сильный удар и погибал, присоединяйся опять к государству, ты (уже) умираешь, но ты не должен умирать, ты (уже) страдаешь, но ты не должен страдать, — сказал я“.¹

Из этих примеров видно, что послелог **ючюн** в языке древнетюркских памятников в основном выражал отношения цели или причины.

Круг грамматических отношений, обслуживаемых послелогом **ючюн** в карачаево-балкарском языке значительно, чем в языке памятников древнетюркских языков. Рассмотрим главнейшие из них:

1. Отношения предназначения

В этом случае послелог **ючюн** служит для указания на предмет, который является поводом для суждений, мыслей, чувств и поступков.

Бу китабны сени ючюн алгъанма „Я эту книгу купил для тебя“.

Ол халкъны жангъы, насыблы жашау ючюн кюреширге чакъыргъанды (Малкъ. поэз. ант) „Он призывал народ бороться за новую, счастливую жизнь“.

2. Целевые отношения

Значение цели послелог **ючюн** передает как при сочетании с причастием будущего времени без аффикса отрицания на **-р, -ар, -ур, -юр, -ир, -ыр**, так и с аффиксом отрицания на **-з**. В таких случаях послелог **ючюн** приобретает значение союза **чтобы; для того, чтобы; за то, чтобы**.

Инженер болуб ишлер ючюн, институтда окъургъа керекди (У. Б. Алиев) „Чтобы работать инженером, нужно учиться в институте“.

Уллу билим алып ючюн, кёб окъургъа керекди (А. Байрамкулов) „Чтобы получить высшее образование, нужно учиться и учиться“.

¹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, стр. 35.

Мен аны алдар ючюн айтханма, сен'а керексиз коркъуу этиб башлагъанса (И. Рахаев) „Я это сказал, чтобы обмануть его, а ты принял всерьез и начал беспокоиться“.

Коммунизм кзурар ючюн джаныбызны да аямай кюреширикбыз! „Не пожалеем и жизни своей ради того, чтобы построить коммунизм!“

Салдырайым жютюр налла.

Ташсындырмаз ючюн жолла (К. Отаров)

„Подкую тебя острыми подковами,
Чтобы ноги не боялись каменистых дорог“ (*Перевод подстрочный*).

3. Причинно-следственные отношения

В этом случае послелог *ючюн* сочетается с именами существительными и причастными формами на *-гъан (-ген)* в форме основного падежа.

Адетге кёре, къызчыкъ туугъаны ючюн, тузлу как этдиле (Х. Лайпанов) „Согласно обычаю, за то что родилась девочка, сварили пересоленную мамалыгу.“

Бийинъ сени малынъ ючюн ёлтюрдю (Малк. поэт. ант.) „Господин (твой) убил тебя из-за твоего имуществва“.

Кюн тиймегени ючюн сууукъ болду „Из-за того, что не грело солнце, стало холодно“.

Азретни хатери ючюн кимге да разыма, несин да кечерикме деди (О. Хубиев) „Из-за Азрета на любую согласна, и все я ей прощу,—сказала она“.

Айт, жашырма сени бек суйгеними,

Сени ючюн кёб кюнле кюйгеними (И. Боташев) „Скажи, не скрывая, что я очень люблю тебя и из-за тебя (я) страдал много дней“ (*Перевод подстрочный*).

Проф. Н. К. Дмитриев на материалах башкирского и татарского языков указывает, что этот послелог при местоимениях одновременно означает и цель, причину.¹ Это положение подтверждается и на материале карачаево-балкарского языка.

Мени элден сени ючюн келгенме „Я пришел из села **из-за** тебя (|| ради тебя)“.

¹ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 122.

Къайтыб келдик сизни ючюн (С. Шахмурзаев) „Мы вернулись из-за вас (|| ради вас)“.

Если в приведенных примерах для разграничения значений, выражаемых послелогом *ючюн*, надо исходить из контекста, то совершенно определенное значение он имеет в сочетании с причастными формами на *-р* (*-ар, -ур, -юр, -ир -ыр*), *-з* и *-гъан* (*ген*). С первой он имеет значение только цели, с второй только причины. Такое разграничение связано с различием временной характеристики, обозначенного данными причастиями: причастие на *-р, -з* обозначает действие еще не совершенное (причастие будущего времени), тогда как причастия на *-гъан* (*-ген*), наоборот, указывают на действие уже совершенное (причастие прошедшего времени). „То, что совершенно не может быть целью, тогда как действие, отнесенное к будущему, стоит перед нами как цель: его надо совершить“.¹

Иногда послелог *ючюн* в сочетании с именами в форме основного падежа и местоимениями в родительном падеже выражает замещение одного предмета другим, соответствует при этом предлогам *за* или *вместо*.

Заявтениягъа начальник ючюн проъаб къол салгъанды (Х. Башиев) „За начальника (вместо начальника) заявление подписал прораб“.

Рассмотрим некоторые особенности употребления послелога *ючюн* в современном карачаево-балкарском языке.

1. Иногда послелог *ючюн* как в языке художественной литературы, так и в разговорной речи употребляется в форме дательного падежа *ючюннъе*:

Сени ючюннъе жашайбыз барыбыз (К. Кулиев) „Во имя тебя (ради тебя) мы все живем“.

Мени ючюннъе кесинъи къыйнама „Из-за меня (ради меня) ты не мучайся“.

Кётюрейик биз стаканланы

Кюзарты берекети ючюннъе (К. Кулиев).

„Поднимем бокалы за добротную осень“.

---

¹ А. А. Коклянова. Послелог и служебные имена в узбекском языке. Труды института языкознания АН СССР, т. III. М., 1954, стр. 195.

Урунган халкъны эркинлиги, жашауу эм насыбы **ючюннъе** хазырма мен эм ачы урушха, арсар болмайын, батыр кирирге (К. Кулиев) „За свободу трудового народа, за его жизнь и счастье я готов смело идти в самый жаркий бой“.

2. Входя в состав сочетаний: **не ючюн десенъ**, **аны ючюн** образует одно союзное речение, соответствующее союзам **потому что**, **так как**;

Мен бюгюн вокзалгъа барыргъа керекме, не ючюн десенъ *атам Москвадан келеди* (У. Б. Алиев) „Я сегодня должен ехать на вокзал, **потому что** отец приезжает из Москвы“.

Сохдала бюгюн дерсге кечигиб келдиле, не ючюн десенъ *кёпюрню суу алгъанды* (У. Б. Алиев) „Ученики сегодня пришли в школу с опозданием, **так как** мост унесло водой“.

3. Может принимать вопросительную частицу **-мю** и аффикс сказуемости **-дю**:

Мени ючюнмю *|| ючюннъеми келгенсиз?* „Из-за (ради) меня (что) ли пришли вы?“

Идрисни Москвадан элге келгени анасы бла атын кёрюр ючюндю (У. Б. Алиев) „Идрис из Москвы приехал в аул, чтобы увидеть отца и мать“.

Келгенибиз сени ючюндю *|| ючюннъеди* „Мы пришли из-за тебя **||** ради тебя“.

Афендини кьуллугъу ачха ючюндю дедиле (Д. Байкулов) „Афенди работает ради денег, сказали они“.

4. В некоторых случаях послелог **ючюн** выражает значение дательно-направительного падежа и может употребляться наряду с ним:

Къарнашым ючюн керекди дарманла излей, шахаргъа атландым *|| къарнашыма керекли дарманла излей шахаргъа атландым* „В поисках лекарств, нужных для брата, я отправился в город“.

(Сравн.: *къарнашым ючюн* вм. *къарнашыма*).

5. В языке поэзии послелог **ючюн** встречается в стяженной форме **чюн**:

<i>Анычюн</i>	<i>Анычюн</i>
<i>Суймейме</i>	<i>Сёзюмю</i>
<i>Мен зорну</i>	<i>Айтама</i>
<i>Зор атын</i>	<i>Къысхатын</i>

(А. Уртенев).

Уруш кюн таула **чюн** сермешмесем, не хорлама-сам, не ёлмесем, кесим да неме, жырым да неди? (К. Кулиев) „Если в дни войны не буду биться, побеждать или не погибну за горы, то что я сам и что песнь моя?“

Аналогичное употребление этого послелога имеет место в большинстве тюркских языков (в кумыкском, узбекском, уйгурском, татарском и др.)

Синонимы послелога **ючюн**

1. Послелог **амалтын**.

В современном карачаево-балкарском языке послелог **амалтын** употребляется в основном в одном и том же значении, что и послелог **ючюн**, выражая отношения цели, причины и следствия.

Исторически послелог **амалтын**, по-видимому, восходит к заимствованному из арабского языка слову **амал** со значением „выход из положения, хитрость“ и является окаменелой формой древнего исходного падежа на **-тын (-тин)**.

Аффикс **-тын (-тин)**¹ известен нам из древнеуйгурских и чагатайских памятников как оформитель исходного падежа. Известно и то, что падеж, оформляемый аффиксом **-тын (-тин)**, мог выражать кроме собственно исходного значения еще и каузативное (причинное) значение. Сравн., например, в языке „Хибат-аль-хакаик“ А. Югнаки (XII—XIII вв.):

Tiñdin mökü İdi mälim er kanı „Из-за языка пролилось много крови людской“;

Sözümin özünge ökünç kälmasun „Пусть не будет у тебя раскаяния из-за твоих слов“.

Рассмотрим примеры на употребление послелога **амалтын**:

Ала заманында билдирир **амалтын**, биз ишге кечигиб чыкъдыкъ (А. М. Байрамкулов) „Ввиду

¹ Исследователь карачаево-балкарского языка М. А. Хабичев аффикс **-тын (-тин)** рассматривает как аффикс продольного падежа. См. его: Местоимение в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1961, стр. 149.

² А. М. Шербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М. — Л., 1961, стр. 83.

ТОГО, что они нас не известили вовремя, мы вышли на работу с опозданием“.

Была **амалтын сырымдан терим кебмейди** Х. Аппаев) „Из-за них на моей спине не высыхает пот“.

(Сравн.: была **амалтын** || была **ючюн** была **себебли**).

Мен бюгече сени кыызганчлыгынь **амалтын** кеталмай квалсам, элни квалын джыйылган джерине барыб Къандаурну „шыйых“ болганындан бир-эки хапар айтырма,—деб дыккырдатыб эшикни ачыб чыккыды (Х. Аппаев) „Если я этой ночью не смогу уехать **из-за** твоей скупости, то пойду в то место села, где собирается побольше народу, и кое-что расскажу им о „шейхе“ Кандауре,—сказал он и вышел хлопнув дверью“.

2. В отдельных случаях причинное значение послелога **ючюн** может быть передано и послелогоми **кыялы, сартын, себебли**.

Например:

Ишим сени **кыяллы джарсыды** „Моя работа пострадала **из-за** тебя“.

Сравн.: Сени **кыяллы джарсыдым** || сени **ючюн джарсыдым** || сени **амалтын джарсыдым** || сени **себели джарсыдым**“ в одном и том же значении „Я пострадал **из-за** тебя“.

Халит, кечигиб келгени **себебли**, ишин бизни **бла тень бошаялмады** „Вследствие того, что Халит пришел с опозданием, (он) не смог закончить работу свою наравне с нами“.

Исса мындан биз бери келгенибиз **себебли кетгенди** (У. Б. Алиев) „Исса уехал отсюда в связи с тем, что мы приехали“.

Джанзур джаугъаны **себебли балчык болду** (У. Б. Алиев) „В связи с тем, что пошел дождь, образовалась грязь“.

Бизни сартын чыпчык да сытымасын (Нарт сез) „Пусть **из-за** нас и пташка не пострадает“ (Поговорка).

Иногда послелогом **сартын** в карачаево-балкарском языке выражаются и некоторые другие отношения, например, отношения сопоставления мыслей, суждений:

Мени сартын, бу иш диннге азгынлыкды (А. Ур-тепов) „По-моему, это дело ущемляет религию“.

Мени сартыннча сен терсе „По-моему, ты неправ“.

Представляется, что исторически послелог *сартын* так же является окаменелой формой падежа на *-тын, -тин* от древнетюркского *сары*— „сторона“. ¹ В современном карачаево-балкарском языке понятие *сторона* передается словами *сжаны* или *джары*. Последняя форма является архаичной и употребляется крайне редко. Надо думать, что карачаево-балкарское *джары* и древнетюркское *сары* имеют этимологическую связь.

Предположение поддерживается еще и тем, что слово *сары* с аффиксом исходного падежа *-дан* в послеложной функции встречается в памятниках некоторых тюркских языков, например, уйгурского² и азербайджанского.³

Следует отметить, что в ряде современных тюркских языков в (азербайджанском, туркменском, узбекском, уйгурском) употребляется послелог *сары* || *сари* || *сери* „по направлению к“, этимологически восходящий к тому же древнетюркскому *сары*— „сторона“.

Здесь попутно отметим некоторые особенности в употреблении послелога *сартын* карачаевцами и балкарцами. Рассматриваемый послелог карачаевцами употребляется только в форме *сартын* (реже *сарытын, сартыннча*) и морфологически не изменяем. В балкарском же языке, наоборот, этот послелог морфологически изменяется. Так, он может принимать аффиксы принадлежности, причем, как исходная основа при этом выступает форма *сарт*.

Например:

(мени) сарт-ым
(сени) сарт-ынг
(аны) сарт-ы

Мени сартым, мен бу ишге разы туююлме.

¹ В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. IV. СПб., 1911, стр. 321.

² А. М. Щербак. Ук. соч., стр. 183.

³ Х. И. Мирзазаде. Историческая грамматика азербайджанского языка. Баку, 1959, стр. 10—11 (на азерб. языке).

Сени сартын, сен бу ишге разы туююлсе.

Аны сарты, ол бу ишге разы туююлдю.

Иногда этот послелог в балкарском языке встречается в форме исходного падежа.

Ол мени сартымдан, кесини чыггармачылыккы ишини бир-бирде сакъ болмагъанын белгилейди (К. Кулиев) „Это, на мой взгляд, говорит о том, что он не всегда взыскательно относился к своей творческой работе“.

В смысловом отношении нет сколь-нибудь значительной разницы между балкарскими формами *сартым* и *сартымдан*, равно как и между *сартын* и *сартыннъа* в карачаевском языке.

Что касается послелога *себебли* „по причине“, „вследствие“, то он исторически восходит к заимствованному из арабского языка слову *сеbeb* „причина“ + словообразовательный аффикс *-ли*.

В отличие от послелогов *къыллы* и *сартын* послелог *себебли* выражает только причину.

I. Соотносительные послелог

Разделение послелогов на собственно послелог и соотносительные послелог имеет условное значение и допустимо только с оговоркой, ибо с исторической точки зрения и те и другие послелог являются производными от самостоятельных слов.

Различие заключается в том, что соотносительные послелог, наряду с функциями послелогов, сохраняют и самостоятельное значение. Фонетическая огласовка соотносительных послелогов совпадает с огласовкой их лексико-грамматических омонимов, выступающих в предложении в качестве самостоятельных членов. Следовательно, послелог рассматриваемой группы, в отличие от собственно послелогов, обладают более четкой этимологической определенностью, что ограничивает круг их синтаксического использования.

Выше уже отмечалось, что служебные слова, относимые к группе соотносительных послелогов, в генетическом плане (с учетом их морфологического строения) подразделяются на несколько групп. Перейдем к рассмотрению каждой подгруппы в отдельности.

1. Послелог, образованные от имен существительных при помощи словообразовательного аффикса *-лы*.

Послелог *чакълы*

Исторически послелог *чакълы* восходит к слову *чакъ* „время“, „пора“, „как раз“, „соразмерный“¹ + словообразовательный аффикс *-лы*. В ряде тюркских языков послелог *чакълы* выступает в следующих фонетических разновидностях: в казахском — *шакты*, в татарском — *чакълы*, в башкирском — *саклы* и т. д.

Относительно этимологии послелога *чакълы* существует и другое мнение, принадлежащее У. Б. Алиеву, согласно которому происхождение этого послелога идет от слова *джакъ* „сторона“. „Происхождение „чакълы“ идет от слова „джакъ“ — „сторона, сторонник“, когда мы говорим „терек чакълы“ имеем ввиду смысл „сторона дерева“, „по размерам как дерево“, „достигающее дерева“,¹ — утверждает У. Б. Алиев. Однако из двух только что рассмотренных точек зрения относительно этимологии послелога *чакълы* мы склонны придерживаться первой.

Послелог *чакълы* в карачаево-балкарском языке, в отличие от других тюркских языков, управляет тремя падежами: основным, родительным и дательным.

В основном падеже управляет именами существительными и причастными формами на *-гъан*, (*-ген*) как с притяжательными аффиксами, так и без них:

Ахмат чакълы бюгюн мен да ишлегенме „В такой же мере, как Ахмат (столько же, сколько и Ахмат), сегодня и я поработал“.

Хасан Муссагъа бсргени чакълы бир, Идрисге да берди (У. Б. Алиев) „Хасан дал и Идрису столько, сколько дал Муссе“.

Къарыуу джетген чакълы бир урунур (Д. Байкулов) „(Он) поработает столько, сколько сможет“.

¹ М. А. Хабишев. Местоимение в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1961, стр. 43.

² У. Б. Алиев. Вопросы сложного предложения карачаево-балкарского языка, ч. I. Баку, 1960, стр. 261 (машинопись диссертации).

В родительном падеже управляет местоимениями:

Аны чакълы бир окъургъа кюреш (М. Хабичев) „Постарайся учиться столько же, сколько он“.

В дательном падеже управляет именами числительными или определительными местоимениями:

Аланы хар бирине чакълы (М. Хабичев) „Столько же, сколько к каждому из них“.

Къалгъанланы барысына чакълы „Столько же, сколько всем остальным“.

Из примеров видно, что послелог *чакълы* в карачаево-балкарском языке в основном выражает отношения при близительной меры или сравнения по количеству.

Иногда послелог *чакълы*, сочетаясь с именами существительными в основном падеже, выражает отношения соразмерности или сравнения по величине, например, *юй, чакълы* „такого размера, как и дом“, *терек чакълы* „такого же размера, как и дерево“ и т. д.

В отдельных случаях значение сравнения переносится в область образного выражения отвлеченного понятия. В таких случаях послелог *чакълы* выступает своеобразным эквивалентом послелога *кибик*:

Белек юле башыбызны ашайла,

Ит чакълы бир сыйыбызны кермейин (Д. Байкулов).

(Сравн.: *ит чакълы бир сыйыбызны кермейин || ит кибик бир сыйыбызны кёрмейин*).

Сочетаясь с именами существительными, обозначающими понятие времени, послелог *чакълы* выражает приблизительно-временное отношение:

Мусса аскерде тёрт джыл чакълы къуллукъ этгенди „Мусса в армии прослужил около четырех лет“.

Особенности в употреблении послелога *чакълы*

1. Иногда принимает аффикс родительного падежа *-ны* (*чакълы+ны*).

Он ай чакълыны турду (Д. Байкулов) „(Он) побыл около десяти месяцев“.

(Сравн.: „*Он ай чакълыны*“ вм. „*он ай чакълы*“)

в одном и том же значении „ОКОЛО десяти месяцев“.)

2. Может принимать вопросительную частицу *-мы* и аффикс сказуемости *-ды*.

Джыл чакълымы || чакълынымы окъурукъса? „Ты будешь учиться приблизительно год что ли?“

Хоу, окъуругъум бир джыл чакълыды „Да, я буду учиться примерно год“.

Что же касается употребления фонетических вариантов этого послелoga в других тюркских языках, то тут наблюдается несколько отличное от карачаево-балкарского языка явление. В казахском языке послелог *шакты* сочетается только с именами числительными в форме основного падежа, выражая при этом отношения приблизительно меры. Например: *Он шакты жигт ала келерсиз* (В. Исенгалиева) „Захватите с собой около десяти джигитов“.¹

В татарском языке же послелог *чаклы* от имен требует дательного-направительного падежа и выражает отношения предела в пространстве или времени, например, *кичкә чаклы* (Р. Газизов) „до вечера“.² Аналогичное употребление послелoga *саклы* имеет место и в башкирском языке: *иртәгә саклы* (Н. Дмитриев) „вплоть до самого утра“.³

Послелог *тенъли*

По своему употреблению послелог *тенъли* в современном карачаево-балкарском языке в основном при-мыкает к предыдущему послелogu *чакълы*, выражая отношения приблизительноности по количеству, мере, а иногда и отношения соразмерности или сравнения:

Сени тенъли бир мен да ишлегенме || сени чакълы бир мен да ишлегенме „Я проработал столько же, сколько и ты“.

Мени сени тенъли бир джашым барды „У меня есть сын такой же, как и ты (|| такого же роста, таких же лет)“.

¹ В. А. Исенгалиева. Служебные имена и послелогии в казахском языке. Алма-Ата, 1957, стр. 101—102.

² Р. С. Газизов. Опыт сопоставительного освещения грамматических особенностей русского и татарского языков. Казань, 1952, стр. 80.

³ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 124.

Исторически послелог *тенъли* образован от и ныне существующего в карачаево-балкарском языке слова *тень* „наравне, равный, соразмерный“ + словообразовательный аффикс *-ли*.

В других тюркских языках рассматриваемый послелог не встречается.

3. Слова *джапылы, къарамлы, кзылыкълы, сыфатлы, тюрсюнлю, халили, шекелли* как имя значат: имеющий вид, фигуру, лицо, поведение, а как послелог с предшествующим основным или родительным падежом—*подобный, как, похоже, вроде*, выражая отношения сравнения, сопоставления, реже—тождество по качеству.

Сени халили || кзылыкълы бир адам „Человек, подобный тебе || такой же, как и ты“.

Тууар маталлы бир зат кёрдюм „Я увидел нечто похожее на животное“.

Из всех перечисленных послелогов в указании на этимологию нуждается только послелог *шекелли*, восходящее к заимствованному из арабского языка слову *шекл, шекел* „вид, фигура“ с тюркским аффиксом обладания *-ли*.

II. Послелогии—изолированные формы имен прилагательных, наречий и местоимений

Послелог *башха*

Послелог *башха* в тюркологической литературе принято возводить к имени существительному *баш* „голова“, „вершина“, „начало“: *башха* < *баш* + *ха*, где *-ха* аффикс дательного падежа. Развитие семантики послелога *башха*, по мнению проф. Н. К. Дмитриева, проходило по линии: (*баш*+*ха*) на (свою) голову—отдельный, особый, отдельно, особо, кроме, помимо).¹

Таким образом, развитие послелога *башха* в тюркских языках, согласно схемы Н. К. Дмитриева, проходило так: существительное→прилагательное→наречие→послелог.

¹ Н. К. Дмитриев. Служебные имена в турецком языке. „Советское языкознание“, ст. III, стр. 132, Л., 1937; е го же: Грамматика башкирского языка, М.—Л., 1948, стр. 125.

Послелог *башха* управляет исходным падежом имен, местоимений, причастных форм и выражает отличительные отношения, соответствуя русским предлогам **кроме, помимо**.

Бир сёлешиб чичаргъа ол къайгъысын.

Табмай эди къойладан башха инсан (Х. Байрамова)

„Он не находил никого, кроме овец.

Чтобы поделиться своими раздумьями“.

Алацда бизден башха адамла да бар эдиле.

(М. Хабичев) „Там, помимо нас, тоже были люди“

Таб менден башха тебсер джаш (М. Байчоров)

„Попробуй найди, кроме меня, парня, который будет танцевать“.

Джыйылыуда Таукъандан башха киши туруб селешмеди „На собрании никто не выступал, кроме Тавкана“.

Къызынъ тебсегенден башха хазна джукъгъа эс бёлмейди „Твоя дочь ничем не интересуется, кроме как танцами“.

В современных тюркских языках послелог *башха* имеет следующие фонетические варианты: в азербайджанском, туркменском—*башга*, кумыкском—*башгъа*, каракалпакском—*баска*, киргизском—*башка*, узбекском—*бошка*, уйгурском—*башка*, хакасском *пасха* и т. д.

Во всех перечисленных языках этот послелог, с предшествующим словом в форме исходного падежа выражает те же отношения, что и в современном караево-балкарском языке.

Ср. азерб.: *Фикриндэ булвар гызларындан башга бир шей йох иди ...* „В думах у него не было ничего, **кроме** бульварных девушек...“

Хак.: *Синеннъ пасха книга чох кизилерни корбеем* „**Кроме** тебя, я не видел человека, у которого не было бы книг“.

Кирг.: *Асандан башка киши келген жок* „кроме Асана, никто не приходил“.

Послелог *ёзге*

Иногда вместо послелого *башха* с тем же исходным падежом употребляется послелог *ёзге*, который

является окостеневшей формой дательного падежа от слова *ѣз*. По мнению П. М. Мелиоранского, слово *ѣз* первоначально выступало в качестве существительного в значении: **лучшая часть, сердцевина, сущность**.¹

В современном карачаево-балкарском языке понятие „лучшая часть“, „серцевина“ передается словом *ѣзек*, которое, видимо, является производным от только что приведенного древнетюркского *ѣз*.

В современных тюркских языках эта застывшая форма воспринимается как неразложимая основа, со значениями: **другой, иной, отличный, кроме**.

В современном карачаево-балкарском языке *ѣзге* по частоте употребления в значении как прилагательного, так и послелога, уступает слову *башха*.

Сенден ѣзге || *сенден башха* *адам бу ишге уялыр эди* „Иной бы на твоём месте постыдился за это дело“.

Синонимом *ѣзге* в карачаево-балкарском языке может также выступать *ѣнъе*—„другой“, „иной“:

Алийден ѣнъе || *ѣзге* || *башха* *адам сени атынъы да айтмаз эди* „Иной бы, на месте Алия, и имени твоего не приносил“.

Послелог *ушаш*

Послелог *ушаш* „как“, „подобный“, „вроде“ (по происхождению—прилагательное) управляет дательным падежом имен, выражает компаративные отношения, указывая на лицо или предмет, с которым сравнивается другое лицо или предмет.

Сора къалай сыймейим бу жерни, мында тургъан адамланы, будай баш къусуучу тюзлени, кишиликге ушаш тауланы?!.. (К. Кулиев) „Как не любить эту землю, людей, живущих на ней, эти поля, где поспевают пшеница, и горы, похожие на мужество“.

Эсинъдемиди, тышге ушаш тюнлерибиз! (О. Хубиев) „Помнишь ли ты наши дни, похожие на сны!“

Сенъе ушаш бир адам „Человек такой же, как и ты, вроде тебя“.

(Сравн.: *сени кибик бир адам* в том же значении)

---

¹ П. М. Мелиоранский. Краткая грамматика казак-киргизского языка, часть I. СПб., 1894.

Послелог **ушаш**, если он стоит непосредственно перед сказуемым, может выражать характеристику действия (обстоятельство способа и образа действия).

Шакалла, сабий джылагъаннъа ушаш, улуй эдиле (У. Б. Алиев) „Шакалы были воем, похожим на плач ребенка“

Истребителле, къарылгъачла учханнъа ушаш, уча эдиле (У. Б. Алиев) „Истребители летели летом, похожим на полет ласточек“

Терен ёзенде баргъан суу, джыланнъа ушаш, джылтырай эди (У. Б. Алиев) „Река, протекающая по глубокому ущелью, блестела как змея“.

Послелог **джууукъ**

Послелог **джууукъ** „около“, „приблизительно“, „примерно“, „вплотную к“ (восходит к наречию **джууукъ** „близко“) управляет дательным падежом имен и выражает значения приближения в пространственном, временном отношениях или отношения приближенности исчисления.

Джерни юсюнде юч миллиардха джууукъ адам джашайды („Ленинни байрагъы“) „На земном шаре живет около трех миллиардов человек“.

Биз шахаргъа джууукъ джерде орналдыкъ „Мы поселились недалеко от города“.

Аслан Кърымда алты джылгъа джууукъ джашагъанды „Аслан прожил в Крыму около шести лет“.

Апанасны къулагъына джууукъ барыб, кёлюне келген затны тегъюб башлады (Х. Аппаев) „Он подошел близко к Апанасу и начал говорить ему все, что было у него на душе“.

Послелог **къадар**

Послелог **къадар** „столько“ карачаево-балкарского языка управляет основным падежом указательных местоимений и причастных форм на **-гъан (ген)**. При этом весь комплекс (основной падеж+**къадар**) употребляется в значении сравнения по количеству.

Например:

Бу къадар юйге насыб келди „Вот столькоким домам пришло счастье“.

Ишлэйелгенинъ къадар бир ишлерсе „Поработатаешь в меру сил (твоих).“

Кюрешдим къолдан келген къадар (А. Уртенев) „Трудился столько, сколько мог“.

Можно привести еще указание видного исследователя карачаево-балкарского языка У. Б. Алиева о том, что послелог *къадар* в карачаево-балкарском языке употребляется больше в предложениях междометного характера типа:

Бизге заран этгени къадар бир ёлге эди джауубуз „Погибал бы наш враг столько раз, сколько нам приносит вреда“. ¹

Известно, что в других тюркских языках (например, в азербайджанском, башкирском, узбекском, турецком) фонетические разновидности этого послелога требуют от имени, к которому относятся, дательного-направительного падежа, выражая в основном отношения предела в пространстве или во времени.

Правда, в языке произведений основоположника карачаево-балкарской советской поэзии Азрета Уртенова нами зафиксировано несколько необычное для норм карачаево-балкарского литературного языка употребление послелога *къадар* с дательного-направительным падежом (во временном значении):

Джокъду тынчайыр кюн кёрюме къадар... (А. Уртенев. „Джазгъанларыны сайламлары,“ Черкесск, 1959, стр. 82) „Нет для меня выходного дня до самой смерти“.

Сравн.: *кёрюме къадар* || *кёрюме деричи*.

Можно предположить, что рассмотренная форма управления послелога *къадар* с дательного-направительным падежом в карачаево-балкарском языке возникла по аналогии с другими тюркскими языками.

Послелог *къаршчы*, *къаджау*

Эти два послелога являются синонимичными и служат для выражения отношений противопоставления. Употребляются при обозначении явления, предмета, со-

---

¹ У. Б. Алиев. Вопросы сложного предложения в карачаево-балкарск. языке. (Рукопись диссертации.) ч. I. Баку, 1960, стр. 261.

стояния, наперекор которым, в противовес которым совершается действие.

Примеры:

Хей, джаугъа къаршчы, тоб улутхан—Къызыл аскерле! (А. Уртенев).

„Хей, красноармейцы, палящие из пушек во врага!“

Аллыбызгъа чыгъыб, немецле бизге къаршчы атака этдиле (Багъатырланы Х. „Ата джурт юцюн“)

„Немцы вышли навстречу и начали атаку против нас“.

Хаджи-Мурат имам Шамилчни властына къаджау чыкъгъан эди „Хаджи-Мурат выступил против власти имама Шамиля“.

Из приведенных примеров видно, что оба послелого управляют дательным-направительным падежом имен.

Иногда послелог *къаршчы* может принимать форму интенсива (*къаб-къаршчы*):

Баш болду

Баш болду

Кулакга

Колхозгъа

Къаб—къаршчы

Таба джол.

Барыуда,

Джарыуда

(А. Уртенев).

Послелог *сора* (*сонъра*)

Рассматриваемый послелог в современном карачаево-балкарском языке встречается в следующих трех разновидностях: *сора*, *сонъра*, *сонъура*.¹

Форма *сонъра* (*сонъура*) более архаичная и, по единому мнению большинства тюркологов, восходит к имени *сонъ* „конец“, оформленному древним аффиксом направительного падежа *-ра*.²

Послелог *сора* (*сонъра*, *сонъура*), как и другие послелого, возникшие от существительных, имеет различные значения. В одних случаях он выступает как наречие, в других—как послелог. Например:

¹ Форма *сонъура* характерна для представителей холамо-бызынгиевского диалекта карачаево-балкарского языка. (См. А. М. Аппаев. Диалекты балкарского языка в их отношении к балкарскому литературному языку. Нальчик, 1960, стр. 31).

² Ж. Дени. Ук. соч., § 896, стр. 604; А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого языка. М.—Л., 1956, § 628, стр. 295; Х. Мирзазаде. Историческая грамматика азербайджанского языка, Баку, 1959, (на азерб. языке), стр. 9; Э. Н. Наджип. Современный уйгурский язык, М., 1960, стр. 65.

Сара ол элни эркишилери джышылгандыла да эмегенни ёлтюрюрге оноулашхандыла (къарач. фольк.) „Затем собрались все мужчины села и решили убить эмегена“.

Аладан сора бир кесекден Далхат, эл советни тамадасы Ильяс, Сеит келдиле (Х. Б. Баирамукова) „После них, спустя немного времени, пришли Далхат, председатель сельского совета Ильяс и Сеит“.

В первом предложении *сора* выступает в роли наречия и стоит впереди того слова, с которым сочетается способом примыкания и синтаксически является обстоятельством времени.

Во втором предложении *сора* выступает как послелог и уже стоит не перед словом, с которым сочетается и не примыкает к нему, а, наоборот, позиционно следует за ним и сочетается способом управления.

Совершенно так же употребляются фонетические разновидности этого послелога в остальных тюркских языках, кроме киргизского, где послелог *сон*, как указывает Дж. Мураталиева, в значении наречия не встречается. Его функции в этом значении выполняет слово *кийин*—потом, после.¹

Выступая в роли послелога слово *сора* (*сонъра* < *сонъура*) в карачаево-балкарском языке управляет исходным падежом имен, местоимений или именных форм глагола, выражая временное, реже отличительное отношение.

Мени палахларым сени тас этгенден сора башландыла бу жерни юсюнде (К. Кулиев) „Мои неудачи начались после того, как я потерял тебя“.

Ол кюнден сонъра мен джан атдым окъуугъа (А. Уртенев) „После того дня я целиком отдался учебе“.

Урушдан сора сейир жанъы кёрюнеди хар зат (К. Кулиев) „После войны все кажется новым, интересным“.

Джаш хантдан иги тойгандан сора, керпеслениб, халкъгъа: „Бу шыйых къабыргъа зияртха джюрюгенле

¹ Дж. Мураталиева. Послелоги в киргизском языке. Фрунзе 1958, стр. 30.

джандетлени къайсысына суйселе да кирликдиле — *деб алдагъанды* (Къарач. фольк.) „После того как парень наелся, он чванливо заговорил с людьми и солгал: „Те, кто будет ходить на могилу этого святого, попадут в гот рай, в который захотят“.

Къобуз согъулуб тебрегенден сора, Сакинат тебсерге чыкъды (У. Б. Алиев) „После того, как заиграла гармошка, Сакинат вышла танцевать“.

Дерследен сора биз клубха джыйыллыкъбыз (А. М. Байрамкулов) „После занятий мы соберемся в клуб“.

Меннъе Бийнегерни къари чебгенинден сора башха зат керек тюлдю (Х. Аппаев) „Мне ничего не нужно, кроме черной черкески Бийнегера“.

Менден сора медаллары болгъанла да къалгъандыла колхозда (З. Байчорова) „В колхозе, кроме меня, остались (работать) и другие с медалями“.

Почтаны яцигины номеринден сора адреси джокъ эди (О. Хубиев) „Кроме номера почтового ящика, адреса не было“.

В последних трех предложениях послелогом *сора* выражаются отличительные (выделительные) отношения.

Послелог *сора* (*сонъра*) встречается в большинстве тюркских языков и выступает в следующих фонетических вариантах: в азербайджанском, турецком — *сонра*, в каракалпакском, казахском, киргизском, кумыкском, туркменском, ногайском — *сон* (*сонъ*), в узбекском — *сунг* || *сунгра*, в уйгурском — *сонъра* и т. д.

В некоторых тюркских языках фонетические варианты послелога *сонъра* находятся на стадии перехода в аффикс.

Так, А. И. Искаков утверждает, что *сон* в казахском языке перешел в аффикс и тем самым потерял свой стабильный звуковой состав, подчиняясь гармонии гласных и приводит следующий пример:

Мугилім келгінсін, сабак басталды „После прихода учителя, урок начался“.¹

¹ А. И. Искаков. Наречие в современном казахском языке Алма-Ата, 1950, стр. 80.

Такое же явление наблюдал проф. А. П. Поцелуевский на материале туркменского языка, в котором послелог *сон* стоит на пути к превращению в аффикс.¹

Примечание: Не следует смешивать послелог *сора* с союзом того же звукового состава *сора*:

Чалкычыла чалкы ызгъа чыкдыла, чалкы чалдыла, сора азыкыгъа тохтадыла (А. М. Байрамкулов) „Косари вышли на сенокос, покосили сено и остановились на обед“.

Аякъ тауушла чыкдыла, сора мычмай тохтадыла (А. М. Байрамкулов) „Послышались шаги и вскоре затихли“.

В приведенных предложениях *сора* является соединительным союзом (*джалгъаучу байлам*).

Послелог *ары*

В специальной литературе слово *ары* этимологически связывается с указательным местоимением *ол* (*о*) „тот“ в древнем направительном падеже (*а + ары < о + ра*), которое ныне превратилось в наречие, со значением „туда“.

В современном карачаево-балкарском языке слово *ары*, так же как и *сора*, в зависимости от его употребления в предложении, в одном случае выступает как наречие, в другом—как послелог.

Выступая в качестве послелога, *ары* управляет исходным падежом (имен, местоимений, причастных форм на *-гъан*) и выражает временные, пространственные отношения и отношения степени или предела действия. В большинстве случаев послелог *ары* употребляется в значении *дальше, далее*.

Примеры:

а) послелог *ары* во временном значении:

Бюгюнден ары уялмай мени юйюмю кесинъи юйюнъча кёр (Х. Аппаев) „С сегодняшнего дня, (отныне, начиная с этого дня), не стесняясь, мой дом считай своим домом“.

¹ А. П. Поцелуевский. Основы синтаксиса туркменского языка. Ашхабад, 1943, стр. 84.

Мындан *ары* мени ючюн кьайггылы болма „В дальнейшем (начиная с этого времени) за меня не беспокойся“.

Бюгюнден ары эфендиге-моллагъа ийнаныб,

Кетмем мен кьаранъы джоллагъа (А. Уртенев)

„С сегодняшнего дня (отныне) я не слушаю муллы и не пойду по его пути“ (*Перевод подстрочный*).

Иногда временное значение послелога *ары* можно заменить наречным послелогом *артха*:

Аманлыкъ этиучюбюзню мындан артха этмезбиз, кьоярбыз (Малк. поэз. ант.) „Непристойные дела свои в дальнейшем прекратим“.

(Сравни.: *мындан артха* вм. *мындан ары*).

б) в пространственном значении:

Махардан ары ауушха джол бек кьыйынды „Дальше Махара (за Махаром) дорога на перевале очень трудная“.

Эки атламдан ары аллынъда кёзге тюртгенни кёрмейсе (Х. Байрамукова) „Далее двух шагов впереди себя простому глазу ничего не видно“.

Алайдан ары барыргъа болмады (Д. Байкулов) „Дальше идти стало невозможно“.

Мен сизни кьатыш мындан ары, бараллыкъ тюлме, арыгъанма „Я с вами дальше не смогу идти, я устал“. (Букв.: „Я с вами дальше этого места не смогу идти, я устал“).

Следует отметить, что послелог *ары*, сочетаясь с указательным местоимением *бу* (*мындан ары*) и *ол* (*андан ары*), в одних случаях выступает в пространственном значении, в других—во временном, в третьих—в том и другом значении. В последнем случае, для разграничения этих значений, требуется более широкий контекст. Например, предложение типа: „*Ахмат мындан ары сизни бла барлыкъ тюлдю*“ можно понять двояко: „*Ахмат дальше (этого места) с вами не пойдет*“ и „*Ахмат в дальнейшем с вами не пойдет*“.

в) послелог *ары* при обозначении степени или предела действия:

Мыртазны кёргенлей Биймурза хапарын андан ары созмай тыйды (Х. Аппаев) „Увидев Мыртаза, Биймурза прервал свой рассказ“.

Джазыкъсыннъндан ары киши джукъ бла болушмады „Кроме сожаления, никто ничем не помог“.

Ол-меннъе кесини юсюнден андан ары джукъ айтмады „Он мне о себе ничего не сказал“.

Послелог *ары* в конструкции с причастными формами на *-гъан* в большинстве случаев употребляется в предложениях, выражающих или (просьбу) говорящего в целях воздействия на других, или намерение к действию самого говорящего, например:

Ишге киргенинъден ары иги ишлерге кюреш „Раз приступил к работе, постарайся работать получше“.

Тойгъа келгенимден ары бир иги тебсейим „Раз пришел я на танцы, то потанцую как следует“.

Къалгъанынъдан ары бизни бла бир аз олтур „Раз остался, посиди с нами немного“.

П о с л е л о г *бери*

Послелог *бери* „с (со)“, „начиная“ происходит от наречия со значением „сюда“.

В тюркологической литературе существует предположение, согласно которому слово *бери* исторически восходит к указательному местоимению *бу* „этот“ с аффиксом древнего направительного падежа *-ра (бе+ри бу¹ ри)*¹, которое затем перешло в наречие (аналогия с послелогом *ары*).

Выступая в роли послелога, *бери* управляет исходным падежом имен, местоимений и причастных форм на *-гъан (-ген)* и выражает временные отношения, указывая на момент, от которого начинается действие, причем, время, в которое осуществляется действие и его протяженность, мыслится от момента, обозначенно-го словами в исходном падеже.

Эртде замандан бери элде адет алайды: уллу оноучу келсе, ол Къыямьтлагъа бармаи, башха адамгъа бармайды (Х. Аппаев) „С давних пор в селе заведено так: если приезжает кто-нибудь из начальства, то он непременно останавливается у Кыямыта“.

Ол кюнден бери сыйлы школда мен хар кюн сайын бир джанъы зат юренеме (А. Уртенев) „С того дня я в школе ежедневно узнаю что-нибудь новое“.

Сиз институтда окъугъаныгъыздан бери юч джыл

¹ Грамматика алтайского языка. Казань, 1869, стр. 105.

болады (У. Б. Алиев) „Со дня вашего поступления в институт прошло три года“.

Андан бери былайгъа киши келмегенди, — *деди* (Къарач. фольк.) „Он сказал: с тех пор сюда никто не приходил“.

Ильясха былтыр тюбегенимден бери тюбегенме „С прошлого года я не встречался с Ильясом“.

В современном карачаево-балкарском языке рассматриваемый послелог встречается в следующих трех фонетических разновидностях: *бери*, *беричи*, *беричин*.

Представляется, что формы *беричи*, *беричин* образованы по аналогии с *деричи*, *деричин* (см. стр. 70).

Послелоги *бери* || *беричи* || *беричин* (как и послелоги *дери* || *деричи* || *деричин*) являются абсолютными синонимами.

Под абсолютной синонимикой, в отличие от синонимики идеографической, когда два или более послелогов, имея близкие значения, все же различаются по своим смысловым оттенкам, принято понимать такую синонимiku, когда два или более послелогов совершенно не различаются по значениям.

Не къадар болгъанды тюрлениу эгечим, экибиз ал таныш замандан беричин (А. Уртенев) „Сколько перемен произошло, сестра моя, со времени нашего первого знакомства“.

Эртенбладан бери | беричи | беричин тохдамай джанъур джауады „С самого утра беспрестанно льет дождь“.

Послелог *бери* в современном карачаево-балкарском языке, наряду с временным, иногда выступает в пространственном значении:

Мен шахардан бери джаяу келеме (Х. Башиев) „От (с) самого города иду пешком“.

Факультетибизден бери ненча километр болур? „Сколько километров будет от нашего факультета сюда?“

Терезеден бери айрыла, мангъылайын джыйырыб айтды (Х. Аппаев) „Направляясь от окна в нашу сторону, он сказал сморщив лоб“.

Атым болмагъаны себебли. къошдан бери джаяулай келгенме „Так как у меня не было коня, я пришел с самого коша пешком“.

Послелогои *алгъа, алда* ⁶ *е*.

Послелогои *алгъа* || *алда* „перед“ служат для выражения временных отношений и обозначают, что действие совершилось раньше события или действия, выраженного стоящим перед этими послелогоми словом.

Кёб болмайын мындан алгъа Джёгетей-Аягъы районну партия активини джыйылыуу болду („Къызыл Къарачай“) „Незадолго перед этим в Усть-Джегутинском районе состоялось собрание партийного актива“.

Иш заманындан алгъа бошалды „Работа завершилась раньше намеченного времени“.

Ол алайгъа бизден алгъа келди „Он пришел туда раньше нас“.

Мындан алда Къарачай-Черкес педагогика институту спортзалында ауур атлетикадан эришиуле баргъан эдиле („Ленинни байрагъы“) „Недавно в спортивном зале Карачаево-Черкесского педагогического института проходили соревнования по тяжелой атлетике“.

Совхозну ийнек сауучулары быйылны биринчи кварталыны планын болджалындан алгъа артыгъы бла толтургъандыла („Ленинни байрагъы“) „Доярки колхоза перевыполнили план первого квартала раньше срока“.

Ишни этерден алгъа, аны эбин билирге керекди. (А. Байрамкулов) „Прежде чем выполнить работу, нужно хорошенько с ней ознакомиться“.

Исторически эти послелогои являются формами дательного (*ал+гъа*) и местного (*ал+да*) падежей имени существительного *ал* „перед, передняя часть какого-либо предмета“, которые затем в силу специфических причин, оторвавшись от полной схемы словоизменения, изолировались от нее и перешли в разряд наречий.

В послеложной роли эти слова начали выступать тогда, когда стали употребляться постпозитивно с самостоятельными словами, требуя от них форму исходного падежа.

В нижеследующем остановимся на некоторых особенностях употребления послелогоа *алгъа*, как более употребительного.

После причастных форм на **-р** послелог **алгъа** передает, что действию, выраженному указанными формами, предшествует другое действие („прежде чем...“, „до того, как...“). Например:

Ол джыйылыуда сёлеширинден алгъа, бизни таба къараб ышарды „Прежде чем выступить на собрании, он окинул нас взором и улыбнулся“.

Хапарымы башлардан алгъа, сизден бир тилерим барды (С. Хочиев) „Прежде чем начать рассказ, у меня к Вам есть одна просьба“.

Бу ишни башлардан алгъа, тамадала бла оноулашыргъа керекди,—деди „Прежде чем начать эту работу, необходимо посоветоваться со старшими,—сказал он“.

Ишлерден алгъа „до того, как начать работать“.

Айтырдан алгъа „до того, как говорить“.

Иногда между рассматриваемым послелогом и управляемым им словом может быть вставлено сочетание двух или более слов, указывающих на определенный отрезок времени:

Ол мени ишге барырдан эки сагъатны алгъа орундан тургъуза эди (Бир. атл.) „Она меня поднимала (с постели) за два часа раньше до ухода на работу“.

Мындан беш-алты джылны алгъа былайда киши да джашамай эди „Пять-шесть лет тому здесь никто не жил“.

Послелог **алгъа** сохранил способность принимать аффикс сравнительной степени **-ракъ**, что в свою очередь служит одним из доказательств наречного происхождения этого послелога.

Сен алайгъа бизден алгъаракъ кел „Ты приходи туда немного раньше нас“,

Сени бла сёлешир ючюн, къалъанладан алгъаракъ келгенме „Чтобы поговорить с тобой, я пришел пораньше других“.

В том же значении, что и послелоги **алгъа**, **алда** балкарцами употребляется послелог **аллын**.

Сенден аллын сёлешген адам ким эди? „Кто разговаривал перед тобою?“

Рашид Ансардан аллын келгенди „Рашид пришел раньше Ансара || до (прихода) Ансара“.

Этимологически *аллын* восходит к наречию *алгъын* „раньше“: *алгъын аллын*, где в результате протрессивной ассимиляции звук *гъ* перешел в *л*.

III. Послелог по своему образованию являющийся глагольными формами

Послелог *ала*

Послелог *ала* восходит, по всей вероятности, к деепричастию на *-а* от глагола „*алыргъа*“ „брать“ (пону-дительная форма этого глагола „*ал*“ + аффикс деепри-частия *-а*).

Сфера употребления этого послелога весьма ограничена и встречается в конструкции со следующими словами, обозначающими времена года или суток (*танъ ала, инъир ала, джаз ала, кюз ала, къач ала*). Более того, конструкции с названным послелогом на-ходятся на пути адвербиализации, пополняя кате-горию наречных образований. Так, например, в пред-ложении „*Инъир ала къонакъла келдиге*“ конструк-цию „*инъир ала*“ можно перевести двояко: „под ве-чер“ или же просто „вечером“. Однако *ала* пока еще в основном носит значение послелога.

Мен джолоучума, хапарымы аитаим: тюнене, инъир ала, сени тереклеринъи джаны бла джолтун ашыгъыб кетиб бара тургъанлайыма, бир къаты джел уруб мени бери атыб ийди („Насра Ходжаны хапарлары“) „Я странник, расскажу свою историю. Вчера под вечер, когда я торопливо шел по дороге мимо твоего сада, подул сильный ветер и забросил ме-ня сюда“.

Послелог *башлаб*

Послелог *башлаб* „начинается с“ (по происхожде-нию—деепричастие от глагола *башларгъа* „начинать“), выражает пространственные и временные от-ношения в значении начала действия и управляет ис-ходным падежом. Например:

Майны онундан башлаб июнну алтысына дер-чин биз экзаменле берликбиз „Начиная с 10-го мая до 6-го июня мы будем сдавать экзамены“.

Тамбладан башлаб ишге чыгъарыкъъбыз „Начиная с завтрашнего дня, мы выйдем на работу“.

Послелог *башлаб* в карачаево-балкарском языке, кроме временного и пространственного отношений иногда может выражать и терминологические отношения, т. е. отношения степени и предела действия.

Сизсиз дуня лирика не этер эди? Хафизден башлаб менъе дерчи сизге ким назму этмегенди? (К. Кулиев) „Что бы делала мировая лирика без вас? Кто только не посвятил вам свой стих, начиная с Хафиза и до меня (включительно)“.

Послелог *кёре*

Послелог *кёре* „судя по...“. „сообразно с“, „по“ восходит к деепричастию на *-а*, *-е* от глагола *кёр-(кёррюрге)* „глядеть, видеть“. Этот послелог управляет дательным падежом имен, местоимений и причастных форм на *-гъан (-ген)*. При нем предмет, названный в дательном падеже, является источником для сопоставления или суждения, источником информации о другом предмете или основанием, согласно которому совершается действие:

Сизни джазгъаныгъызгъа кёре, ол джанларында битим игиди (А. М. Байрамкулов) „Судя по тому, что вы пишете (судя по вашему письму), у вас хороший урожай“.

Хар адамны ишине кёре таныйбыз (А. Семенов) „Каждого человека мы оцениваем по его труду“.
Джазына кёре къачы (Нарт сёз) „По весне и осень“ (Пословица).

Айтханынъа кёре ишинъ бек къыйнды „Судя по тому, что ты говорил, твоя работа очень сложная“.

Джерина кёре битими (Нарт сёз) „По почве и урожай“.

Саламына кёре джууабы (Нарт сёзе) „Каков привет, таков и ответ (по привету и ответ)“.

Юйге берилген ишни бу тебен айтылгъаннъа кёре этигиз (А. М. Байрамкулов) „Выполняйте домашнее задание так, как это указано ниже“.

В современных тюркских языках отмечаются следующие фонетические варианты рассматриваемого послелога: в азербайджанском—*кёре*, в башкирском, татарском—*кура*, в узбекском—*кўра*, в каракалпакском

киргизском—*кёрё*, в казахском—*кёрі (гёрі)*, в кумыкском—*гобре*, в хакасском—*кёре*.

В одних языках он управляет только дательным падежом (например, в азербайджанском, башкирском, карачаево-балкарском, кумыкском, татарском, хакасском), в других, наряду с дательным управляет и исходным падежом имени (в узбекском, каракалпакском), в третьих—только исходным падежом (киргизский, казахский).

Послелого *къараб, къарамай*

Оба послелого являются грамматикализованными формами деепричастий от глагола *къараргъа* „смотреть“, „глядеть“, „осматривать“, управляют дательным падежом и употребляются в следующих случаях.

1. Послелог *къараб* „по“, „смотря по“, „на основании“ выражает ограничительные отношения и употребляется при обозначении предмета, явления, согласно которому, на основании которых совершается действие:

1954-чю джыл, саулугъуму халына къараб, меннге отставка бердиле (Багъатырланы Х. „Ата джурт ючюн“) „В 1954-ом году по состоянию здоровья я вышел в отставку“.

Джууургъанынъа къараб аягъынъы узат (нарт сёз) „Вытягивай свои ноги смотря по своему одеялу“ (Сравн.: „По одежке протягивай ножки“).

Аны айтханына къараб ишинъи атма „На основании его слов не бросай свою работу“.

Отмечаются следующие фонетические варианты этого послелого в различных тюркских языках: в каракалпакском, казахском—*къарап (карап)*, в киргизском—*карап*, узбекском—*карап* и т. д.

Во всех этих языках он управляет дательным падежом. Однако в одних из них (каракалпакский, киргизский) он выражает пространственные отношения; в других (карачаево-балкарский, казахский) выражает ограничительные отношения; в третьих (узбекский), в зависимости от контекста выражает и те, и другие отношения.

Послелого *къараб* с дательным падежом других тюркских языков в пространственном значении в кара-

чаево-балкарском языке соответствует послелог *таба* с основным падежом.

Например, узбекскому *Тошкентга қараб*— „по направлению к Ташкенту, в сторону Ташкента“ соответствует карачаево-балкарское *Ташкент таба*.

2. Послелог *къарамай*— „несмотря на“ выражает отношения противопоставления и употребляется при обозначении явления, предмета, состояния, вопреки которым, несмотря на которые совершается действие.

Къар джаугъанына къарамай хауа джылы эди „Несмотря на то, что шел снег, погода была теплая“.

Ол мени кетме деген тилегиме къарамай туруб кетди „Несмотря на мою просьбу „Не уходи“, он встал и ушел“.

Послелог *таба*

Послелог *таба* (по происхождению деепричастие на *-а* от глагола *таб-(табаргъа)* „находить“)¹ в современном карачаево-балкарском языке употребляется для обозначения направленности действия в сторону объекта, названного в предшествующем ему слове.

Къара суучукъ таба айландым чаба-чаба (А. Уртенев) „Я бегом направился в сторону родничка“.

Сабийле школ таба чабыла (А. М. Байрамкулов) „Дети побежали по направлению к школе“.

Мени таба къарадыла (А. Суюнчев) „Они оглянулись в мою сторону“.

Бери мени таба бурулду да, бир затха сейир тамаша болганча, къараб мычыды (М. Хабичев) „Он повернулся ко мне и замешкался, словно чем-то пораженный“.

Из примеров видно, что послелог *таба* управляет основным падежом имен и родительным—местоимений.

Следует отметить, что в языке стихов зачинателя карачаево-балкарской советской поэзии Азрета Уртенова рассматриваемый послелог употребляется с именами, имеющими форму дательного падежа:

¹ У. Д. Алиев. Карачаево-балкарская грамматика (горско-тюркский язык). Кисловодск, 1930, стр. 63.

Джерге *таба* ийилди чалмалы башы (А. Уртен-нов) „К земле наклонилась его голова с чалмою“.

Баш болду колхозгъа *таба* джол джарыуда (А. Уртеннов) „Стал во главе движения за коллективизацию“.

В языке же произведений известного балкарского поэта Кайсына Кулиева послелог *таба* встречается в двух фонетических вариантах: *табагъа* и *табадан*, где *-гъа*, *-дан*—аффиксы дательного и исходного падежей соответственно. Например:

Сора жылкычы, атха миниб, чабады кюнчюгъыш табагъа (А. Кулиев) „Затем табунщик садится на коня и скачет на восток“.

Жел, булутланы жыйыб барысын, Дагъыстан табагъа элтеди (К. Кулиев) „Ветер, собрав все тучи, гонит в сторону Дагестана“.

Сафий турган эл табагъа (К. Кулиев) „В сторону села, где живет Сафий“.

Акъ Минги-Тау табагъа ал буруб,

Бара эди машинабыз жумулуб (К. Кулиев)

„Взяв курс на Эльбрус седой,

Наша машина неслась стрелой“.

Уловить сколько-нибудь значительную разницу между конструкциями типа: *имя в форме основного падежа послелог таба (школ таба)*; *имя в форме дательного падежа+послелог таба (колхозгъа таба)*; *имя в форме основного падежа+послелог табагъа (эл табагъа)* не представляется возможным.

Здесь небезынтересно заметить, что в большинстве тюркских языков фонетические варианты послелога *таба* (в кумыкском—*таба* || *табакъ*, в башкирском—*таба* || *табан*, в ногайском *таба* || *тебе*, в казахском, уйгурском—*таман* и другие) управляют дательно-направительным падежом имен, обозначая в основном те же отношения, что и в карачаево-балкарском языке.

Надо думать, что и в карачаево-балкарском языке послелог *таба* первоначально управлял только дательно-направительным падежом. В современном карачаево-балкарском языке синтетическая связь (*дательно-направительный падеж имени+послелог таба*) постепенно почти полностью уступила место

связи аналитической (основной падеж имени + послелог *таба*)

Предположение поддерживается тем, что аналогичный процесс замены синтетических форм конструкций с послелогами формами аналитическими наблюдается в современном узбекском языке.

Так, у А. Н. Кононова читаем: „Современный узбекский литературный язык знает ряд параллельных конструкций, в которых отражается борьба старого, синтетического начала с новым аналитическим началом; ср., напр.: *уйга томон* || *уй томон* „к дому“¹

Объясняя подобную замену конструкций, проф. А. Н. Кононов пишет, что в некоторых случаях „падежная форма становится ненужной, лишней в том лексико-морфологическом комплексе, который представляет собой сочетание имени с послелогом. Происходит разрушение синтетических связей: связь синтетическая (косвенный п. имени + послелог) уступает место связи аналитической (основной п. имени + послелог)“.²

Что касается употребления форм *табадан*, то она является антонимом *таба* || *табагъа* (в смысле направленности действия), т. е. употребляется в значении послелога, обозначающего направленность действия от предмета, названного в предшествующем ему имени.

Например:

Россия табадан

Ёмюрде урмагъан

Бир жел урду, сора кюн

Чыкъды Россей табадан

(К. Кулиев)

Со стороны России подул ветер невиданной силы, затем солнце возшло со стороны России (*Перевод подстрочный*).

Билмей тургъанлай келген къонакъча жетгенди жауун таула табадан (К. Кулиев) „Как неожиданный гость, нас настиг дождь, идущий со стороны гор“.

В аналогичном же значении встречается форма *табадан* и в языке романа „*Къара кюбюр*“ карачаевского прозаика Хасана Аппаева:

¹ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка М. —Л., стр. 297.

² А. Н. Кононов. Ук. соч., стр. 297.

Кыяматны юю табадан той таууш чыкды (Х. Аппаев) „Со стороны дома Кыямыта слышались звуки танца“.

Послелог *таба (табагъа, табадан)* может принимать вопросительную частицу *-мы* и аффикс сказуемости *-ды*:

Идрисни айланнзаны тау табადы (У. Б. Алиев) „Идрис направился в сторону горы“.

Тау табамы дединъ? (У. Б. Алиев) „В сторону горы, говоришь?“

На примере послелoga *таба* видно, что один и тот же послелог в карачаево-балкарском языке иногда может быть представлен в застывших формах различных падежей (*табагъа, табидан*), выражая при этом различные синтаксические отношения. Синтактико-функциональное значение рассмотренных падежных форм настолько ярко выделяется, что их можно даже рассматривать как вполне самостоятельные послелогии, а не различные формы одного и того же послелoga.

* * *

Мы рассмотрели более сорока послелогов. В современном карачаево-балкарском языке их, конечно, несомненно больше. Выше уже говорилось, что категория послелогов не застывшая, а живая языковая категория, т. е. наблюдается и ныне пополнение этой категории за счет самостоятельных имен, наречий, деепричастных форм. К таким словам в карачаево-балкарском языке можно отнести: *ушаш* „похожий“, *джууукъ* „близко“, *башлаб* „начиная с“ и т. д., которые, будучи поставлены в синтаксические условия послелoga, начинают выполнять его функцию.

Среди карачаево-балкарских послелогов выделяются такие, которые совершенно утратили связь с источником своего происхождения — это так называемые **собственно послелогии**.

Послелогии же, которые сосуществуют со словами, от которых они образовались, т. е. связь которых с источником происхождения не потеряна на современном этапе развития языка, называются **соотносительными послелогиими**.

Слова первой группы используются исключительно в служебной функции (в значении послелогов). Слова же второй группы могут употребляться не только как послелоги, но и как слова с самостоятельным значением.

Весь комплекс **сочетание послелога с именем**— представляет единое лексическое понятие и в предложении обычно выступает в роли обстоятельственного слова или дополнения.

Языковые факты, приведенные нами выше, показывают, что послелоги в карачаево-балкарском языке имеют широкое распространение и служат для конкретизации представлений о времени, пространстве и многих других абстрактных отношений или же оформляют новое значение, не представленное системой склонения.

Второй отличительной особенностью **собственно послелогов** является то, что они в большинстве своем **многозначны**, т. е. могут совмещать в себе несколько значений (иногда разнородных).

Соотносительные послелоги же в основном имеют узкий круг значений и употреблений из-за своей этимологической определенности. К соотносительным послелогам теснейшим образом **примыкают послеложно-именные слова**, к рассмотрению которых мы и переходим.

ГЛАВА IV

Послеложно-именные слова в карачаево-балкарском языке

Выше уже указывалось, что послеложно-именные слова (по терминологии В. А. Гордлевского¹ и А. Н. Кононова — „послелогои—имена“, по Н. К. Дмитриеву² — „служебные имена“, по Н. А. Баскакову³ — „послелогои — изолированные формы имен существительных“) — это в сущности самостоятельные имена существительные, обозначающие, как правило, названия общих для всех предметов (типа: *верх, низ, перед, зад, бок, середина, промежуток, внутренность* и т. п.), снабженные аффиксами принадлежности и аффиксом дательного, местного или исходного падежа.

Сочетание послеложно-именного слова с предшествующим именем образует изафетную конструкцию типа I (реже—II).

Приведем список наиболее употребительных имен, словоизменяемые формы которых (по линии трех пространственных падежей) выступают в качестве послеложно-именных слов:

ал(-лы) „перед, передняя часть чего-либо“;

ара(-сы) „промежуток“;

¹ В. А. Гордлевский. Избранные сочинения, т. II. М., 1961, стр. 68.

² А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературн. языка. М.—Л., 1960, стр. 314.

³ Н. К. Дмитриев. Служебные имена в турецком языке. сб.: „Советское языкознание“, т. III. Л., 1937, стр. 129—145.

⁴ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. М., 1952, стр. 483.

арт(-ы) „зад, задняя часть чего-либо“;
баш(-ы) „голова, начало“;
джан(-ы) „бок, боковая часть чего-либо“;
ич(-и) „внутренность, внутренняя часть чего-либо“;
къат(-ы) „подле, около, пространство около чего-либо“;
орта(-сы) „середина“;
тыш(-ы) „наружность, внешность, внешняя сторона чего-либо“;
тюб(-ю) „низ, нижняя часть чего-либо“;
юс(-ю) „верх, поверхность, верхняя часть чего-либо“ и т. д.

Примерно от таких же слов образуются послеложно-именные слова и в других тюркских языках. Различие заключается в том, что в некоторых из них (например, в азербайджанском, узбекском, каракалпакском, киргизском) они в исходной форме употребляются без аффиксов принадлежности, тогда как в ряде других языков (в карачаево-балкарском, тувинском, шорском, хакасском) эти имена употребляются только вместе с аффиксами принадлежности. Например: в карачаево-балкарском языке слово **юс(-ю)** обозначает и **верх** и **его верх**, чего нельзя сказать о слове **уст**, допустим, азербайджанского или узбекского языков, где оно в исходной форме употребляется без аффикса принадлежности, обозначая только одно понятие „**верх**“, „**верхняя часть чего-либо**“.

Выступая в форме трех пространственных падежей, каждое такое имя образует как бы группу из трех отыменных послелогов, отличающихся друг от друга оформлением падежных аффиксов, но объединенных общностью корня. Например:

Мен Тохдарны къатына бардым „Я подошел к Тохдару“.

Мен Тохдарны къатында олтура эдим „Я сидел рядом с Тохдаром“.

Мен Тохдарны къатындан джалладым „Я отошел от Тохдара“.

Из примеров видно, что с помощью словоизменятельных форм имени **къат(-ы)** „подле, около“ в дательном, местном и исходном падежах выражены три вида обстоятельств места: формой дательного падежа — **къатына** — вступление в место около Тохдара,

формой местного падежа *къатында*—выражено нахождение около Тохдара, формой же исходного падежа *къатындан*—выход из места около Тохдара.

Идея места около кого-либо (в данном случае около Тохдара) выражено во всех трех случаях именем *къат(ы)*. Отношения же вступления, нахождения и выхода из этого места передаются с помощью присоединенных к нему аффиксов дательного, местного и исходного падежей: *-а, -да, -дан*.

Таким образом, значение **последложно-именных слов** складывается из двух составных компонентов исходной основы, содержащей идею какого-либо места в пространстве по отношению к предмету, который стоит в изафетной связи с обслуживаемым именем, и грамматического значения падежа.

Почти во всех работах, вслед за проф. Н. К. Дмитриевым, категория последложно-именных слов (или „служебных имен“), рассматривается в двух планах: вертикальном и горизонтальном. При этом авторы работ исходят из того, что „служебное имя“, выражая пространственные отношения между предметами, обозначает плоскость, которая находится в отношении какого-либо предмета в вертикальном или горизонтальном плане.

В предлагаемой работе автор обошел подобное разделение последложно-именных слов на две группы по тем соображениям, что в карачаево-балкарском языке большинство из этих служебных слов, в соответствии со значением исходной основы и окружающего контекста, могут выражать самые различные отношения (временные, изъяснительные и некоторые др.), которые не могут быть рассмотрены в рамках терминологии, заимствованной из классической геометрии.

Например, последложно-именные слова, образованные от имени существительного *юс(ю)* „верх, верхняя часть предмета“, обычно относимые к „служебным именам вертикального плана“, могут выражать и ряд отвлеченных отношений:

Ахмат фестивалыны юсюнден талай сейир хапар айтды „Ахмат о фестивале рассказал много интересного“.

Эшикни ачыб, отоуда тебсерге юрене тургъан

кызыланы юслерине кирдим „Открыв двери, я вошел к девушкам, которые в гостиной учились танцевать“.

Урушла тохтарла, джылла озарла, джигитлени юсюнден ол заманда халкъла тюрлю-тюрлю таурухла айтырла (У. Б. Алиев) „Прекратятся войны, пройдут года, и народы создадут легенды о героях“.

Заметим, что аффиксы принадлежности при послеложно-именных словах могут стоять в любом лице и числе.

Рассмотрим послеложно-именные слова с аффиксами принадлежности 3 лица, ед. числа.

Ал(лы)

От основы *ал(лы)* „перед, передняя часть предмета“ в пространственных падежах образуются следующие три формы, которые приобретают служебное значение послелога и с предшествующим именем — определением в основном и родительском падежах образуют изафетную конструкцию: *аллына, аллында, аллындан*.

1. Форма дательного падежа *аллына* в служебном значении выражает пространственные отношения и указывает, что действие направлено к передней, лицевой стороне предмета (лица):

Махмут атасыны аллына чабды „Махмуд побегал навстречу своему отцу“.

Сора алтын кекелли джаш ханны аллына келгенди да: „Ол сени кызынъы къачыргъан менме“, — дегенди (Къарач. фольк.) „Затем парень с золотым чубом подошел к хану и сказал: „Я тот, который похитил вашу дочь“.

Иногда *аллына* употребляется, чтобы обозначить совершение действия перед чем-нибудь:

Къонакъла къонакъ юаню аллына джыйылдыла „Гости собрались перед гостиницей“.

2. Форма местного падежа — *аллында* в послеложной функции употребляется при обозначении местонахождения лица, предмета или совершения действия у передней части кого (чего)-нибудь, перед кем (чем)-нибудь:

Джолоучу терлеген атын чайхананы аллында тохдатды „Путник остановил своего вспотевшего коня перед чайной“.

Ала гарнизонну тенгизчилерини **аллында** мыдах-лык митингде чыггыб селёшдиле (В. Г. Беловусько. „Тау кзуш“) „Они выступили на траурном митинге **перед** моряками гарнизона“.

Дуня, китаб кибик, ачылганды жашны **аллында** (К. Кулиев) „Мир, как книга, раскрылся **перед** парнем“.

Ёлюм **аллында** тобукъланмам! (К. Кулиев) „Я не стану на колени **перед** смертью!“

Назмум бла бирге тобукъланама халкыны **аллында** (К. Кулиев) „Я вместе со своим стихом становлюсь на колени **перед** народом“.

Партия ашарыкь промышленностну ишчилерини **аллында** улуу борчла салганды („Ленинни байрагы“) „Партия поставила большие задачи **перед** работниками пищевой промышленности“.

Почтаны **аллында** талай адам сиреле эдиле (У. Б. Алиев) „**Перед** почтой стояло несколько человек“.

В сочетании с причастными формами на -р последовательно-именное слово **аллында** указывает на совершение действия за некоторое время до какого-нибудь события, срока и т. д. Например:

Ол хар аш ашарны **аллында** кюлларын сапын бла джууады „Он каждый раз **перед** едой моет руки мылом“.

Ибрагим урушха кетерини **аллында** партиягъа кирген эди „Ибрагим **перед** уходом на фронт поступил в партию“.

3. Форма исходного падежа — **аллындан** в служебном значении употребляется при обозначении движения от передней части предмета:

Махмут атасын эслеб, ресторанны **аллындан** джаллады „Махмут, заметив отца, отошел от ресторана“.

Иногда **аллындан** указывает на действие, которое совершается впереди предмета:

Къарт къатын джунчуб, машинаны **аллындан** джаллаялмады „Старушка, растерявшись, не смогла посторониться от машины“.

Антонимом рассмотренных форм от основы **ал(лы)** являются соответствующие формы от основы **арт(ы)** — „зад, задняя часть чего-либо“. Например:

Тахсачы терекни артына букъду (У. Б. Алиев) „Разведчик спрятался за дерево“.

Юйюбюзню артында гокка хансла битедиле „За нашим домом растут цветы“.

Ол бийик тау ауушну артында къалгъанды, жол жокъду анъа барыргъа (К. Кулиев) „Он остался за высоким горным перевалом и нет к нему пути“.

Хызыр ташны артындан деуча ёрге турду (В. П. Беловусько „Тау къуш“) „Хызыр, как лев, поднялся во весь рост из-за камня“.

Таныдым!—Терек артындан менъе сабийлигим къараб турады!. (К. Кулиев) „Я опознал!—Из-за дерева на меня смотрит мое детство!..“

Кимледен эселе да афендиге келген къозула, ана-ларындан замансыз айырылгъанларына тансыкъ болуб, чалманны артындан башларын къаратыб макъырадыла (Х. Аппаев) „Ягнята, преждевременно отбитые от своих матерей и пригнанные к эфенди от кого-то, жалобно блеют, высунув головы из-за плетня“.

Ара(сы)

От основы *ара(сы)* „промежуток, межа“ в пространственных падежах образуются следующие три формы: *арасына, арасында, арасындан*, которые, выступая в послеложной функции, в основном выражают пространственные, временные отношения и указывают на совершение действия в промежутке, пространстве между двумя или несколькими предметами.

1. Форма дательного падежа—*арасына* в служебном значении выражает, что действие направлено в промежуток, пространство между двумя или несколькими предметами или в центре однородной среды:

Эки суйгенни арасына сугъулма „Не суйся меж двух влюбленных“.

Мен аны юй оюлгъанланы арасына суйредим („Бир. атл.“) „Я поволок его к развалинам“.

Сосуркъа алай этеди: къыш чилледе улуу кёлню арасына киреди да, кеси бузгъа иги бузлагъынчын, беш кюнню андан чыкъмай турады (Къарач. фольк.) „Сосурка делает так: в зимнюю стужу лезет в большое озеро (дословно: в середину большого озера) и не вылезает оттуда в течение пяти суток, пока не примерзнет сам ко льду как следует“.

Иногда, сочетаясь со словами, обозначающими понятие времени, **арасына** указывает, что действие происходит в течение определенного отрезка времени:

Не болду энди бир сагъатны арасына? (А. Ургенов) „Что случилось теперь в течение одного часа?“

2. Форма местного падежа — **арасында** употребляется в следующих случаях.

При обозначении совершения действия между двумя или несколькими предметами, лицами, в той или иной среде:

Тереклени арасында къарыусуз къоян балачыкъла джорта айланадыла (У. Б. Алиев) „Между деревьями бегают слабые зайчата“.

Шахар бла элни арасында автобуса джорюйдюле „Между городом и селом ходят автобусы“.

Эски юй юлгъанланы арасында эки килограмм болгъан базман ташны табдым („Бир. агл.“) „Среди старых развалин я нашел двухкилограммовую гирию“.

Олтур, — дедиле анъа, къартланы арасында,

Олтур жырчыны орнуна! (К. Кулиев)

„Садись, — сказали ему, — среди стариков,

Садись на место певца!“

Эмеген кёлню арасында беш кюн бла беш кечени тургъанды (Къарач. фольк.) „Эмеген просидел в озере (досл.: в середине озера) пять дней и пять ночей“.

У При обозначении времени совершения действия:

Кече арасында бизге къонакъла келдиле „В полночь к нам приехали гости“.

Сёз арасында „Среди разговора, во время разговора (пространственное значение перешло во временное).“

3. Форма исходного падежа — **арсындан** выражает, что действие исходит из пространства, расположенного меж предметами:

Эки терезе къанъаны арындан лампа джарыкъ урады (Х. Аппаев) „Через оконные ставни (досл.: через промежуток между двумя оконными ставнями) пробивает свет лампы“.

Къарачай халкъны арындан да белгили джазычула чыкъгъандыла „И из среды карачаевского народа вышли известные писатели“.

Иногда *арасындан* выражает аблятивные отношения, т. е. отношения, выражающие отделение от чего-либо, лишение, отнятие:

Уруш деген алайды-- бюгюн сау жигит

Тамбла саула арасындан жокъ болады (К. Кулиев).

По своему значению к рассмотренным послеложно-именным словам очень близко стоят соответствующие надежные формы от основы *орта(сы)* „центр, середина“, которое является синонимом имени *ара(сы)*.

В ряде случаев послеложно-именные слова *арасына, арасында, арасындан* настолько близко подходят по значению к *ортасына, ортасында, ортасындан*, что нередко их трудно различить.

Примеры:

Арбазны ортасында той кызыу барады (Х. Аппаев) „Посреди двора идут стремительные танцы“.

Это же предложение может звучать и так:

„*Арбазны арасында той кызыу барады*“ в том же значении.

Биз шахарны ортасына || арасына джууукълашыкъ „Мы приблизились к центру города“.

Баш(ы)

От имени существительного *баш(ы)* — „голова“, „вершина“; „начало“ в пространственных падежах образуются следующие три формы: *башына, башында, башындан*, которые параллельно с основным (знаменательным) значением приобретают также и служебное значение послелого с отмеченной семантикой.

1. Форма дательного-направительного падежа — *башына* в служебной (послеложной) функции употребляется в следующих случаях:

а) при обозначении направленности действия на **вершину, на верх** данного предмета, например:

Ёхдем чыкъгандыла жашларынь

Уллу Эльбрус тауну башына (Ж. Залиханов)

„Смело поднялись твои сыновья

На вершину большого Эльбруса“.

Бир бийик юню башына чыгыб,

Кавказ табатъа тансыкъ къарайма (М. Геттуев)

„Поднявшись на крышу высокого дома,

Я обращаю свой скучающий взор к Кавказу“ (*Перевод подстрочный*).

б) при обозначении совершения действия около данного предмета, например:

Тибси башына тамада олтурду „Тамада сел за стол“.

Иногда *башына* может выступать синонимом послелога *сайын*, например:

Тюнене мен элде хар юй башына айландым || тюнене мен элде хар юй сайын айландым „Вчера я в селе обошел каждый дом (отдельно, врозь)“. Это же предложение можно выразить и так: „*Тюнене мен элде хар юйге айландым*“ в том же значении.

2. Форма местного падежа—*башында* в служебной функции употребляется в следующих случаях:

а) При обозначении местонахождения предмета, лица или при совершении действия на верху, на вершине данного предмета, или где начинается что-либо:

Эли башында темир кзушла учадыла (Д. Байкулов) „Над селом летают железные птицы“.

Мийик кваяны башында джангыз нарт терек суйеле эди (У. Б. Алиев) „На вершине высокой скалы стояла одинокая сосна“.

Тау башында Шыкыда бир алапат назмучу кварт барды! (Ж. Залиханов) „В горах, в Шыкы, живет замечательный старик-поэт!“

Мени суйгеним болурму, кызла, орамны башында букзу этген? (Малкъ. поэт. ант.) „Девушки, не мой ли возлюбленный поднял пыль (запылил) на краю улицы?“

б) При обозначении совершения действия около чего-нибудь, в непосредственной близости с чем-нибудь, например:

От башында гырджынла тизилиб тура эдиле „У (около) огня были расставлены гырджины (=чуреки)“.

Тибсини башында тамада олтура эди „За столом сидел тамада“.

в) В некоторых случаях *башында* в сочетании с именами существительными, обозначающими понятие времени, типа: *джыл*—год, *ай*—месяц, *ыйык*—неделя, а также со словами, обозначающими названия месяцев (январь, февраль, март, апрель, май и т. д.)

передает временное значение, соответствуя русскому выражению „в начале...“, например:

Этген джылны башында биз Москвагъа экскурсиягъа баргъан эдик „В начале прошлого года мы ездили в Москву на экскурсию“.

Аны кёргеним октябрьны башында эди (А. Уртевов) „Я это видел в начале октября“.

Хар айны башында бизни школну комсомолчулары ачыкъ комсомол джыйылу бардырадыла „В начале каждого месяца комсомольцы нашей школы проводят открытое комсомольское собрание“.

3. Форма исходного падежа—*башындан* в служебном значении указывает на развитие действия в направлении от какого-либо предмета к другому или на совершение действия в пространстве, расположенном выше чего-нибудь. Например:

Биз тауну башындан бек кзыиналыб тюшдюк „Мы с горы спустились с большим трудом“.

Толгъан ай да тау башындан жарыгъын саулай бизге ийеди (Ж. Залиханов) „И полная луна с вершины гор шлет нам весь свой свет“.

Тик кзаяны башындан кзараб—тюбюнде кзара суучукъну кёрдюм „Посмотрев вниз с вершины отвесной скалы, у ее подножья я увидел родничок“.

Джан(ы)

От основы *джан(ы)* „бок, сторона, место около чего-нибудь“ в пространственных падежах образуются следующие формы: *джанына, джанында, джанындан*, которые при имени в основном или родительном падеже приобретают значение послелога и употребляются в следующих случаях:

1. Форма дательно-направительного падежа—*джанына* выражает пространственное значение и указывает, что действие направлено к боковой части предмета:

Ит хунаны джанына кзысылды (А. М. Байрамкулов) „Собака прижалась к забору“.

Мен бурууну джанына бугъундум „Я спрятался за забором“.

2. Форма местного падежа—*джанында* выражает пространственное значение и указывает, что дей-

ственные происходит при предмете, около, возле, в непосредственной близости с предметом:

Фатиманы аягыны джанында джер азчыкъ джарылыб тебреди (Х. Байрамукова) „Около ногн Фатимы на земле стала появляться заметная трещина“.

Мен эсем, стол джанында, таймай олтура эдим (А. Уртенев) „Что касается меня, то я продолжал сидеть возле стола (за столом)“.

Терекле эм жол жанында кырдыкла кзууанадыла бу жылы жаууннъа (К. Кулиев) „Деревья и травы, растущие около дороги, радуются этому теплому дождю“.

Бурууну джанында биреулен сюйеле эди „Около ограды стоял кто-то“.

Аллайланы жол жанында квоа, биз алай бирырбыз (К. Кулиев) „Мы будем идти так, оставляя (вон) таких около дороги“.

3. Форма исходного падежа—*джанындан* употребляется при обозначении направления действия от предмета:

Шкафны печни джанындан кворатыгъыз! „Уберите шкаф от печки!“

В том же значении, что и рассмотренные послеложно-именные слова от основы *джан(ы)*, употребляются соответствующие падежные формы от основы *къат(ы)* „около, возле“. Например:

Къарт поэт ташчыны къатына барды, тенъичи (К. Кулиев) „Старый поэт, как друг, подошел к каменщику“.

Бийнегер Семенну къатына олтурду (Х. Аппаев) „Бийнегер сел возле Семена“.

Школну къатына бир машина келиб тохдады (А. М. Байрамкулов) „Возле школы остановилась (какая-то) машина“.

Бар, джашым, сууну къатында ойна, уллу сууну къатында хар заманда да бир зат табылады („Бир. атл.“) „Иди, сынок, поиграй возле реки, около большой реки всегда найдется что-нибудь“.

Къарлы элде Москваны къатында бирге олтуруучу эдик экибиз (К. Кулиев) „Около Москвы, в заснеженном селе, мы часто засиживались вдвоем“.

Ич(и)

Послеложно-именные слова от основы *ич(и)* „внутренняя часть чего-либо, середина, нутро“ выражают пространственные, временные отношения и употребляются в следующих случаях.

1. Форма дательного-направительного падежа—*ичине*, выражает пространственное значение и указывает, что действие направлено во внутрь предмета, помещения, местности, в какую-нибудь среду:

Асланны бети кетиб, кьолу ауругьанына да кьарамай, джоббуну ичине джарыб кириб, кьычыра айтды (Х. Аппаев) „Несмотря на боль руки, Аслан, с побледневшим лицом, проник в толпу и громко сказал“...

Ол нёгерлерин чакьыра, дорбунну ичине кирди (Х. Аппаев) „Он, подзывая своих товарищей, вошел в пещеру“

Ала кьонакъланы юнню ичине кийирдиле „Они завели гостей в дом (досл.: во внутрь дома)“.

В последних двух предложениях послеложно-именное слово *ичине* по своему значению тесно примыкает к дательному падежу. Сравн., например: *дорбунну ичине кирдим || дорбуннъа кирдим* или *юнню ичине кийирдиле || юйге кийирдиле*“.

Послеложно-именное слово *ичине*, сочетаясь со словами, обозначающими понятие времени, указывает, что действие происходит в течение определенного отрезка времени.

Эки джьылны ичине Осман, терек ёсген чакълы бир, ёсгенди (У. Б. Алиев) „За два года Осман вырос настолько, насколько выросло дерево“.

2. Форма местного падежа—*ичинде* выражает:

а) Действие, осуществляющееся внутри чего-нибудь (пространственное значение) или действие совершающееся при обстоятельствах или условиях, обозначенных в предшествующем слове:

Кьургьакъ дорбунну ичинде мен кёб жомакъла зшитгенме тауда (К. Кулиев) „В сухой пещере в горах я слышал много сказок“.

Джанъыз кесим кьалгьанма палатаны ичинде (И. Боташев) „Я только один остался в палате“.

Шум болду арбаз ичинде бары (А. Уртенев)
„Во дворе все замолкли“.

Кече кгарангысыны ичинде

Будай ауур, кымылдайды, эслейме (К. Кулиев)

„Я вижу: в тьме ночной

Тяжело колышется пшеница“ (*Перевод подстрочный*).

Биз мелхум джашауну ичинде джашайбыз „Мы живем зажиточно (досл.: внутри зажиточной жизни)“.

Антонимом *ичинде* в пространственном значении является *тышында* от основы *тыш(ы)* „наружная часть чего-либо“:

Билеме мен—бизни жерни тышында

Кёб жерде ачлыкь, бёрюча, айланады (К. Кулиев)

„Я знаю, что за пределами нашей страны, во многих странах голод бродит как волк“ (*Перевод подстрочный*).

б) Действие, осуществляющееся в течение того периода времени, который обозначен предшествующим *ичинде* словом (временное значение):

Ол он джылны ичинде мен кече, кюн да ишледим („Бир. атл.“) „В течение тех десяти лет я работал днем и ночью“.

Бир кюнню ичинде Муртаз бир бёлек тюрлю сыфатха киреди (Х. Аппаев) „В течение одного дня лицо Муртаза меняется несколько раз“.

Арт эки ыйыккыны ичинде „В течении двух последних недель“.

в) Действие, совершающееся в массе, среди однородных предметов (сравн.: *арасында, ортасында*):

Джазбашында ёзенде тюрлю-тюрлю тауушла кёб боладыла. Бир кзулакь юзююр, бир аггачны ичинде буу кычырыр (У. Б. Алиев) „Ранней весной в ущелье бывает много разнообразных звуков. То обвал упадет, то олень закричит в лесу“.

О заманда аланы ичинде мен да ишлей эдим (М. Хабичев) „В то время среди них работал и я“.

Къайсын нарт сёзча турады бюгюнда халккыны ичинде (К. Кулиев).

„Кайсын и по сей день живет среди народа, словно завет нартов || как пословица (досл.: словно || как нартовское слово)“.

Кёкенлени ичинде „Среди кустарников“.

3. Форма исходного падежа — **ичинден** обозначает, что действие исходит изнутри предмета или из среды однородных предметов:

Азербайджан халкъны ичинден талай белгили джырчы чыкъгъанды „Из среды азербайджанского народа вышло много известных поэтов“.

Къайыкъ батмаз ючюн, аны ичинден сууну дженъил тегерге керек болгъан эди („Бир. атл.“) „Чтобы не потонула лодка, нужно было немедленно вылить из нее воду“.

Ол суууду туугъан жерибизни

Аталарыбыз да ичген,

Ол чыгъады сары алтыннъа да

Бермез зыггырны ичинден (К. Кулиев)

„Это вода наших родных мест, которую пили и наши отцы; она пробивается из золотистого песка“ (*Перевод подстрочный*).

Бир заманда тюртюлени ичинден бир къаралды кёрюндю (Х. Аппаев) „Через некоторое время из-за куста барбариса показалось что-то черное“.

Юс(ю)

Послеложно-именные слова от основы **юс(ю)** — „верх, верхняя часть, поверхность“ преимущественно выражают пространственные отношения, и отношения, указывающие на содержание, повод суждения, на предмет мысли, речи, чувства и употребляются в следующих случаях:

1. Форма дательного-направительного падежа — **юсюне** имеет несколько различных значений с общей семантикой динамики действия, направленного на предмет:

Хаман социализмге джууукъ барырма, сора аны джерни юсюне кьурума (И. Каракотов) „Я буду постоянно стремиться приблизиться к социализму и, наконец, построю его на земле“.

Миннъендиле бутакъланы юсюне, шатлякъ келе булбулланы эсине (И. Каракотов) „Соловьи, почувывая радость, сели на ветвях“.

Ол юсюне джамчысын къаблады „Он накинул на себя бурку“.

Кенълиги кенълигича, теренлиги теренлигича, узунлугъу узунлугъуча бу кёлню юсюне бир таш

тюшсюн (Шутка). „Ширина шириною, глубина глубиною, длина длиною, пусть на это озеро камень упадет“.

В некоторых случаях *юсюне* обозначает направленные действия не только на поверхность предмета, но и вообще к предмету, выраженному словом, стоящим перед ним:

Итле бёрюню юсюне мыллык атдыла „Собаки набросились на волка“.

Андан сора келинни къартланы юсюне кийирлик-биз,—деб билдирди „Затем невесту поведем к старикам,—известил он“.

2. Форма местного падежа—*юсюнде* указывает на действие, которое совершается на поверхности данного предмета:

Мен саулаи чексиз жерни юсюнде эркинлик кюню жанса сюеме (К. Кулиев) „Я хочу, чтобы на всей необъятной земле зажглось солнце свободы“.

Эшикни юсюнде сюелме „Не стой на дверях“.

Арыгъан болурла, аякъларыны юсюнде кюнден-будтан турадыла (Х. Аппаев) „Они, видимо, устали, так как еле стоят на ногах“.

Махтау сеньге, бу кенъ жерни юсюнде адамны жанъы жерлеге элтген жол! (К. Кулиев) „Хвала тебе, дорога, ведущая человека в неизведанные дали на этой необъятной земле!“

Послеложно-именные слова *юсюне, юсюнде* в результате семантического развития приобрели также отвлеченное значение, соответствующее значению послелогов *ючюн, амалтын*:

Ёлсем да тюзлюкню юсюнде ёлюрме (А. Уртепов) „Если и умру, то умру за правое дело (=за справедливость)“.

Сравн.: „Тюзлюкню юсюнден ёлюрме || тюзлюк ючюн ёлюрме“.

Бир сүйекни юсюне он ит талашханлай (Малк. жом., стр. 245) „Подобно тому, как из-за одной кости подрались десять собак“.

Сравн.: „бир сүйекни юсюне || бир сүйек ючюн || бир сүйек амалтын“ в одном и том же значении: „из-за одной кости“.

3. Форма исходного падежа—*юсюнден* преимущественно выражает делиберативные отношения, т. е. отношения, служащие для указания на содержа-

ние, повод суждения, на предмет мысли соответствуя русскому предлогу **о** с предложным падежом:

Аланы юсюнден кесича ёлюмсюз поэма этер эди (К. Кулиев) „**О** них он создал бы бессмертную поэму, подобную ему самому“.

Энди сен да кесинькилени юсюнден айт (М. Хабичев) „Теперь ты тоже расскажи **о** своих“.

Совет властда мен да джырлайма джангы джашауну юсюнден (К. Кочкаров) „И я слагаю песни в стране Советов **о** новой жизни“.

Узакъ аулда таулу кьойчуланы сабийлери Октябрьны кюнюнде жырлай эдик Интернационалны, эркинликни, кьардашлыкьны юсюнден (К. Кулиев) „В далеком ауле мы дети чабанов в день Октября пели „Интернационал“ **о** свободе и братстве“.

Иногда **юсюнден** выражает пространственное значение и обозначает, что отправным пунктом действия является поверхность, вершина предмета:

Биз капиталистлени саулай джерни юсюнден кзурутурукьбуз „Мы сотрем всех капиталистов с лица всей земли“.

Насреддин эшегини юсюнден джыгьылгьанында, халкьгьа кьараб: „Бу ашыкьгьанлыкь этди ансы кесим да тюшерик эдим“,—дегенди (Кьарач. фольк.) „Когда Насреддин упал со своего осла, он обратился к окружающим и сказал: „Я все равно должен был сойти с него, а он просто поторопился“.

Антонимом рассмотренных форм в пространственном значении являются соответствующие падежные формы от основы **туб(ю)** „низ, нижняя часть, основание, дно“.

Кенг кьанатынгы тубюне кьыс мени, талгьыркьз кзушум (К. Кулиев) „Приюти меня **под** свое широкое крыло, мой сероглазый орел“.

Мен саулай кьыйырсыз кькню тубюнде кзууанчлы аязла урсала сюеме (К. Кулиев) „Я хочу, чтобы **под** бескрайним небосводом дули легкие радостные ветры“.

Уллу бычакьлары бла бир атлыла да кишиге да турсунуб бурулмай, картузларыны тубюнден эриниб тёрт джанларына кьарай эдиле (Х. Аппаев) „Всадники с большими саблями, не проявляя ни к кому никакого интереса, безразлично смотрели по сторонам **из-под** козырьков“.

Такова краткая характеристика наиболее употребительных послеложно-именных слов карачаево-балкарского языка.

* * *

В заключение попытаемся отметить те общие моменты в употреблении **послелогов** и **послеложно-именных** слов, которые дают известное основание рассматривать их вместе.

1. Послелог и послеложно-именные слова в карачаево-балкарском языке относятся к разряду служебных слов. В этой своей (служебной) функции они не называют предметы, качества, действия и т. д., а служат для конкретизации отношений, выражаемых падежными формами, дополняют и уточняют значения падежей. При помощи послелогов и послеложно-именных слов передаются также синтаксические отношения, не представленные системой склонения.

2. Как послеложно-именные слова, так и послелог карачаево-балкарского языка отличаются некоторой самостоятельностью отдельного слова — раздельным произношением и написанием, т. е. обладают способностью к раздельному синтаксическому существованию.

3. И те, и другие формы рассматриваемых служебных слов в сочетании с относящимся к ним словом образуют единый член предложения.

4. Конструкции „**имя+послелог**“, „**имя+послеложно-именное слово**“ построены по единому типу месторасположения членов.

Подводя итоги, отметим и некоторые различия между послелогам и послеложно-именными словами.

а) Послелог подразделяются на две группы: **собственно послелог** и **соотносительные послелог**.

Как уже отмечалось выше, первые из них самостоятельного употребления не имеют, для вторых характерна возможность самостоятельного употребления. Послеложно-именные слова абсолютно все имеют двоякую функцию, т. е. употребляются и как самостоятельные, и как служебные слова. Своеобразие их помимо этого заключается в том, что они сохраняют и формы именного словоизменения.

б) Послелогии разнообразны по своему морфологическому составу и грамматическим особенностям. Различия в морфологическом составе послелогов объясняются тем, что они по своему происхождению восходят к различным именным и глагольным формам. Морфологический же состав послеложно-именных слов едины, согласно нормам литературного карачаево-балкарского языка, все они выступают в качестве определяемого в изафетной конструкции. Первый член изафета (определение) представлен родительным или основным падежом.

в) Послелогии не могут предшествовать послеложно-именным словам. Послеложно-именные слова же могут принимать после себя послелогии.

Например: *Орамны ортасына дери бардым* „Я прошел до середины улицы“.

ГЛАВА V

Послеложное управление в современном карачаево-балкарском языке

Способы синтаксической связи слов—один из недостаточно разработанных и спорных вопросов тюркологии¹. В карачаево-балкарском языке совершенно отсутствуют специальные научно-теоретические исследования в данной области.

Изучение проблемы синтаксической связи между словами словосочетаний всех типов имеет не только теоретическое, но и практическое значение, так как от разрешения его зависит правильное понимание многих сложных вопросов синтаксиса изучаемого языка.

В современном карачаево-балкарском языке ведущими способами выражения синтаксических отношений между словами словосочетаний являются аффиксы, послелог, союзы, вспомогательные глаголы, порядок слов и интонация.

Исследуемый нами вопрос посвящен одному из видов синтаксической подчинительной связи слов—вопросу послеложного управления в карачаево-балкарском языке.

В современном карачаево-балкарском языке в словосочетаниях, построенных на управлении, подчинен-

---

¹ Вопросы составления описательных грамматик языков народов СССР (стенограмма координационного совещания по проблемам простого предложения и категории залога). Уфа, 1958.

ный (управляемый) компонент может быть выражен любой склоняемый частью речи или субстантивированными словами. Что же касается управляющего компонента, то он выражается в основном глаголом, различными глагольными формами (инфинитив, причастие, деепричастие, имя действия) и послелогоми.

Послелог—это лексико-грамматическая категория, служащая для формирования словосочетания и выражения в нем синтаксической зависимости слов, называемой управлением.

Управление является одним из типов синтаксической (подчинительной) связи слов, при которой падежная форма управляемого слова неизбежно требуется формой управляющего слова.

В современном карачаево-балкарском языке послеложному управлению подвергаются все падежи (основной, родительный, дательный, местный, исходный), кроме винительного, который управляется только глаголами и отглагольными формами.

По признаку управления карачаево-балкарские послелогои группируются в следующем порядке:

1. Послелогои, управляющие только основным падежом. Сюда относятся: *ала, къадар, сайын*.

Мен, шахаргъа келгеним сайын, школ тенълериме джолугъама „Каждый раз, когда я приезжаю в город, я навещаю своих друзей по школе“.

Сен, кече сайын, къайда айланаса, менден суйгенинъ джокъ эсе? (Малк. поэз. ант.) „Где же ты бродишь еженочно, если кроме меня у тебя нет другой возлюбленной?“

Иньир ала къонакъла келдиле „Под вечер приехали гости“.

Къобанны джаз ала къозгъагъан къарлы таулары эригенлериди „Причиной весеннего половодья Кубани является таяние снегов в горах“.

Кюрешдим къолдан келген къадар (А. Уртенев) „Трудился столько, сколько мог“.

Ол къадар отун эки къышха да боллукъду (М. Хабичев) „Столько дров хватит и на две зимы“.

2. Послелогои, управляющие основным и родительным падежом. Сюда относятся: *амалтын, бла, къатыш, къыллы, къарамлы, къылыкъллы, матал-*

лы сартын(-нъа), себели, сыфатлы, тюрсюлю, тенъли, халили, шекелли, ючюн(-нъе) Например:

Байла, бийле къаласын сюнънъю бла чачханбыз (И. Каракотов) „Мы разрушили штыком крепость баев и биев“.

Мен атам къатыш отуннъа бардым (А. М. Байрамкулов) „Я вместе с отцом отправился в лес за дровами“.

Сени амалтын кинону ычхындырыб къойдум (А. М. Байрамкулов) „Из-за тебя я пропустил кинокартину“.

Джашыгъыз Ата джурт ючюн джигитлик этиб ёлгенди (О. Хубиев) „Ваш сын погиб смертью храбрых за Родину“.

Къайытыб келдик сизни ючюн (С. Шахмурзаев) „Мы вернулись из-за вас“.

Бизни сартын чыбыкъ да сытылмасын (Нарт. сез.) „Пусть из-за нас птичка не пострадает“ (Поговорка).

Роза, иги окъугъаны себебли, махдау къагъыт алды (А. М. Байрамкулов) „За хорошую учебу Роза получила похвальную грамоту“.

Часть исследователей тюркских языков отрицает возможность сочетания послелога с основным падежом и форма имени в конструкциях типа—**именная основа беспадежного аффиксального оформления+ послелог**—рассматривается как форма неопределенного или неоформленного родительного падежа. Выше уже отмечалось, что первым, кто среди тюркологов усомнился в возможности сочетания послелога с основным падежом имен, был известный исследователь ряда тюркских языков проф. Н. И. Ашмарин¹. К аналогичному выводу пришел и проф. С. А. Джафаров на материале азербайджанского языка².

Таким образом, сама по себе идея о том, что управляемыми падежами являются косвенные, а прямой падеж (т. е. основной) не управляется, не нова. Нам думается, что основной падеж тюркских языков, в

¹ Н. И. Ашмарин. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Симбирск, 1923, часть II, стр. 268.

² С. А. Джафаров. О послелогах в азерб. языке. Изв. АН Аз. ССР. Баку, 1956, № 4, стр. 75—100 (на азерб. языке).

том числе и карачаево-балкарского языка, представляет исключение из этого традиционного правила. Дело в том, что основной падеж полуфункционален, т. е. именная основа беспадежного аффиксального оформления по своей синтаксической функции в тюркских языках выходит за пределы падежа субъекта (именительного) и, пережиточно или в заместительной роли, выполняет функции косвенных падежей¹.

Карачаево-балкарский первый падеж является основным постольку, поскольку с исторической точки зрения именная основа послужила базой для дальнейшего формирования падежных форм.

Для обозначения рассматриваемого падежа в тюркологической литературе различные авторы употребляют следующие термины: **именительный**², **абсолютный**³, **неоформленный**⁴, **неопределенный**⁵, **безаффиксальный**⁶, **основной**⁷ и т. д.

В практических курсах карачаево-балкарского языка рассматриваемый падеж называется **атаучу болуш** — „назывательный или именительный падеж“⁸.

Из всех перечисленных терминов действительному положению вещей более соответствует термин „**основной падеж**“.

Основной падеж—основа имени—является одной из форм имен существительных, именно начальной формой, от которой образуются все остальные косвенные падежи. Поэтому в карачаево-балкарском языке термин **атаучу болуш** целесообразнее заменить термином **баш**

---

¹ Х. Карасаев. Семантика падежей в киргизском языке (Труды института языка, литературы и истории Кирг. филиала АН СССР) вып. I, Фрунзе, 1945, стр. 14—21.

² В. М. Насилов. Грамматика уйгурского языка. М., 1940.

³ А. П. Поцелуевский. Основа синтаксиса туркменского литературн. языка. Ашхабад, 1943.

⁴ Е. И. Убрятова. Исследования по синтаксису якутского языка. М.—Л., 1950.

⁵ В. А. Гордлевский. Грамматика турецкого языка. М., 1928, Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М., 1940.

⁶ И. А. Батманов. Употребление падежей в киргизском языке. Фрунзе—Казань, 1938.

⁷ А. Н. Кононов. Грамматика узбекского языка. М.—Л., 1948.

⁸ У. Б. Алиев. Малкъар тилни грамматикасы, ч. I. Нальчик, 1960, стр. 67. А. М. Байрамкулов. Къарачай тилни грамматикасы, ч. I. Черкесск, 1958, стр. 30.

болуш (дословно и по смыслу „начальный“ или „основной“ падеж).

Кроме того, термин „именительный“ (равно как и „назывательный“) не охватывает всего комплекса функций именной основы. Основной падеж карачаево-балкарского языка и именительный падеж, допустим, русского языка соответствуют в том, что имена, выполняющие в предложении роль подлежащего или сказуемого (именного) обязательно должны стоять в этих падежах. Однако, если именительный падеж русского языка является падежом преимущественно грамматического субъекта (предикативная функция играет менее значительную роль по сравнению с субъективной функцией), то в карачаево-балкарском в „именительном“ (основном) падеже могут стоять не только слова, служащие в предложении главными членами, но и слова, являющиеся второстепенными членами предложения. Например: существительное в форме основного падежа, сочетаясь с послелогом, представляет собой единый комплекс и в предложении выполняет функцию относительного (послеложного) дополнения или обстоятельственного слова т. е. выражает и те синтаксические отношения, которые в русском языке передаются при помощи косвенных падежей:

Ахмат амалтын ишиме кечикдим „Я опоздал на работу из-за Ахмата“.

Къарнашым ат бла келди „Брат (мой) приехал на коне“.

В первом предложении **Ахмат амалтын** (из-за Ахмата) является обстоятельством причины, во втором предложении—**ат бла** „на коне“—относительное дополнение.

Проф. А. П. Поцелуевский по рассматриваемому вопросу писал следующее: „Об именительном падеже (номинативе) как выразителе субъекта предложения мы можем говорить лишь применительно к тюркским личным и указательным местоимениям, ибо только эти категории речи имеют настоящую форму именительного падежа с нулевым показателем, основа же („именительный“ падеж) всех остальных тюркских имен может выполнять весьма различные синтаксические функции, ничего общего не имеющие с именительным падежом,

а именно: выступать в роли аккумулятива, аллатива, генитива, прямого и абсолютного падежей и т. д.¹.

Неудачным оказывается и термин „абсолютный“, так как абсолютная форма „является формой существительного, не имеющего ни форм падежа, ни форм чисел, ни форм притяжательности“². Абсолютная форма, следовательно, совпадает с формой имени в основном падеже единственного числа без притяжательного аффикса.

Что же касается термина „безаффиксальный“, то он условно имеет ввиду отсутствие лишь падежного аффикса, тогда как к рассматриваемому падежу относится сочетание именной основы или корня со словообразовательными аффиксами, либо с притяжательными аффиксами и аффиксом множественного числа. Так, например, подлежащее в нижеследующих примерах выражается сочетанием имен с перечисленными видами аффиксов, относясь в то же время к так называемому „безаффиксальному“ падежу:

Сабийле школгъа кетдиле „Дети ушли в школу“.

Къойчуу бычагъы джокъду „У чабана нет ножа“.

Аталарыбыз келдиле „Наши отцы приехали“.

(3) **Послелогои, управляющие дательным падежом.** Сюда относятся: **дери (деричи, деричин), джууукъ, кёре, къараб, къарамай, къаршчы, къажсау, ушаи.**

Джерине кёре битими (Нарт. сёз) „По почве и урожай“ (Поговорка).

Кюнню халисине кёре, тамбла джанъур джауарыкъды (А. М. Байрамкулов) „Судя по погоде, завтра будет дождь“.

Биз бюгюн Нальчикге дери барлыкъбыз „Мы сегодня поедem до Нальчика“.

Бу сагъатха деричи къайда эдинъ? „Где ты был до сего часа, до сих пор?“

Ол танънъа деричин кёз къысмады „Он до утра не смыкал глаз“.

Алайда герман фашистлени ёлюб, джаралы бо-

¹ А. Н. Поцелуевский. Некоторые рудиментарные падежные формы в туркменском языке. Изв. Турк. фил. АН СССР, № 5—6, 1945, стр. 12.

² К. Е. Майтинская. Неопределенный падеж и абсолютная форма в венгерском языке. Ученые записки Военного института иностранных языков, № 6, 1948, стр. 73.

луб джюз он минъне джууукъ адамлары кырылганды (О. Хубиев) „Там германские фашисты убитыми и ранеными потеряли около ста десяти тысяч человек“.

Эсинъдемиди, тюшге ушаш тюнлерибиз! (О. Хубиев) „Помнишь ли ты наши дни, похожие на сны!“

Мен артха къарайма: джаралы къушха ушаш, термилген адамны кёреме (К. Кулиев) „Я оглядываюсь назад и вижу: человек мучается подобно раненому орлу“.

Одоевский мында шимал кёгюне ушаш ол кёк кёзлерин жумады (К. Кулиев) „Здесь Одоевский сомкнул свои голубые глаза, похожие на северное небо“.

Урунъан халкъны улулары—

Ма биз тёллюбюз,

Джаугъа къаршчы къан джырыб барыу—

Бизни кёллюбюз (А. Уртенев).

Алтынны мен урлагъаным билсе, къарындашы болгъаным къарамай, ол мени ёлтюрлюкдю (Малкъ. жом.) „Если он узнает о том, что золото украл я, убьет меня, несмотря на то что, мы братья“.

Следует отметить, что в языке произведений известного карачаевского поэта Даута Байкулова встречается несколько необычное для норм литературного карачаево-балкарского языка употребление послелога *дери* с основным падежом. Например:

Ёргерек дери барыб келейик“ (Д. Байкулов).

Сравн.: „ёргерек дери“ вместо „ёргерек-ге дери“.

Послелоги, управляющие исходным падежом. К ним относятся: *алгъа*, *аллын*, *алда*, *ары*, *башлаб*, *бери* (*беричи*, *беричин*), *ёзге*, *ёнъе*, *сора* (*сонъра*).
Примеры:

Мындан алда джанъур джаугъан, болур, джоланы чунъурчукъларында батмакъ кёлчюкле кёрюнедиле (О. Хубиев) „Видимо, недавно прошел дождь, так как на выбоинах дорог видны небольшие лужицы“.

Азамат биринчи ноябрдан башлаб отпускагъа чыгъаргъа хазырланады „Азамат готовится уходить в отпуск начиная с первого ноября“.

Аналарыбыз! Бюгюнден ары жалан сизни жашларыгъыз угъай, болдукъ биз кишиликини жашлары (К. Кулиев) „Матери наши! С сегодняшнего дня мы

не только ваши сыновья, но и стали сыновьями мужества“.

Ол, бизден алгъа жетиб, къакъгъанды терезелерин юлерибизни (К. Кулиев) „Он раньше нас постучал в окна наших домов“.

Не замандан бери джашайса Москвада? „С какого времени ты живешь в Москве?“

Мен сабийлигимден бери эртенликде арбазланы, орамланы да сыйпаучу адамланы бек суйеме (К. Кулиев) „С детства очень люблю людей, подметающих дворы и улицы по утрам“.

Жюрекде жюрютеме андан беричи атын (М. Геттуев) „С тех пор я ношу его имя в своем сердце“.

Не къадар болгъанды тюрленну, эгечим, экибиз ал таныш замандан беричин (А. Уртенев) „Сколько перемен произошло, сестра моя, со времени нашего первого знакомства“.

Джанъур джаууб тохтагъандан сора, мен джолгъа чыкъдым (У. Б. Алиев) „После того, как перестал лить дождь, я отправился в путь“.

<i>Ёлюр хар джол</i>	„Нет другого пути,
<i>Ленинни джолундан ёзге</i>	Кроме ленинского,
<i>Ленинизм сауду</i>	Учение Ленина живет—
<i>Туугъанды ол ёлмезге!</i>	Оно бессмертно!“

(А. Уртенев)

5. Послелогои, управляющие основным, родительным и дательным падежами. Сюда относится: *таба, чакълы*. Например:

а) основным падежом:

Сабийле джол таба чабыла (А. М. Баирамкулов) „Дети побежали в сторону дороги“.

Халит ишлеген чакълы бир бюгюн мен да ишлегенме „В такой же мере, как Халит, и я сегодня поработал“.

б) родительным падежом:

Мухтар къолун мени таба узатды „Мухтар протянул руку ко мне || в мою сторону“.

Аны чакълы окъургъа кюреш (М. Хабишев) „Постарайся учиться столько же, сколько и он“.

в) дательным падежом:

Джерге таба ийилди чалмалы башы (А. Уртеннов) „К земле наклонилась его голова с чалмою“.

Аланы хар бирине чакълы (М. Хабичев) „Столько же, сколько каждому из них“.

Особо нужно отметить послелог **кибик**, который в карачаево-балкарском языке употребляется со всеми падежами (основным, родительным, дательным, местным и исходным), кроме винительного падежа. Например:

а) основным падежом:

Эртенден инъирге деричин ёгюз кибик ишлейди „С утра до вечера он работает как вол“.

Аслан кибик тёрт джанына айланаракъ (А. Уртеннов) „Как лев || подобно льву, метался во все четыре стороны“.

Жашауугъуз татлы болсун ма бу той кибик (К. Кулиев) „Пусть ваша жизнь станет сладостной, как вот этот танец“.

б) родительным падежом:

Сизни кибик тамадала бла оноулашыргъа келгенме (О. Хубиев) „Я пришел посоветоваться со старшими, как вы“;

в) дательным падежом:

Волга сууу Каспийге кибик, къошулгъанса къазах жырлагъа, исламей, шуйохла тебсеую (К. Кулиев) „Исламей—танец друзей, ты подружился с казахскими песнями, как Волга с Каспием“.

Тойгъа кибик кийиниб орамгъа чыкъды „Он нарядился как на свадьбу и вышел на улицу“;

г) местным падежом:

Жомакъда кибик, кёрюнесе сен... (К. Кулиев) „Ты появляешься, как в сказке...“

Сеннге, мени жюрегимде кибик, иги болсун бу чексиз дуняда!.. (К. Кулиев) „Пусть тебе будет так же хорошо на этой необъятной земле, как в сердце моем!..“

д) исходным падежом:

Ай жарыгъында, ёгюз мюйюзле кюмюшден кибик кёрюне кёзге (К. Кулиев) „При лунном свете бычьи рога казались серебряными.“

Однако послелог **кибик** с дательным и местным падежами не играет той роли, как с основным и родительным падежами. Дело в том, что управление паде-

жом в названных конструкциях принадлежит не послелогу, а последующему глаголу. Здесь он вставляется между управляемым и управляющим словами как наречие со значением **как, как будто** и с его устранением исчезает оттенок неуверенности или сравнения. Например:

Тойгъа кийиниб чыкьды „Одевшись, он вышел на танцы“.

Сравн.: *тойгъа кибик кийиниб чыкьды* „Он вышел, нарядившись, как на танцы“.

Къышда сууукъ уллу эди „Зимой было очень холодно“.

Сравн.: *Къышда кибик сууукъ уллу эди* „Было сильно холодно, как зимой“.

Рассмотренное позволяет сделать следующие краткие выводы:

① Связь между послелогам и сопровождаемыми ими словами основана на способе управления: послелог, сочетаясь с управляемыми словами, требуют от них форму того или иного падежа. Вопрос, чем обусловлен и отчего зависит выбор конкретного падежа перед тем или иным послелогом, сложный. Здесь, вероятно, имеет значение взаимное соответствие лексической (скрытой или явной) семантики послелога и падежа, а также общий смысл всего словосочетания. Падеж, хотя и зависит от значения послелога, но в то же время необходимо семантическое соответствие управляемого слова, так как не всякое (абсолютно) слово можно употребить с данным послелогом.

② Послеложное управление в карачаево-балкарском языке относится к числу наиболее распространенных. К тому же все падежи, кроме винительного, подвергаются послеложному управлению.

③ Основной падеж карачаево-балкарского языка управляется только послелогам.

Выше указывалось, что часть тюркологов (Н. И. Ашмарин, С. А. Джафаров, И. Х. Джабарзаде и др.) основной падеж считают неуправляемым и форму имени в конструкциях типа „основной падеж+ послелог“ рассматривают как „неопределенный“ или „неоформленный“ родительный падеж.

Представляется, что кажущаяся убедительность такого предположения вытекает из того, что сочетание именной основы беспадежного аффиксального оформления с послелогом, с точки зрения грамматической формы, относясь к основному падежу, логически часто обобщается в сознании говорящих как один из неформленных косвенных падежей («не оформленный» родительный падеж).

14. Послеложное управление имеет следующую особенность: поскольку конкретное дополнение уточняет общее значение послелога (абстрактного слова), постольку оно оформляется как грамматически подчиненный (управляемый) член при управляющем послелоге. Однако тут грамматическая конструкция приходит в противоречие с лексическим содержанием ее членов. Дело в том, что смысловой центр высказывания содер­жится в конкретном слове, поэтому оно начинает пониматься как главный (господствующий) член словосочетания, а послелог становится, наоборот, по смыслу подчиненным членом. Уже не конкретное слово уточняет значение послелога, а послелог становится уточнителем конкретного, привнося в него то или иное добавочное значение. Поэтому мы говорим о роли послелога, как об уточняющей, дифференцирующей, расширяющей значение падежей. Это и дает известное основание говорить, что послелоги как бы расширяют тем самым рамки системы склонения.

Что же касается синтаксической связи послеложноименных слов, то она характеризуется изафетной связью типа I или II с непосредственно предшествующим словом.

Изафетная связь в словосочетаниях карачаево-балкарского языка характеризуется использованием типа согласования и типа управления. Это—связь взаимного подчинения компонентов сочетания, где элемент родительного падежа (*гениитивный аффикс*) является показателем управления; элемент притяжательности (*релятивный аффикс*)—показателем согласования.

Следует отметить, что служебно-именная изафетная конструкция в свою очередь является управляемой, падеж которой определяется последующим (управляющим) глаголом. Например:

Джюзюучю сууну тьбюне кёмюлдю „Пловец нырнул под воду“.

Мен Минчи-Тауну тьбюнде туугъанма (К. Кулиев) „Я родился под Эльбрусом“.

Узакъ жолла кёвдюле жер юсюнде (К. Кулиев) „На земле много дальних дорог“.

Адвербиализация послеложных конструкций в современном карачаево-балкарском языке

В категории наречия, грамматически очень определенной, объединяется в высшей степени подвижный и текучий материал. С одной стороны, состав наречий непрерывно пополняется потоком адвербиализуемых других частей речи. С другой стороны, наречия, при изменении характера их синтаксической связи с членами предложения легко переходят в послелогии.

Так, выше уже отмечалось, что в современном карачаево-балкарском языке (как и вообще в тюркских языках) широко распространено употребление в роли послелогов наречий. Сюда относятся такие, как: *алда, аллын, алгъа, ары, бери, ёзге, ёнъе, сора, сонъра, къадар* и др.

Выступая в самостоятельной роли, как известно, наречие всегда стоит впереди тех слов, с которыми оно сочетается способом примыкания и синтаксически выражает разные обстоятельственные отношения. Например:

Сора ол элни адамлары жыйылгъандыла да, къабхан салгъандыла да, тьлкюню ёлтюргендиле (Малкъ. фольк.) „Затем собрался народ, поставили капкан и убили лису“.

Ёнъе мадар излегиз „Ищите другой выход (из положения)“.

Бери кел „Иди сюда“.

Выступая же в роли послелогов, наречия позиционно стоят уже не перед словом, с которым они сочетаются, и не примыкают к нему, а, наоборот, следуют за

ним и сочетаются с ним способом управления. Например:

Сенден сора кёрмеген эдим кесимча асыл жюрек-ли (Малкъ. поэт. ант.) „Кроме тебя, я не видел тако-го, как я с добрым сердцем“.

Былырдан бери ишлейме „Работаю с прошлого года“.

В свою очередь, одним из продуктивных способов образования наречий в карачаево-балкарском языке является способ образования за счет имен существительных, местоимений и числительных в сочетании с послелогом. Однако мы должны их называть функциональными наречиями, ибо наречное значение они приобретают только в контексте.

В качестве функциональных наречий чаще всего выступают именные формы в сочетании с послелогом: **бла, кере, сайын, ючюн** и нек. др.

К ним относятся:

а) наречия, образованные от имен существительных в основном падеже един. числа в сочетании с послелогом **бла** типа: **аллы бла** (сперва, сначала), **аман бла** (по-плохому), **кюч бла** (силой), **игилик бла** || **ариулукъ бла** (по-хорошему), **тюбю бла** (снизу), **юсю бла** (сверху), **эртен бла** (утром) и др.;

б) наречия, производные от числительных с послелогом **кере**, например: **бир кере** (однажды, раз, как-то), **биринчи кере** (впервые), **эки кере** (вдвое, дважды), **юч кере** (втрое, трижды) и т. д.;

в) наречия, образованные от имен существительных в основном падеже в сочетании с послелогом **сайын**, например: **минут сайын** (поминутно || ежеминутно), **сагъат сайын** (ежечасно), **ай сайын** (помесячно || ежемесячно), **эртден сайын** (поутру) и др.;

г) наречия, производные от местоимений в основном или родительном падеже в сочетании с послелогом **ючюн**, например: **не ючюн** (отчего, зачем, почему), **аны ючюн** (потому) и т. д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая обзор послеложных слов в карачаево-балкарском языке, следует отметить, что они являются одним из средств выражения грамматических отношений, т. е. оказываются другим способом выражения связи между словами в предложении по сравнению с падежными аффиксами. Между тем они коренным образом отличаются от аффиксов по следующим признакам:

1. Послелогои, хотя и выполняют служебную функцию и выступают в предложении не самостоятельно, а при других полнозначных словах, все же являются словами, а не аффиксами.

2. Фонетически послелогои представляют собой самостоятельное слово и обладают известной лексической выделяемостью.

3. Обладают способностью к раздельному синтаксическому существованию, чего нельзя сказать о падежном аффиксе.

4. Послелогои характеризуются способностью сочетаться только с теми словами, лексическое значение которых находится в соответствии со значением сочетающегося с ним послелогоа.

✓/Подводя итоги, мы сочли целесообразным указать и на различия между русскими предлогами и карачаево-балкарскими послелогоами, так как наличие общих черт у последних нередко приводит к их неправильному отождествлению.

Общеизвестно, что одной из главных особенностей, отличающих русский язык от карачаево-балкарского, является наличие предлогов в русском языке и отсутствие их в карачаево-балкарском языке.

Послелогои в карачаево-балкарском языке, так же как и предлоги в русском языке, относятся к разряду служебных слов и служат для конкретизации отношений, выражаемых падежными формами, дополняют и уточняют значение падежей, а иногда оформляют новое значение, не представленное системой склонения.

В этой своей функции они совпадают. Однако между ними есть и весьма ощутимые различия:

1. Предлоги употребляются препозитивно, а послелогои постпозитивно.

2. По своему употреблению, по способности указывать на самые различные отношения, категория предлогов в русском языке шире категории карачаево-балкарских послелогов. Это видно из того, что отношения, выражаемые предлогами русского языка, в карачаево-балкарском языке передаются посредством ряда грамматических и лексических средств или способов выражения, а именно:

а) надежными аффиксами (*элден* „из села“, *шахардан* „из города“, *элге* „в село“, *шахаргъа* „в город“ и т. д.);

б) послелогоми (*шахаргъа дери* „до города“, *сени амалтын* „из-за тебя“, *сени къатыш* „вместе с тобой“ т. д.);

в) послеложно-именными словами (*окъуну юсюнден* „об учебе“, *столну тубюнде* „под столом“, *хунаны къатында* „около забора“ и т. д.);

г) некоторыми словообразовательными аффиксами (*тохдаусуз* „без устали“, *тузсуз* „без соли“, *эки томлу роман* „роман в двух томах“, *тёрт джабыулу пьеса* „пьеса в четырех действиях“ и т. д.);

д) описательные выражения (*эсин джайды* „пришел в себя и т. д.).

3. Среди русских предлогов есть такие, которые состоят только из одного гласного или согласного, например: **в, к, с, о, у** в то время как все карачаево-балкарские послелогои в фонетическом отношении представляют собой стандартные звуковые комплексы (*амалтын, къатыш, бла, дери, къыллы*

и т. д.), совпадая в этом отношении с отдельными словами.

4. Карачаево-балкарские послелогои по своему значению гораздо конкретнее, чем русские предлоги. Лексическая значимость большинства из них настолько велика, что не позволяет совмещать послелогую столько различных значений, сколько совмещает в себе русский предлог.

5. Большинство послелогов карачаево-балкарского языка могут частично изменяться, чего нельзя сказать о предлогах русского языка.

6. В русском языке возможно слияние двух предлогов в парные предлоги (**из-за**, **из-под**), что не наблюдается за послелогоами карачаево-балкарского языка.

7. Предлоги связывают лишь отдельные члены предложения между собой, а послелогои связывают не только отдельные зависимые слова со словами, от которых они зависят, но часто даже придаточные предложения с главным, выполняя функцию подчинительных союзов.

Например:

Альпинистле бюгюн Минги-Тауну башына чыгъалмадыла, не юцюн десенъ Минги-Тауну башында уллу боран къобханды (У. Б. Алиев) „Альпинисты сегодня не сумели добраться до вершины Эльбруса, **потому что** на вершине Эльбруса бушевал буран“.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. IV. М., 1937, стр. 434.
- В. И. Ленин. Философские тетради. Госполитиздат, М., 1947.
- Х. Абдуллаев. К вопросу о русских предлогах и их эквивалентах в узбекском языке. Изв. АН Узб. ССР, № 4, 1947.
- Г. П. Александров. Послелогии в современном турецком языке. А. к. д. М., 1956.
- У. Д. Алиев. Карачаево-балкарская грамматика (горско-тюркский язык). Крайнациздат, Кисловодск, 1930.
- У. Б. Алиев. Слово и части речи. Учебные записки КБГУ, вып. 7, Нальчик, 1960.
- У. Б. Алиев. Малкъар тилни грамматикасы, I кесек. Нальчик, 1958.
- У. Б. Алиев. Къарачай тилни грамматикасы, II кесек. Черкесск, 1959.
- У. Б. Алиев. Вопросы сложного предложения в русском и тюркских языках, ч. I. Черкесск, 1959; ч. II, Нальчик, 1959.
- А. М. Аппаев. Диалекты балкарского языка в их отношении к балкарскому литературному языку. Нальчик, 1960.
- О. С. Ахманова. О роли служебных слов в словосочетании. Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, № 2, 1962.
- Н. И. Ашмарин. Опыт исследования чувашского синтаксиса, ч. II. Симбирск, 1923.
- А. М. Байрамкъудланы. Къарачай тилни грамматикасы, I кесек. Черкесск, 1958.
- М. Б. Балакаев. Глагольные словосочетания с послеложными именами. Учебные записки Казах. гос. унив. т. XXV. Язык и литература. Алма-Ата, 1957.
- Ч. Х. Бакаев. Послелогии как средство выражения грамматических отношений в курдском языке. А. к. д. Л., 1950.
- Н. А. Баскаков. Ногайский язык и его диалекты. М.-Л., 1940.
- Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, часть II, М., 1952.

11. А. Баскаков. Морфологическая структура слова и части речи в тюркских языках. Тезисы докладов на открытом расширен. заседании Учебного совета Инст. языкозн. АН СССР, посвященные дискуссии о проблеме частей речи в языках разных типов 28—30 июня 1954. М., 1954, стр. 18.
- Н. А. Баскаков. Алтайский язык. М., 1958.
- Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960.
- И. А. Батманов. Употребление падежей в киргизском языке, Фрунзе—Казань, 1938.
- И. А. Батманов. Способы выражения синтаксических отношений в киргизском языке. Фрунзе, 1940.
- И. А. Батманов. Части речи в киргизском языке. ВЯ, № 2, М., 1955.
- И. А. Батманов. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959.
- К. Башиев. Русские предлоги и их соответствия в балкарском языке. Сборник студенческих научных работ КБГУ, вып. II. Нальчик, 1961.
11. А. Беляев. Грамматика туркменского языка. Асхабад, 1915.
- Х. Бердияров. Послелоги в современном узбекском литературном языке. А. к.-д. Узбек. гос. унив. им. А. Навои (без даты и места издания).
- А. И. Бочкаева. Употребление послелогов с внутренне-местными падежами эрзя-мордовского языка. Труды Инст. языкознания АН СССР, т. III М., 1954.
- Бодуэн де Куртене. Некоторые замечания о языковедении и языке. СПб., 1871.
- А. К. Боровков. Карачаево-балкарский язык. Яфетический сб. № 7 Л., 1932.
- А. К. Боровков. Очерки карачаево-балкарской грамматики. „Языки Северного Кавказа и Дагестана“, вып. I. М.—Л., 1935.
- А. К. Боровков. О чествах речи в языках тюркской системы „Революция и письменность“. № 2, 1936.
- Д. В. Бубрих. Послелоги в коми языке. Научный бюллетень, Ленинград. унив., 1946, № 9.
- В. В. Виноградов. Учение академика А. А. Шахматова о грамматических формах и о частях речи в современном русском языке. Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. № 1, 1951.
- А. Х. Востоков. Русская грамматика. СПб., 1835.
- Вопросы составления описательных грамматик языков народов СССР. Уфа, 1958.
- Е. М. Галкина-Федорук. Современный русский язык. М., 1958.
- И. Гиганов. Грамматика татарского языка. СПб., 1801.
- В. В. Гордлевский. Грамматика турецкого языка. М., 1928. Грамматика алтайского языка. Казань, 1869.
- С. А. Джафаров. О послелогах в азербайджанском языке. Изв. АН Азерб. ССР. Баку, 1956, № 4, стр. 74—100 (на азерб. языке).
- С. А. Джафаров. Грамматика азербайджанского языка, ч. I. Баку, 1959, (на азерб. языке).

- С. А. Джафаров. Словообразование в азерб. языке. Баку, 1960 (на азерб. языке).
- Н. К. Дмитриев. Служебные имена в турецком языке. „Советское языкознание“, т. III, Л., 1937.
- Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М., 1940.
- Н. К. Дмитриев и В. М. Чистяков. Русские послелогии и татарские послелогии. Вопросы методики преподавания родных языков в нерусской школе. М.—Л., 1948.
- Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948.
- Н. К. Дмитриев. Наречия места в турецком языке. Память академика А. В. Щербы. Л., 1951.
- Г. И. Донидзе. Послелогии в хакасском языке. Зап. Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Абакан, 1956, вып. IV.
- Ю. П. Долинина. Падежи в современном кумыкском языке. А. к. д. М., 1954.
- Н. П. Дырленкова. Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940.
- Н. П. Дырленкова. Грамматика шорского языка. М.—Л., 1940.
- Н. П. Дырленкова. Грамматика хакасского языка. Абакан, 1948.
- З. М. Дубровина. Послелогии и предлоги в современном финском литературном языке. А. к. д. М., 1952.
- В. М. Жирмунский. Развитие категории частей речи в тюркских языках по сравнению с индоевропейскими. Изв. АН СССР, отделение языка и литературы, вып. III—IV, т. IV, 1945.
- В. М. Жирмунский. О границах слова. ВЯ, № 3, М., 1961.
- Ф. Р. Зейналов. Принципы классификации именных частей речи. Баку, 1959.
- А. И. Исаков. Наречие в современном казахском языке. Алма-Ата, 1950.
- Ф. Г. Исхаков. Некоторые предположения о происхождении конечных *m* и *ð* в словах аст, уст, алд, арт и т. п. „Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятилетнему“. М., 1953.
- Ф. Г. Исхаков. Лексико-грамматическая классификация слов или части речи в тюркских языках. ИСГТЯ, т. II, М., 1956.
- Ф. Г. Исхаков и А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961.
- В. А. Исенгалнева. Послелогии в казахском языке. Изв. АН Каз. ССР, № 135. Серия филологии и искусствоведения, вып. I—II. Алма-Ата, 1954.
- В. А. Исенгалиева. Служебные имена и послелогии в казахском языке. Алма-Ата, 1957.
- В. А. Исенгалиева. Русские предлоги и их эквиваленты в казахском языке. Алма-Ата, 1958.
- А. Ислямов. Употребление падежей в языке древних памятников. Ученые записки Семипалатинского гос. пед. института им. Н. К. Крупской, вып. II, Семипалатинск, 1957.
- А. Казем-Бек. Общая грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1839—1846.
- А. Казем-Бек. Учебные пособия для временного курса турецкого языка, СПб., 1854.

- Н. А. Караулов. Краткий очерк грамматики горского языка „болкар“ СМОМПК, № 42. Тифлис, 1912, раздел III.
- Н. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка. Казань, 1903.
- А. А. Коклянова. Послелог и служебные имена в узбекском литературном языке. Труды Института языкознания АН СССР, т. III, 1954.
- А. Н. Кононов. Послелог в современном узбекском литературном языке. Ташкент, 1951.
- А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956.
- А. Н. Кононов. Грамматика современного литературного языка М.—Л., 1960.
- Е. Ш. Колякчи. О категории послелога в современном японском языке. Ученые записки МГУ. 1952, вып. 3.
- П. С. Кузнецов. Морфологическая классификация языков. М., 1954.
- С. С. Майзель. Изафет в турецком языке. М.—Л., 1957.
- Т. Макаров. Татарская грамматика (кавказского наречия). Тифлис, 1948.
- С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.
- С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952.
- С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959.
- П. М. Мелiorанский. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900.
- М. И. Мелiorанский. Краткая грамматика казах-киргизского языка. СПб., ч. I, 1894.
- И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. М.—Л., 1945.
- Х. И. Мирзазаде. Историческая грамматика азербайджанского языка (служебные части речи). Баку, 1959 (на азерб. языке).
- Д. М. Мураталиева. Послелог в киргизском языке. Фрунзе, 1958.
- Э. Н. Наджиб. Современный уйгурский язык. М., 1960.
- В. М. Насплов. Грамматика уйгурского языка. М., 1940.
- В. М. Насплов. Язык орхоно-енисейских памятников, М!, 1960.
- Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка, вып. I—XIII. СПб. Л., 1907—1930.
- А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938.
- А. И. Поцелуевский. Основы синтаксиса туркменского литературного языка. Ашхабад, 1943.
- А. И. Поцелуевский. Некоторые рудиментарные падежные формы в туркменском языке. Изв. Туркм. АН СССР, № 5—6, 1945.
- В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. I—IV. СПб—1893—1911.
- Б. С. Саяргалиев. Служебные слова в башкирском языке. Уфа, 1960 (на башк. языке).

- А. Самойлович. Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка. Л., 1925.
- Г. Д. Санжеев. К проблеме частей речи в алтайских языках. ВЯ, М., № 6, 1952.
- Э. В. Севортян. К истории падежной системы в тюркских языках. Учебные записки Военного института иностран. языков. 1948, № 6.
- Э. В. Севортян. К проблеме частей речи в тюркских языках. Вопросы грамматического строя. М., 1955.
- Сравнительная грамматика русского и азербайджанского языков. Баку, 1954.
- А. И. Смирницкий. Морфология английского языка. М., 1959.
- А. И. Смирницкий. Лексическое и грамматическое в слове. Вопросы грамматического строя. М., 1955.
- Т. М. Тоцакова. Послелогии в алтайском языке (Глава из кандидатск. диссертации). Уч. записки Горно-Алтайского научно-исследовательск. инстит. истории, языка и литературы. Бийск, 1956, вып. 1.
- М. Терентьев. Грамматика турецкая, персидская, киргизская, узбекская. СПб., 1875.
- К. В. Трояков. Русские предлоги и их соответствия в хакасском языке. Зап. Хакасского научно-исследовательск. института языка, литературы и истории, вып. V. Абакан, 1957.
- М. Томианов. О некоторых склованных сочетаниях с послелогамии, выражающими временные отношения. Изв. АН Каз. ССР. Серия филологии и искусствоведения. Вып. 1--2 (8--9), 1958, (на казах. языке).
- У. Турсунов. Послелогии в узбекском языке. Сб. „Двадцатилетний юбилей Узбекского университета“, Самарканд, 1947.
- Е. И. Убрятова. Исследования по синтаксису якутского языка. М., Л., 1950.
- Н. И. Фельдман. Отыменные послелогии в современном японском языке. Вопросы грамматического строя. М., 1955.
- В. И. Филоненко. Грамматика балкарского языка. Нальчик, 1940.
- М. А. Хабичев. Местоимение в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1961.
- Х. И. Хаджилаев. К вопросу исследования и истории карачаево-балкарского языка. Ученые записки Азерб. гос. университета им. С. М. Кирова. Серия общественных наук. Баку, 1961, № 1.
- Х. И. Хаджилаев. О послелогах в карачаево-балкарском языке. Сб.: „В помощь учителю балкарской школы“ (Институт усов. учителей КБАССР). Нальчик, 1961.
- Р. Ю. Халилов. Управление в современном азербайджанском языке (послеложное управление). Изв. АН Аз. ССР. Баку, 1959. (на азерб. языке).
- Л. Н. Харитонов. Изменяемые слова в якутском языке. Якутск, 1943.
- Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык. Якутск, 1947.
- М. Н. Хыдыров. Послелоглар ве оларн уланышлары. Ашгабад, 1947 (на правах рукописи).
- М. Н. Хыдыров. Туркмен дилинде көмекчи сөзлөр меселеси. Ашгабад, 1947 (на правах рукописи).

- Хорезми. Мухаббат-наме. Издание текста, транскрипция, перевод и исследование Э. Н. Наджиба. М., 1961.
- А. Шарффов. О принципах классификации грамматических категорий тюркского языка. Аз. фил. АН СССР, XXXI. Баку, 1936.
- А. М. Щербак. Огуз-наме. Мухаббат-наме. Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности. М., 1959.
- А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X-XIII вв. из восточного Туркестана. М.—Л., 1961.
- Л. В. Щербак. О частях речи в русском языке. Сб. Русская речь [новая серия II]. Л., 1928.
- Дж. Эфендиев. Гошма [последок]. Исследования по азербайджанскому языку, 1947.
- А. В. Юрин. К вопросу о семантике служебных слов. Чарджоу 1960.
- С. В. Ястремский. Грамматика якутского языка. М., 1938.

На иностранных языках

- O. B o h t l i n s k. *Über die Sprache der Jakuten*, st. Petersburg, 1851.
- A. G a b i n. *Alttürkische Grammatik*. Leipzig, 1950; *Ozbekische Grammatik*, Leipzig, 1945.
- K. G r o n b e c h. *Der türkische Sprachbau*. Kopenhagen, 1936.
- J. D e n y. *Grammaire de la langue turque*. Paris, 1921.
- W. P r ö h l e. 1) *Karatschaische Studien*. Keleti Szemle, t. X, Budapest, 1909; 2) *Balkarische Studien*. Keleti Szemle, t. XV, Budapest, 1914—1915; 3) *Balkarische Studien*, II Keleti, Szemle, t. XVI, Budapest, 1915—1916.
- W. R a d l a f f. *Das türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus* (SPb. 1887).
- M. R a s a n e n. *Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen* Helsinki, 1957.
- B e s i m A t o l a y. *Divanü Lügat-it-Türk tercümesi*, Ankara, t. I, 1939, t. II, 1940, t. III, 1941; *Divanü Lügat-it-Türk, Tıpkıbasım*, Ankara, 1941 (Endeks, Ankara, 1943).
- A. C a f e r o s l u. *Abü-Hayyan, Kitab-al Idrak li-lisan al-Atrāk* Istanbul, 1931.

Художественная литература и фольклор а) на карачаевском языке:

- И. Акъ байланы. Ана тили. Тифлис, 1916.
- М. О. Акъ бай Уллу. Къарангылыкъдан жарыкълыкъгъа [Пьеса]: Нарсана [Кисловодск], 1932. Ана литература. Орта школну 7 классына хрестоматия. Черкесск, 1959.
- Ш. Акъ байланы. Школ сабийлеге мени оюнларым. Нарсана, 1932 [Къарачайны совет художество литературасыны югюлерин], Кесек, I. Микоян-Шахар, 1936.
- Х. Аппаланы. Къара кюбюр, I эмда 2 китабы. Микоян-Шахар, 1937. „Ата Джурт ючюн алгъа“ [Къарачай поэтлени джырлары. Микоян-Шахар, 1941.

- Д. Байкулланы. Джырла бла таурухла. Микоян-Шахар, 1940. Джазгъанларыны сайламлары. Черкесск, 1959.
- А. К. Байкъланы. Насыб джашаугъа. Микоян-Шахар, 1940; Хорлам, Черкесск, 1958.
- Х. Б. Байрамкъланы. Эки джюрек. Микоян-Шахар, 1939. Суйген тауларым. Черкесск, 1959. Къарчаны юдегиси. Черкесск, 1962.
- З. Байчораланы. Иги джолгъа. Черкесск, 1959.
- С. Байчораланы. Дугъум кёзлерингъ. Черкесск, 1962.
- А. К. Батчаланы. Ахмат-Батыр [пъеса], Нарсана, 1933.
- А. Биджилени. Билим. Москва-Ростов н/Д., 1928.
- А. Блимгъотланы. Магомет бла Карабин. Нарсана, 1934.
- Т. Борлакъланы. Насыблы джашлыкъ. (Стихи) Микоян-Шахар, 1939.
- „Джилтинле“ Карачай джырчылары кююлери, назмулары. Алма-Ата, 1957.
- „Джюрек Джырлайды“ (Къарачай поэтлени назмулары). Черкесск, 1957.
- А. Ертеиланы. Насра-Ходжаны хапарлары. Микоян-Шахар, 1931. Джазгъанларыны сайламлары. Черкесск, 1959.
- И. Къаракетланы. Революцион джырла. Кисловодск, 1931. Сайламалары. Черкесск. 1960.
- „Къарачай фольклор“ Микоян-Шахар, 1940.
- К. М. Къоркъмазланы. Адам хорлайды. Поэма. Черкесск. 1959.
- А. И. Семселаны. Тау бла таулу. Черкесск. 1961.
- Л. Суйюнчланы. Къобанны мынчакълары. Черкесск. 1959.
- О. Хубийланы. Амапат 1 эмда 2 китабы. Черкесск, 1959—1961

б) на балкарском языке:

- Х. Атакуева. Ана литература. Орта школну 6-чы классына хрестоматия. Нальчик, 1953.
- „Ата журт урушну жигитлери“ Нальчик, 1941.
- А. Ахматов. Жаз келди. Назмула бла поэмала. Нальчик, 1959.
- „Бизни сёзюбюз“ Малкъар поэтлени жырлары. Фрунзе, 1957.
- И. Боташев. Жюрегимден жырлайма. Фрунзе, 1957; Экинчи тюбешпу, Нальчик, 1961.
- А. Будаев. Алгъын. Нальчик, 1941. Мени Родиnam (назмула). Нальчик, 1938. Назмула бла жырла, Нальчик. 1957.
- М. Геттуев. Тюбешпуле. Назмула бла поэмала. Нальчик, 1961.
- Б. Гуртуев. Жарыкъ танг. Нальчик, 1958. Къызыл ёнле. Нальчик, 1935. Ленин биргебиздеди. Нальчик, 1960.
- Ж. Залиханов. Мени ауазым. Нальчик. 1938. Суйген журтум. Фрунзе, 1957.
- Т. Зумакулова. Къаяда гюлле. Нальчик, 1959.
- „Къарындашны сёзю“—(Малкъар поэтлени назмулары). Нальчик, 1957.
- Х. Кацнев. Жер жулдузлары. (Хапарла). Нальчик, 1940. Жюрек къууанч (назмула). Нальчик, 1936.
- Х. Кудиев. Ал кюнледе. (Хапарла бла очеркле). Нальчик, 1960.

- К. Кулпиев. Сайлама. Эки томдукъ, т. 1—2, Нальчик. 1958, Сайлама, эртденлик. Нальчик, 1940. Жангы китаб. Нальчик. 1940. Жангы китаб. Нальчик, 1961.
- С. Макишов. Мен жырлайма. Нальчик, 1958. Шаудан (назмула). Нальчик, 1958.
- „Малкар жомакъла. Нарт сезле, элберле“. Нальчик. 1959.
- И. Маммеев. Чалгы. (Назмула). Нальчик, 1939. А. Мечиев. Мени сёзюм, [Стихле бла жырла] Нальчик 1939. Сайлама чыгъармалары. Нальчик, 1959.
- К. Отаров. Жолла. Фрунзе, 1956. Сагъашла (назмула), Нальчик, 1958. Назмула бла поэмала. Нальчик. 1959.
- А. Теппеев. Жаным сенсе. (Назмула). Нальчик, 1959.
- С. Теппеев. Уучу. Заурбек. Нальчик, 1959.
- С. Шахмурзаев. Сырыйна. (Назмула), Нальчик, 1957.
- С. Шахмырзаланы. Назмула. Нальчик, 1961.

Газеты:

—Къызыл Къарачай“, „Ленинни байрагы“, „Коммунизмге жол“ за 1957-1962 годы.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Список сокращений	5

ГЛАВА I

Введение	7
Взгляды дореволюционных тюркологов на послелог	7
Вопрос о послелогах в работах советских тюркологов	11
Вопрос о послелогах у исследователей карачаево-балкарского языка	23

ГЛАВА II

К вопросу о развитии категории послелога в тюркских языках	27
К вопросу о месте послелога в грамматическом строе языка	36

ГЛАВА III

Послелог в современном карачаево-балкарском языке	44
Классификация послелогов современного карачаево-балкарского языка	49
Собственно послелог карачаево-балкарского языка	53
Соотносительные послелог	90
Послелог, образованные от имен существительных при помощи словообразовательного аффикса <i>-лы</i>	94

Послелogi—изолированные формы прилагательных, наречий и местоимений	94
Послелogi, по своему образованию являющиеся глагольными формами	<u>108</u>

ГЛАВА IV

Послеложно-именные слова в карачаево-балкарском языке .	116
---	-----

ГЛАВА V

Послеложное управление в современном карачаево-балкарском языке	134
Адвербиализация послеложных конструкций в современном карачаево-балкарском языке	145
Заключение	147
Литература	150

Хаджи-Мурат Исаевич Хаджилаев.

**Послелогии
и послеложно-именные слова
в карачаево-балкарском языке**

Редактор кандидат филологических наук *М. А. Хабичев.*

Технический редактор *З. Т. Темирова.*

Корректоры *Н. А. Болохова, Р. А. Гочияева.*

Сдано в набор 3/VIII-1962 г. Подписано к печати 4/X-1962 г.

Формат 84x108¹/₃₂. Физ. печ. л. 10. Усл. печ. л. 8,2.

Учетно-изд. л. 8,46. Тираж 600 экз. Заказ № 3531.

ВУ 29157. Цена 33 коп.

Карачаево-Черкесское книжное издательство,

г. Черкесск, ул. Ленина, 35-а.

Черкесская типография, г. Черкесск, Комсомольская, 32.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
4	11 снизу	транслитированы	транслитерированы
9	8 сверху	имело	имела
10	2 снизу	turkichen	turkischen
10	1 снизу	Gotthoed	Gotthold
20	1 и 3 снизу	форматов	формантов
37	9 сверху	Deni	Deny
85	18 снизу	заявтениягъа	заявлениягъа
85	18 снизу	проѣаб	прораб
147	13 снизу	выделимостью	выделяемостью
152	6 сверху	Русские послелоги	Русские предлоги
155	18 сверху	A. Gabin	A. Gabaln
155	21 снизу	W. Radlaff	W. Radloff
155	17 снизу	AtoIav	Atalay